

**А . К а п ы ш е в
С . К о л ч и г и н**

**Ф И Л О С О Ф И Я   Г Р Я Д У Щ Е Г О
(И с т и н н ы й   П у т ь   Ч е л о в е к а)**

Алматы, 1999

**ББК 87.3
К20**

Капышев А., Колчигин С.

Философия Грядущего (Истинный Путь Человека).- Алматы: ТОО “Комплекс”, 1999. 184- с.

В книге известных казахстанских философов осуществляется радикальный пересмотр мировоззренческих оснований всех прошлых и нынешних философских, религиозных и научных доктрин. Показаны их глубокие внутренние противоречия и тупиковые следствия, связанные с исторически неизбежной недостаточностью знаний о Море, Боге и Человеке. Сегодня, однако, недостающие положения в этих вопросах восполнены текстами Последнего Завета, как раз и являющего собой, по мнению авторов, искомую полноту Истины. В свете Последнего Завета, который пока еще не получил должного осмысления читающей публики, “вечные” вопросы находят свое адекватное решение, и философия, мировоззрение и само бытие человека обретают совершенно

новые горизонты и удивительные перспективы.

Книга рассчитана не только на философов-профессионалов, но и на всех мыслящих людей, которые искренне хотят разобраться в смысложизненных проблемах.

ББК 87.3

Рекомендовано в печать Ученым советом Института философии и политологии МНиВО РК

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор М.С.Сабитов;

доктор философских наук А.А.Хамидов;

кандидат философских наук С.Е. Нурмуратов.

К 0301000000

00(05)-99

ISBN 9965-471-05-3

К О Р О Т К О   О Б   А В Т О Р А Х

Капышев Акрамкан Бекпаувич - специалист в области диалектической логики, онтологии и эпистемологии, истории философии, нетрадиционной медицины. Известен работами по интегральной философии, проблемам личности, рефлексии, свободы, исследованиями по гомеостазу. Доцент кафедры философии и методологии науки Института философии и политологии Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Академик Народной академии Казахстана “Экология”.

Колчигин Сергей Юрьевич - специалист в области диалектической логики, теории познания, восточной философии. Известен исследованиями по проблемам мировоззрения и мироотношения. Заведующий отделом онтологии и эпистемологии Института философии и политологии Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Доктор философских наук.

В В Е Д Е Н И Е

П о с л е д н е е С л о в о ф и л о с о ф и и

Лучшие подвижнические умы всех эпох бились над разрешением вопросов: что есть человек вообще? что есть окружающий его мир? в чем суть бытия человека в мире? И ни одному из этих умов не суждено было открыть Истину.

Многие философы честно признавали, что не могут отыскать окончательных ответов на эти “проклятые” вопросы, и переставали двигаться дальше, считая вопросы важнее ответов.

Другие, не удовлетворяясь относительной истиной и чувствуя, что она чревата скептицизмом либо догматизмом, продолжали идти вперед и поднимались со ступеньки на ступеньку в своих поисках Истины абсолютной. И некоторым из них даже казалось, что они эту Истину наконец обрели. Но так ли это было на самом деле? Не была ли эта истина опять-таки лишь относительной? Не являлись ли неверными сами основания и ориентиры этих поисков?..

Если в постижении мировоззренческих вопросов исходить из отношения “субъект - объект” (“мышление - бытие”), где активным субъектом считается человек как мыслящее существо, а противолежащим пассивным объектом - мир, то все содержание человеческого бытия сводится к одной только деятельности, а в конечном итоге к антиприродному активизму. Такая мировоззренческая и мироотношенческая позиция характерна для Запада, точнее, для новоевропейского рационализма, и не учитывает иных культурно-исторических традиций, прежде всего восточного принципа созерцания. Более того, она не позволяет ответить на вопросы, откуда в человеке-субъекте эта активность; она по существу не видит в человеке нравственного начала и не объясняет его; она не в состоянии показать действительный смысловой идеал и выдвигает разве что сиюминутные прагматические цели.

Гораздо более глубоким, точнее, самым глубоким и предельно широким основанием подлинной философии является отношение “Человек - Мир” - отношение, стороны которого, взятые во всеобщей форме, эквивалентны, равномошны. Человек включает в себя весь Мир, т.е. Человек есть и микромир (микрокосм), и макрокосмос. Эта философская позиция объясняет человеческую активность (она возникает из творческой энергии универсума), а значит, и человеческую универсальность; она включает в себя восточные и, как свой момент, западные образцы мироотношения; она учитывает, что человек - не только деятельное, но и созерцательное существо. И надо безоговорочно признать, что во второй половине XX века в отстаивании и последовательном проведении этой сильной мировоззренческой позиции в мире не было равных некоторым философам СССР - тем, кто в жестких условиях догматического марксизма работал в русле и в духе настоящей, Большой Философии.

И все-таки приходится констатировать, что и отношение “Человек - Мир”, хотя в принципе оно есть всеобъемлющее философское основание, в существовавших до сих пор представлениях о нем не является достаточным для того, чтобы считаться истинным.

Во-первых, постулат об эквивалентности Человека и Мира сам по себе не проясняет качественной специфики человека в универсуме. В чем смысл появления и существования в мире человеческих личностей, если мир и без того есть живой и разумный, т.е. сущностно подобный человеку и актуально превосходящий его? Во-вторых, как и в случае с отношением “субъект - объект”, здесь не слишком понятно, где находится основание нравственности. Иными словами, почему я должен любить другого, если я сам являю собою все сущее? Наконец, эквивалентность сторон отношения “Человек - Мир”, хотя она и помогает выработке философии интегрального типа, не позволяет синтезировать или примирить доктрины религиозные. Ибо в одних религиях причина и сущность мироздания представляется как безличное и равнодушное “Оно” (Пустота Абсолюта), а в других - как личностный и участливый “Он” (Отец Небесный).

Авторы предлагаемой книги прошли в своем мировоззренческом развитии оба указанных фазиса: философствовали поначалу на основе отношения “субъект - объект”, а затем на основе традиционных трактовок отношения “Человек - Мир”. Вместе с мыслителями прошлого и настоящего испытав эти философские пути (в их различных модификациях), мы, пишущие эти

строки, можем теперь со всей ответственностью заявить нижеследующее.

Философия в той форме и с тем содержанием, какие были присущи ей на протяжении многих веков вплоть до наших дней, себя изжила. И сегодня она стоит перед тем рубежом, за которым она должна приобрести совершенно иной, чем прежде, способ своего бытия и перейти на качественно новую ступень своего развития.

Конечно, тысячи лет философских поисков привели к известным достижениям. Будучи “лабораторией мысли”, история философии открыла много верного в отношении принципов познания и законов логики, разработала солидный понятийный аппарат. И однако ее наиболее общие мировоззренческие результаты, ради которых философы, собственно, и пускались в долгие поиски, оказались обескураживающими.

Философы издавна гордились тем, что заняты “вечными” вопросами, хотя гордиться тут особенно нечем. Ведь если философские вопросы вечны, то зачем нужна философия, т.е. то, что никогда не отвечает на свои вопросы?

Формой бытия философии объявлялась ее история, и мы, погружаясь в прошлое, превозносили того или иного мыслителя до высот божества. Но на каком основании? Ведь у мыслителей прежних и новых веков мы находим лишь бесконечные споры именно о “вечных”, т.е., по-видимому, неразрешимых для людей, вопросах. А что это дает нам для нашего настоящего и будущего? Ничего, кроме одиозного “плюрализма” - могилы Истины и колыбели мнений. Чему это учит нас? Тому, что вся философия есть не более чем сумма мнений. Какой же вывод нам следует из этого сделать? Нам надо вслед за Сократом признать: “Мы знаем, что не знаем ничего”.

Правда, выдавая свои постоянные поражения за победы, философы нередко говорят о философии как о “свободном мышлении”. Свободном? Но ведь назначение мысли - не растекаться по древу, не своевольничать и не витать в эмпиреях, а постигать Истину. Для этого мысль должна быть не “свободной”, а двигаться по логике необходимости.

Принцип плюрализма и “свободного философствования” в итоге привел к тому, что вотчиной философии в XX веке стало даже и не мышление, а язык, т.е., попросту говоря, слова, слова, слова... Философы стремятся подвести под этот огнюдь не утешительный вывод идею, согласно которой язык есть “Дом Бытия”. Заметьте, “Домом Бытия” провозглашается не Бог, не Природа, не душа, не любовь и даже не мысль - всего лишь язык! Как после этого отрицать, что философия потерпела серьезную неудачу в попытках постичь мир и человека?

Размышляя о предельных основаниях бытия и не находя таковых, философия тем самым оставила человека и мир безосновными. Дойдя до апофеоза “беспочвенности”, она в конце концов построила дом без фундамента. И ныне пришли времена, когда этот дом может рухнуть от малейшего толчка. И он действительно рушится - не только дом философии, но и все здание человеческого общежития, а с ним и окружающая природа. И этим лишь подтверждается мысль о том, что неверными были все человеческие учения о бытии, все философии, все отношение к жизни.

Пробным камнем философского мировоззрения могут и должны быть требования его логической непротиворечивости, полноты объяснительного эффекта, т.е. конкретности, а также его смысложизненный идеал.

Что же обнаруживается в свете этих требований, когда мы приложим их к существовавшим на Земле мировоззрениям?

Их основания очень часто не стыковались с их промежуточными и конечными результатами. Ни одно из них не обладало универсальной объяснительной силой, а значит, было в целом неистинно. Все мировоззрения противоречили друг другу, так как каждое было противоречиво внутри себя и именно поэтому недостаточно богато в своих объяснительных возможностях. Истина не могла родиться и из суммы таких мировоззрений в силу их взаимоисключающего характера. В превратной картине мира, которую рисовали эти мировоззрения, с неизбежностью искажались смысл и цель бытия человека в мире. В свою очередь, искаженные представления о смысле и цели бытия человека влекли за собой искажение всей картины мира.

Это станет ясным, если рассмотреть, каким образом все эти мировоззрения интерпретировали свои основные, стержневые универсалии и какие следствия вытекали из этих интерпретаций.

К основным мировоззренческим универсалиям с очевидностью можно отнести понятия “Бог”, “Природа”, “человек”, “смысл и цель бытия человека в мире”. Другими словами, характер мировоззрения зависит от ответов на вопросы: существует ли Бог и если да, то каков он; что такое

Природа и как к ней относиться; в чем заключается сущность и назначение человека в мироздании.

Давайте же вкратце проанализируем возможные варианты ответов на эти вопросы, чтобы увидеть, в какой мере они удовлетворяют указанным требованиям логической непротиворечивости и полностью объяснительного эффекта, а также смысложизненному идеалу.

Вариант 1. “Бога нет. Не существует никакого Творца мироздания, никакого Мирового Разума, Отца Небесного и т.п., а есть только законы природы”.

Отсюда следует, что эти законы должны складываться случайно, - а это не объясняет самой необходимости и всеобщности законов. Из атеистической посылки следует далее, что человек есть не более чем природное существо, - а это не объясняет качественного отличия человека от животных; более того, это лишает человеческую жизнь подлинно человеческих целей, это обрекает человека на бессмысленное потребление природы, а затем на полную и бесповоротную смерть. Такое мировоззрение как бы не замечает, что у человека есть, например, творческие способности: они оказываются излишними в сугубо природном мире. Если же все-таки признается выделенность человека из природы, то он выглядит здесь как нечто противостоящее ей, а значит, как “болезнь материи”, “стригущий лишай” на теле природы. В лучшем случае - когда подчеркивается духовная суть человека, - он оказывается существом без корней: ведь, с точки зрения атеистического мировоззрения, ни Бога, ни духа нет, а в природе не существует духовного.

Очевидно, что подобное мировоззрение внутренне противоречиво, почти ничего не объясняет и не дает человеку подлинного смысложизненного идеала.

Вариант 2. “Бог есть, и он есть безличный Абсолют”.

Отсюда следует, что Бог существует во всем - как в значительном, так и в ничтожном, как в высоком, так и в низком, как в добром, так и в злом. Но это значит, что он не может считаться смысложизненным идеалом человека. Поскольку Абсолют безличен, он равнодушен к страданиям человечества, ко всем нелепостям, безобразиям, ужасам и жестокостям, царящим в мире и человеческом обществе: он по сути своей далек от всего земного и конечного. А коль скоро другого Бога нет, то, стало быть, цель человеческого развития должна состоять в отрицании жизни и слиянии с Абсолютом, чем уничтожаются все страдания человека. Тогда оказывается, что признание безличного и безразличного Абсолюта не есть преодоление атеизма с его увековечением смерти.

А откуда в человеке надежда, нравственное подвижничество, жертвенная любовь? Из равнодушного Абсолюта? Но тогда зачем они?

Это мировоззрение тоже не объясняет всего. Оно тоже противоречиво и лишено смысложизненного содержания.

Вариант 3. “Бог есть, и он есть начало личностное”.

Из этого, по идее, должно вытекать, что Бог не забывает никого из людей, все для него одинаково дороги, и он присутствует в жизни каждого. Но почему же люди то и дело чувствуют свою “оставленность” Богом? Почему он не пресекает страданий и зла? Приходится допустить, что наряду с Богом существует и враг рода человеческого, - но, откуда, однако, он взялся? Единственным объяснением тут может служить то, что он создан Богом. Для чего? Искушать людей? Тогда чем Бог отличается от дьявола? И наконец, если Бог есть все-таки Любовь, почему он сделал людей смертными? Чтобы они после тягот жизни обрели блаженство на небесах? Но для чего же тогда сотворена реальная жизнь, жизнь во плоти? Только для того, чтоб уйти из нее?

Такое мировоззрение ничуть не привлекательнее двух первых.

Вариант 4. “Бог есть, и он един в нескольких ипостасях”.

Однако, сколько бы ни было лиц у Бога, если главное его “Лицо” безлично, то именно оно должно быть признано подлинной реальностью и “истинной родиной” человека; все остальное - иллюзия, майя, мираж. Если же пальму первенства мы отдадим личностной ипостаси Бога, то зачем существует то, что именуют пустотным и абсолютным Единым? Эта безличная ипостась оказывается пустой абстракцией. Почему, например, главное Лицо Бога не вмешивается в дела Безличного? Быть может, это Лицо не всемогуще? Или не любит людей? Или, наконец, любит в них лишь бесплотные души и ждет их на небесах?

Таким образом, этот вариант ничего не меняет в принципе и сводится к варианту 2 или 3.

Есть ли необходимость и дальше освещать философские тупики, связанные теперь уже с трактовкой природы, человеческой сущности, смысла и цели жизни? Коль скоро мировоззренческие

“начала” не привели ни к чему позитивному, то надо ли говорить о “серединах” и “концах”?

Но неужели положение так безнадежно? Неужели ум человеческий, пытаясь отыскать Истину, навсегда заблудился в дебрях противоречий? Неужели нет ни одного учения, которое бы ответило на все главные вопросы бытия человека в мире?

Такое Учение - одно-единственное - есть. Несколько лет назад удивительным человеком по имени Виссарион оно было явлено как Последний Завет людям от Отца их Небесного¹.

Вчитавшись в Последний Завет, мы видим, что он буквально взрывает все разнообразие религиозных, мистических, мифологических учений, философских тенденций, направлений, систем и школ. Мы обнаруживаем, что он дает основание, благодаря которому все - даже то, что казалось хорошо известным, - открывает себя в ином свете; иным становится отношение к жизни и выявляются бесконечные перспективы творческого развития людей, ибо текст Последнего Завета не только радикально революционен, но выражает и определяет законы дальнейшего бытия человека - бытия истинного.

Непросто осознать всю громадность того переворота в мировоззрении, мироотношении и реальной жизни людей, который свершает Виссарион. Поэтому уже здесь, на первых страницах нашей книги, необходимо коротко, в общем виде обрисовать высочайшие достоинства учения Виссариона - этой Философии Грядущего¹. Это даже не “достоинства”, это вся полнота Истины.

До этой полноты люди не могли дойти за тысячелетия своего развития и не могли потому, что разуму по природе его не дано собственными силами раскрыть суть Истины Бытия. Недаром философия существует и развивается в лоне религии, а в истоках своих опирается на древние мифы, Веды и иные священные тексты.

Люди подчас подходили к Истине очень близко, но - им не хватало совсем чуть-чуть. А этого “чуть-чуть”, этой, на первый взгляд, маленькой подробности они были не в состоянии постичь самостоятельно. Ибо она так проста и вместе с тем так неожиданна, что становится ясно: ее невозможно было ни придумать, ни отыскать. Эта “маленькая” мировоззренческая подробность, которую легко уложить в одну фразу, могла быть открыта людям только Отцом Небесным; только оттуда, с горних высот, в мир мог пролиться Свет.

И он пролился. И высветил доселе неведомое: Творец Мироздания и Отец наш Небесный не есть один и тот же Источник. В мире действует не одно, а два Творческих Начала.

Эта новость ошеломляет и потрясает искателя истины. Эта новость меняет все. Она разрешает грандиозную путаницу, царившую в понимании Бога и человека.

Творец Мироздания (Абсолют, Единый) есть Источник Вселенной, жизни, плоти и разума, всей природной Гармонии, нарушать которую непозволительно никому. Но, помимо плоти и разума, и глубже и выше их - душа в человеке, питаемая любовью и ею растущая. А Источник Любви и Творец души человеческой - Отец наш Небесный. И значит, суть человека - духовность, любовь, человечность. И проявиться она в состоянии лишь через плоть. Ибо зачем нужна человечность, не проявляемая вовне? А поскольку духовная ткань, в противоположность структурам материальным, бессмертна, постольку уникальное предназначение человека - жить на Земле, а затем во Вселенной вечно и нести в бесконечность Вселенной тепло души, обогащая великую, но холодную Гармонию Природы новыми красками и оттенками и распространяя в Мирозданье Любовь.

Это Учение выходит далеко за рамки отношения “субъект - объект” и отношения “Человек - Мир”, как оно трактуется обычно. И уже из этого краткого изложения ключевых особенностей учения Виссариона можно почувствовать, уловить, что оно все расставляет по местам; что оно истинно и потому человечно.

Можно сказать и иначе - и это будет, пожалуй, точнее: учение Виссариона *истинно именно потому, что оно человечно*. Ведь подлинно всеобщее, а значит, единственно истинное не есть “точка зрения вечности” или позиция “внеаходимости”. Подобные “смотровые площадки” прошлой философии слишком безличны и безучастны к тем, кого из такой дали не видно, но которые наделены разумом и душой. Поэтому действительно универсальной системой отсчета в сфере мировоззрения и мироотношения могут быть только абсолютные ценности, бесспорные для разумного существа и главные для человека: жизнь, здоровье, гармония с природой, любовь, понимание, творчество... Эти ценности абсолютны, ибо они - всечеловеческие, и даны на все времена, и сопричастны всему мировому бытию.

Таким образом - и это надо подчеркнуть и понять раз и навсегда - **основание человеческой логики и теории познания кроется** не в “априорных формах”, не во “врожденных идеях”, не в “чистых актах сознания” и не в “предметно-практической деятельности”, а **в нравственно-целевой смысложизненной установке**¹. Иначе говоря, **логично и истинно то, что ведет к развитию и распространению человечности.**

Именно такова Философия Грядущего, являемая Последним Заветом. Образно выражаясь, она помогает человеку взлететь, точнее, правильно ходить по земле, чтобы затем научиться летать.

Необходимы, следовательно, максимальные усилия в целостном осмыслении Последнего Завета. Данное требование касается прежде всего нас, авторов этих строк: ибо не в том ли наше ближайшее предназначение как философов, чтобы через такое осмысление прийти в конце концов к подлинной жизни? И мы решили писать нашу книгу, стремясь в этом процессе глубже постичь Истину и поделиться радостной вестью о ней с другими людьми, - чтобы они вместе с нами увидели, что на Землю вновь пришел Свет человеков.

Нас могут, вероятно, упрекнуть в том, что мы в нашей книге излагаем не свои мысли; но такой упрек был бы плодом недоразумения. Опора на чье-то учение - если это именно опора, а не оковы, - не только не мешает, но и обязывает иметь собственные мысли. Это тем более так, когда речь идет об опоре на мыслителей классических или просто крупных и оригинальных. И мы, пишущие эти строки, тоже когда-то опирались на древних и новых философов, среди которых - если говорить о ближайших влияниях на нас, - надо выделить А.С.Арсеньева, Г.С.Батищева, М.М.Бахтина, Н.А.Бердяева, С.Л.Рубинштейна и других. Мы безусловно воздаем должное этим мыслителям, мы от всего сердца благодарны им за то, что они помогли нам в нашем философском становлении. Если бы не они, мы вряд ли сегодня восприняли бы Истину.

Но ведь все дело в том, что когда Истина пришла и явила себя, все былые философские поиски и находки (как, впрочем, и религиозные, психологические, художественные, педагогические) стали пройденным этапом. Да, некоторые из них оказались к Истине очень близки, - но только близки, не более. Как же, видя все это, опираться не на воплощенное Слово Божие, т.е. не на живую Истину, а, по старинке, на тех или иных философов? Они ведь были только людьми, и им не дано было знать того, что ведомо Богу...

Мы не собираемся рассказывать содержание Последнего Завета - это вправе делать одна только Истина. Наша книга не учит, а лишь дает возможность соприкоснуться с Учением. Поэтому наш способ изложения состоит в том, что мы будем последовательно рассматривать имеющиеся точки зрения на ту или иную мировоззренческую проблему, а затем, подвергнув их критическому анализу, показывать, что дает в этом отношении Последний Завет.

Мы намерены выразить идеи Завета, используя простой и естественный язык, избегая теоретической перегруженности текста, каковая характерна для рационалистического мышления. Наша книга - это своего рода введение в философию для всех. В конце концов, философами (т.е. теми, кто любит Мудрость и ищет Истину) являются если не все, то очень многие люди.

Пока у них нет возможности прочесть Последний Завет, пускай они, за неимением лучшего, прочтут нашу книгу об этой Книге. Пусть прочитают ее и те, у кого сердце спит, а рассудок бурлит; и те, которые жаждут Истины, но никак не могут самостоятельно найти или охватить ее; и те, кто не требует доказательств, но искренне ищет основания, а значит, внутренне готов к принятию Истины. И пусть, наконец, набравшись терпения, прочтут до конца нашу книгу все те, кто с Заветом знаком, но еще не сумел понять и воспринять его. По мере наших сил мы постараемся помочь этим людям увидеть Последний Завет как глубочайшее, стройное, в каждом пункте логичное и по-настоящему перспективное Целое.

Да, мы убеждены, что Последний Завет - это подлинная Симфония Истины. Это - произведение гармоничное, многогранное, красивое и живое как по форме своей, так и по содержанию. В нем нет ни одной пустой фразы, сказанной “просто так”. Оно объясняет и учитывает все уровни и аспекты бытия, и в нем ничего ни убавить ни прибавить. Оно заключает в себе Единую Религию и одновременно Единую Философию человечества. Оно творчески обобщает все человеческие искания: от древних эзотерических доктрин до последних научных открытий, от Вед и Упанишад до новейших религиозных течений, от Фалеса и Платона до Гегеля, Маркса и философии XX века.

Но эта Симфония не растворяет красок бытия во Всеобщем, как было свойственно философии прошлого, а выражает то Особенное, Конкретное и Ключевое, что служит лейтмотивом и душой Человека и Мира. И в этой грандиозной Симфонии все религии и все философии занимают своё действительное, положенное им место как аспекты и как ступени-фазисы Единой Истины, которая преодолевает, критически снимает их частичность, самовозвеличение и противопоставленность друг другу. Так, параллельно старому, рождается новое, оставляя отжившему хоронить своих мертвецов и спасая из прошлого то, что достойно Грядущего.

Эта Симфония Истины - произведение Бога. Мы же, авторы этих строк, внимая величественной и потрясающей музыке, пытаемся лишь записать ее в виде "нотных знаков" так, как нам удалось воспринять ее на сегодня нашим несовершенным слухом, - но с максимально возможной для нас точностью.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

А З Б У К А М И Р О З Д А Н И Я : О С В О Е Н И Е З А Н О В О

Г Л А В А 1 . П е р в о н а ч а л а

1 . О т к р ы т и е Е д и н о г о

Идет ли речь о мироздании или о принципах его познания, так называемая проблема начала выступает на передний план и сама становится началом философствования. Там, где философ говорит о “безосновности”, “безначалии” его позиции, философия кончается - вернее, она и не начиналась. Ибо предметом философии как раз и является поиск оснований бытия человека и мира.

Уже древние мыслители ставили вопрос о том, что же считать началом всех вещей, первопричиной и первокирпичиком мироздания. Промежуточный итог их поисков привел к выводу о невозможности сведения всего многообразия вещей к чему-то единичному, к какой-то одной природной стихии или отдельному элементу бытия. Ведь если мы сведем многообразное к единичному, мы не сумеем проделать обратной операции: вывести из единичного многообразное.

Поэтому второй и главный итог философских поисков в древности заключался в том, что в познании начала необходимо свести многообразие единичностей к их всеобщей основе. При этом, конечно же, логически найденная всеобщая основа должна соответствовать объективной природе, сущности реального целого.

Так, Парменид пришел к заключению о том, что абсолютно общим для всех разнородных вещей и явлений может быть лишь то, что все они “есть”, “существуют”, “имеют бытие”. Но что такое это “бытие”, которое не обладает ни граном вещественности? Очевидно, оно есть мысль. Следовательно, бытие и мысль - тождественны, а это означает в конечном счете, что в основании чувственно многообразного мира лежит Единое Бытие, равное Единой Мысли.

Было бы неразумно оспаривать идею первичности единого в сравнении с многообразным. Понятно, что единое и многое связаны неразрывно; но тогда и сама их связь должна быть чем-то единым.

Поэтому единство заключается отнюдь не в многообразии, как полагает расхожее мнение, а именно в единстве. Бусинки ожерелья, разноцветные и неоднотипные, едины не потому, что их много и они разнотипны, а потому, что их скрепляет общая нить. И разнообразные цветы на поляне питаются одной и той же водой.

Является ли, однако, Единое Бытие мыслью, или, выражаясь языком Гегеля, логическим определением? В первом приближении - да. Но, двигаясь дальше, мы обнаружим еще большую глубину Единого. Ведь если оно объемлет собою все - как реальное, так и мысленное, - значит, оно выше того и другого. Единое предстает тем самым как Абсолют, который несводим ни к мысли, ни к природной реальности, будучи их основанием, а, следовательно, и Единым Источником.

Это открытие было одним из величайших философских достижений мыслителей прошлого. Оно подтверждало и данные древнейших мифов разных народов о том, что Первоначалом бытия является безграничная Пустота, Бездна, Океан (“Вода” египетских жрецов и Фалеса) . И казалось, идея Абсолюта - всепроникающего, всеединого и возвышающегося над всякими категориальными определениями - отныне будет незыблемой как аксиома.

Но в условиях господства частных интересов проблема Единого дискутируется снова и снова, а в новое время во весь рост поднимается вопрос о том, в чем же все-таки состоит единство мира - в его мыслимости или его материальности. Распавшись на так называемые материализм и идеализм¹, философия стала, подобно двуликому Янусу, смотреть одновременно в противоположные стороны. Она забыла или перестала понимать то обстоятельство, что, коль скоро бытие и мысль - одно и то же, единый мир есть столь же мысль, сколь и материальная реальность. Принцип тождества бытия и мышления стал трактоваться то в пользу материализма (“мысль движется по законам бытия”), то в пользу идеализма (“бытие движется по законам мысли”). Оба философских направления не желали преодолеть двойственность и увидеть очевидное: если мир един, то его единство может состоять только и именно в самом этом Единстве.

Противостояние материализма и идеализма было в XX веке взорвано тем потрясающим открытием, что Вселенная существовала не всегда. Примерно пятнадцать миллиардов лет назад она внезапно возникла - из чего? Если ничего не существовало, то мир мог возникнуть только из ничего. Но что такое это Ничто? Точного ответа на этот вопрос наука не дает; но точно так же не может дать его и философия, если она - “материализм” или “идеализм”. Дело тут не в недостатке научных данных и не в отсутствии должных интеллектуальных усилий. Дело в том, что эмпирическим путем или же с частных философских платформ, каковыми являются материализм и идеализм с их односторонностью, возникновение мира из ничего невозможно объяснить в принципе.

Ученый-физик наталкивается в этом случае на непреодолимую для него как физика трудность. Обычно он имеет дело с физической реальностью, которая, будь она даже неуловимой для приборов, как таковая все-таки проявляет себя тем или иным конкретным образом. Но в случае с проблемой происхождения Вселенной физик вынужден обратиться к исследованию того, чего нет, а такая задача заведомо невыполнима средствами физического познания.

Физик обращается за помощью к философу, поскольку именно философ призван изучать “обратную сторону” явлений, запредельную им реальность, “мета-физическую” сущность вещей. Но если философ стоит на позициях материализма, он не в силах помочь ученому, так как привык сам опираться на данные науки и то и дело обращаться за помощью к физикам. Философ-материалист беспомощен в вопросе о том, откуда и как возникла Вселенная и как это могло произойти. Материалисту всегда казалось, что Вселенная, Природа, Материя есть причина самой себя и, значит, должна существовать вечно. А если уж она и могла бы возникнуть, то только из чего-то материального. Оказалось, однако, - она возникла из ничего...

Философ-идеалист в этом вопросе находится, на первый взгляд, в более выгодном положении. Если Природа возникла из ничего, то это “ничто” должно быть чем-то Не-Природным, неким инобытием Природы. Раз так, значит, то, что было до возникновения мира, есть не что иное, как Мысль. Вглядевшись в подобные суждения пристальней, нетрудно обнаружить их коренной недостаток. Мысль, породившая Вселенную, Природу, Материю, сама должна обладать энергией, силой, действенной мощью, т.е. быть реальностью материальной! Если же философ-идеалист соглашается с тем, что мысль материальна, то почему же он с порога отвергает материализм, который, в сущности, утверждает то же самое?

Проблема внезапного возникновения Вселенной со всей очевидностью требует интеграции материализма и идеализма, она требует универсализма, т.е. интегральной философии и целостного мировоззрения. Ибо только при таком условии обнаруживается ключ к пониманию Первопричины Мироздания и единства бытия.

Что же, в этом свете, представляет собою “Ничто”, из которого появляется “Все”? Если оно - “ничто”, оно не может быть ни единичным, ни многим. Оно не может быть также чем-то структурным, определенным, конечным. К нему неприменимы никакие характеристики, поскольку оно является именно Ничем. В то же время, однако, оно не может быть квалифицировано как отсутствие бытия, ибо оно все-таки есть и обладает колоссальной творческой энергией. Остается единственное объяснение этому Ничто: оно - Бытие безграничной Пустоты Абсолютного Единого.

Абсолют не может быть “чистой мыслью”, так как он есть “чистое бытие”, равное “ничто”. Но он не может и не быть мыслью, так как содержит и актуально представляет все. Следовательно, Абсолют есть исходная возможность и исток всего сущего, и, кроме как из Ничего, не может возникнуть Все.

Переполненное потенциями, Абсолютное Ничто, или Единое Бытие тем самым должно с

необходимостью проявить себя в качестве Творческого Начала в Мироздании. И оно проявляет себя, оно изливает из себя неисчерпаемые потенции и оказывается Творцом и Творением, Создателем Вселенной и самой Вселенной.

О существовании Творца и о его присутствии в мире свидетельствует не только логика в чистом виде, но и сам характер мироздания.

Вот перед нами законы природы. Быть может, они возникли и действуют самостоятельно, безотносительно к какому-то Творцу? Именно так рассудит атеист, не ощущая потребности задаться вопросом: а чем определяются эти законы, откуда они взялись? Утверждать, будто они складываются случайно, было бы нелепостью. Это совершенно противоречит всеобщности и необходимости законов природы. Случайность потому и случайность (если вообще признавать ее существование), что она дисгармонична и лишена того статуса, которым обладает необходимость. Если с высокой горы я стану как попало швырять вниз камешки, неужели из них у подножия сложится гармоничная скульптурная группа? Так и со “случайностью” природных законов: либо они формируются и действуют необходимо, а значит, имеют внутри себя логику, предполагающую Разум их Творца, либо их не должно существовать вовсе.

Но законы существуют и, более того, образуют иерархию, соответствующую иерархическим уровням Универсума: законы неорганического мира, законы жизни, законы разума... Не будь Единого, не было бы и никакой иерархии, в мире царили бы беззаконие и хаос. Мир в этом случае был бы нагромождением механических масс и их беспрестанным столкновением и разрушением. Если же в строении мира все-таки есть совершенство, оно требует и признания своего всеовершенного Создателя.

Такого же признания требует и принцип всеобщей связи явлений, выражаемый в формулах “все связано со всем” и “все в Одном, Одно во всем”. Действительно, представим на минуту, что во Вселенной есть явление, абсолютно не связанное ни с каким другим. Мы сразу же вправе усомниться, возможно ли это. Возможно ли, чтобы некоторое явление не имело под собой никакого основания, не вступало бы ни в какие взаимодействия, а значит, и никак себя бы не проявляло? Очевидно, такое явление попросту не могло бы существовать. И все же допустим, что хотя бы в одном-единственном уголке Вселенной есть нечто, что совершенно ни с чем не связано. Тогда во Вселенной оказался бы разрыв, она дала бы трещину и перестала бы существовать как целое. Мир раскололся бы на части, и в нем опять-таки воцарился бы хаос. Однако Вселенная целостна и возникла сразу как связанное целое. Это с необходимостью предполагает, что такое же целое существовало и до физической Вселенной.

Таким Целым может быть только Абсолют, и, следовательно, он есть логически необходимая первопричина бытия.

Когда хотят опровергнуть эти и многие другие соображения в пользу существования Творца, приводят, как правило, тот аргумент, что без “гипотезы Бога” легко обойтись, признав, что мышление является атрибутом самой природы. Однако, если мы, подобно Спинозе, примем тезис о том, что Природа мыслит, мы тотчас будем вынуждены признать в мире наличие разумного начала, т.е. Бога. И никакие оговорки, что мыслит-де *сама* Природа, не помогут, ибо они не отрицают Бога, а лишь указывают на его имманентность Природе, на Бога как на “внутреннее вещей” (П.Тейяр де Шарден). Другими словами, как бы ни называли Источник всего сущего, важно его качество, важна его суть - Первопричинность.

Резюмировать изложенные доказательства существования Единого как Творца Мироздания можно в нескольких словах. Коль скоро у человека есть способность категориального мышления, т.е. движения по логике всеобщего, то, стало быть, это Всеобщее существует объективно. И если в калейдоскопически многообразном мире мы находим Всеобщее, Единое, значит, оно-то и есть Основание мироздания, его Исток и Первопричина.

Если же логические аргументы, вроде космологического или онтологического доказательств бытия Бога все-таки представляются кому-то не до конца убедительными, ему следует обратиться к доказательству смысложизненному - куда более широкому и основательному. Люди не могут жить без Бога, на горизонтальной плоскости обыденной жизни, подобной существованию животных. Люди всегда искали высший смысл своей жизни, а он невозможен без Бога. Только Высшее способно приподнять человека над тяготами его приземленного бытия.

Итак, возьмем ли мы древнейшие мифы разных народов, прочтем ли священные писания, погрузимся ли в труды наиболее глубоких мыслителей человечества или обратимся к переднему краю науки - космогоническим представлениям, движению к единой теории поля, постулату всеобщности жизни, опытам трансперсональной психологии и т.д., - мы увидим: все они так или иначе подтверждают бытие Высшего Начала, подтверждают своими интуициями, откровениями, логическими выводами и удивительными открытиями.

Бог существует. В этом предельно общем основоположении совпадают все серьезные мировоззрения. Но вот вопросы о том, *каковы качества Бога и какова его связь с человеком*, составляют в истории мысли такое затруднение, такую загвоздку, что становится непонятно: то ли искажены все наши понятия о Боге, то ли так непривлекателен сам Бог...

2 . Л о ж н ы е п р е д с т а в л е н и я о Б о г е

*Сейчас каждый из нас должен искать устоев новых для жизни,
проверить богов, которым он поклонялся...*

Из писем В.И.Вернадского

Философы не допустили ошибки в логическом выведении Единого, Абсолюта как предельного основания бытия. Но при ближайшем рассмотрении он выглядит Богом, мягко говоря, странным.

Действительно, если Бог есть нечто Абсолютно Единое, то, следовательно, он не может иметь никакого облика, тем паче подобного человеческому, т.е., выражаясь языком науки, Бог не антропоморфен. Это утверждение надо признать справедливым. Но какие удручающие следствия из него вытекают!

Во-первых, то, что совершенно лишено какой бы то ни было формы, может быть расценено не только как бесконечное и неисчерпаемое, но и в равной мере как бессодержательное и пустое. И тогда Бог оборачивается не более чем пустотой.

Таким видят Высшее Начало, например, буддисты. Именно в Пустотности, в Шуньяте и Нирване, они находят реальность верховного порядка. Очевидно, однако, что Пустота, с какой бы буквы ее ни писать, есть только пустота, но никак не Бог. Недаром в классическом буддизме никакого Бога и не существовало.

Во-вторых, если Бог есть Абсолютное Единое, то он слишком велик и слишком мал одновременно. Будучи всеохватным единством, он пронизывает и представляет собою все что угодно - от звездных скоплений до нечистот. Древнекитайский мудрец Чжуан-цзы так и отвечал на изумленный вопрос собеседника о месте обитания Высшего Начала: да, оно повсюду, в том числе в кале и моче.

Из этого неумолимо вытекают два не очень приятных вывода. Первый из них тот, что Единое, как понималось оно до сих пор, оказывается и высшей, и низшей реальностью. Бытие, равное ничто, по определению своему, не только всеохватно и безмерно, но и ничтожно. Неужели к Богу приложима, пусть даже и наряду с другими характеристиками, характеристика ничтожности?! Другой, не менее обескураживающий вывод из идеи всепроникающего Бога-Абсолюта состоит в признании его полнейшего равнодушия если не к миру, то к людям. Безразличному, всеединому Абсолюту все безразлично, все едино.

Безразличный к жизни и смерти, к радости и страданию, к добру и злу, такой Бог своим равнодушием попустительствует безобразиям и жестокости, царящим в мире людей, ибо придерживается, так сказать, политики невмешательства ни во что, которая оборачивается беспепелляционным вмешательством во все. В глазах людей он в силу этого предстает как злобный ревнивец и мститель, то и дело преследующий, наказывающий, карающий человека, причем, зачастую неизвестно за что. Весьма наглядно эти качества Господа представлены в Ветхом Завете: "... Имя Его - ревнитель; Он Бог ревнитель" (Исход 34:14); "... Напал злой дух от Бога на Саула" (1 Царств 18:10); "... Я во гневе Моём и в ярости Моей соберу, и положу, и расплавлю вас. Соберу вас и дохну на вас огнем негодования Моего, и расплавитесь среди него" (Иезекииль 22:20-21). Таких

примеров в ветхозаветных текстах - сотни.

Стоя перед дилеммой “кто же неправ - Бог или мы сами?”, лучшие, честнейшие мыслители приходили к выводу, что Бог не может быть неправым, а значит, неверны именно человеческие представления о нем. И тогда стали появляться многочисленные теодицеи - оправдания Бога людьми. Они были изощренно хитроумными, и их было много. В целом они сводились к нескольким основным тезисам, каждый из которых, однако, в конечном счете наталкивается на антитезис и опровергается им.

“Не Бог ответствен за страдания людей, но дьявол!” - говорили адвокаты Бога. А обвинители резонно возражали: “А кто такой дьявол? Откуда он взялся? Если все в мире создано Богом, то, значит, и враг рода человеческого - тоже творение Бога! Зачем же он создал князя тьмы? Искушать людей, вводить их в соблазн, проверять на твердость веры Богу? Чем же, в таком случае, Бог отличается от дьявола?”

“Нет, - говорили другие защитники Господа-Абсолюта, - в страданиях людей виноват не дьявол и не Бог - сами люди. Бог создал их совершенными, а они пустились во многие помыслы и неверно распорядились своею свободой”. “Что ж, это небезосновательно, - отвечали оппоненты, - действительно, люди свободны, как их Создатель. Но если в своей свободе они так равнодушны друг к другу, что убивают, насилюют, грабят ближних своих, то что же получается? Что свобода, данная Богом, есть великое равнодушие - точная копия равнодушия Творца? Если же нет, если он хочет людям блага, то с какой целью он дал им свободу, разрушающую его собственную вселенскую гармонию?”

Богооправдатели начинали сдавать свои позиции. Они говорили: “На Земле, действительно, нет правды! Здесь и впрямь царит несправедливость. Но зато после жизни, в мире загробном, справедливость восторжествует, и праведники обретут блаженство на небесах!” “Позвольте, - недоумевали богообвинители, - о каких небесах может идти речь, если Бог есть безличная, бесконечная и равнодушная пустота? И праведники, и грешники растворятся в ней и сольются в одно целое, так что добрым и злым деяниям на Земле - одна цена. Там, в безбрежности Единого, как гласят Упанишады, иссякнет все, и все окажется обманом, в том числе и здешнее добродетельное... Если же мы признаем существование рая, то ведь он, как показано, например, в буддизме, принадлежит миру форм и, значит, не является высшей реальностью. То есть, опять-таки, и рай, и ад в итоге не имеют значения, ибо и праведники, и грешники когда-нибудь выйдут оттуда, чтобы навеки исчезнуть в великой пустоте Абсолюта...”

Защитникам Бога оставалось лишь одно оправдание, которое не оправдывает ничего: “Неисповедимы пути Господни. Не нам судить о гармонии, которую он установил. И если ему надо что-то подправить в ней, устранив частные неполадки, то нам не дано видеть величайшей разумности этого акта”. И вновь возвышали голос обвинители Абсолюта: “Пути Господни неисповедимы? Но почему за наш счет? Почему гармония мироздания должна существовать и по мере надобности восстанавливаться в ущерб ни в чем не повинным человеческим существам? Уж лучше бы Бог дал людям остаться неразумными тварями, чем наделять нас сознанием нашей беспомощности пред волею Бога!”

Многочисленные теодицеи оказались бесплодными. Внутренне противоречивые и обрекающие человеческий ум на бессмыслицу, а человеческую жизнь - на умирание, богооправдания ничуть не оправдали Бога. Собственно говоря, *все они были направлены на оправдание не Бога, а наших представлений о нем*. И все эти представления обнаружили свою ложность. Ибо, если Бог есть Абсолют и только Абсолют - Единый, Равнодушный, Безличный и Пустой, - то сущность Бога есть Майя!

Но так ли это в действительности? И нуждается ли Бог в оправданиях? Он, разумеется, не похож на человека, но значит ли это, что он - бесчеловечен или безразличен к людям? Кроме того, если Бог не подобен человеку, то как быть с фундаментальным принципом большинства религий и философий о *богоподобии человека*? Неужели и этот принцип ложен? Или мы попросту неверно понимали антропоморфизм и богоподобие?

Люди всегда ощущали логическую и психологическую неудовлетворенность пустым, равнодушным, слепым и жестоким Богом. Они чувствовали иногда чрезмерность, а иногда ненужность такого Бога и тогда становились либо его пугливыми рабами, либо высокомерными

безбожниками. Но те, которые верили в Бога и пытались мыслить о нем серьезно и честно, чувствовали еще и другой недостаток в толковании Высшего Начала как всеединого Абсолюта, а именно - его неполноту.

Эти мыслители сознавали, что Бог, по-видимому, куда сложнее абстрактного Единства. Ведь человек - творение Божие - существо весьма и весьма сложное. В таком случае, может ли Творец быть проще собственного творенья? А что если антропоморфизм (человекоподобие) Бога, как и теоморфизм (богоподобие) человека, - лишь метафора, обозначающая *сложность* того и другого? Не сходство их внешнего облика, а сходство их *внутренней формы*?

Многомерность существует в мироздании, она присуща и внутренней архитектонике любого человека. Почему же не предположить богатства и многомерности самого Божественного Первоначала? Быть может, выявление в нем внутренних саморазличий привнесет в наше понимание Бога ту конкретность, которой так не хватало для разрешения всевозможных противоречий, связанных с трактовкой Бога как Абсолютного Единого?

Мыслители разных стран и эпох решали задачу “открыть лицо Бога”, понять строение Верховного Начала мироздания. Но и это, как и попытки богооправдания, привело разве что к еще большим неясностям в отношении Бога.

Так, древние китайцы, различая непроявленный и проявленный аспекты Первоначала и отдавая предпочтение первому, по существу вообще отрицали Бога. Ведь непроявленный аспект Первоначала есть, в их терминологии, Небытие. Но даже если более важным считать аспект проявленный, то и в этом случае Путь всех вещей (Дао), по словам Лао-цзы, “предшествует небесному владыке”. И значит, востоковеды имеют полное право утверждать: понятие “Бог” было неизвестно древним китайцам и так никогда и не вошло в китайскую философию.

Казалось бы, совершенно иную картину мы должны увидеть у индийцев - народа глубоко религиозного и склонного к метафизике. Однако и индийская мысль рисует, в сущности, точно такую же картину мира без Бога. Для знатока индийской философии и религии это звучит, наверное, странно, но это так.

Что означает, например, различие Брахмана и Парабрахмана? “Парабраман” - это то, что лежит “по ту сторону Бога”. Но по ту сторону Бога - либо Природа, либо Ничто. А как понимать термин “Ниргуна Брахман” - “Высший Бог”? Разве может существовать Бог “низший” (“Сагуна”, или Ишвара)? С точки зрения ведантиста, это возможно. Но тогда какова функция низшего Бога, если он не в состоянии влиять на “политику” Высшего, Единого и Абсолютного? Если же он все-таки влияет, то какова роль Высшего Брахмана? Получается, что он - “не совсем высший”?

В еще большей степени эти парадоксы индийской религиозно-философской мысли проявляют себя, когда речь заходит о Нирване и мире форм в буддизме или о Нирване и Супраментальной сфере в йоге Шри Ауробиндо. В буддизме Нирвана выше мира форм; она - Ничто, она - “затухание всего”, и, значит, никакого Бога быть не может, и “лучше вовсе не родиться”. У Шри Ауробиндо Супраментал выше Нирваны, - но, во-первых, эта сфера универсума, по Ауробиндо, - не последняя, т.е. она не есть Бог. А если б она и была Богом, то вновь возникли бы мучительные вопросы о том, почему этот Бог творит мир форм, т.е. мир, исполненный страданий, и почему в Боге нет нирванического покоя, который опять-таки начинает выглядеть куда привлекательней сияющего Супраментального Света?

Бог индийской культуры парадоксален. Шанкарачя обвинял буддистов в безбожии, но чем его собственный Ниргуна Брахман лучше Пустоты-Шуньяты буддизма? Недаром вайшнавцы резко критиковали не только буддизм, но и адвайта-веданту Шанкары - именно за безличность его Бога. С точки зрения вишнуизма, личностная ипостась божества куда важнее безличной. “... Тот, кто почитает непроявленное, лежащее вне чувственного восприятия, всепроникающее, непостижимое, непоколебимое, неизменное и неподвижное - безличный аспект Абсолютной истины - управляя своими чувствами и равно относясь ко всем, и чья деятельность направлена на всеобщее благо, в конце концов достигает Меня”, - говорит в Бхагавад-гите Кришна.

Но идея о том, что Бог должен быть прежде всего личностным, не дает приемлемого объяснения существованию Безличного. Проблема усугубляется еще и тем соображением, что доказательства личностного или безличного аспекта божества равноможны, как явствует из нескончаемых, по сей день не прекращающихся споров между персоналистами и имперсоналистами.

Не значит ли это, что Верховная Личность Бога не может одолеть Безличной ипостаси Первоначала по причинам принципиального порядка?

На последний вопрос мы находим поразительный ответ в сочинениях гностиков - ответ, который рождает новое недоумение. Гностики полагали, что “другой Бог”, порождение Единого, есть не что иное, как “ошибка”, допущенная Софией - Премудростью Божией. Хороша Премудрость, которая допускает ошибки! И не какие-нибудь частные, незначительные, а прямо касающиеся судьбы всего мироздания! Ведь Иалтабаоф как “ошибка Софии” закрыл собою подлинного Бога и породил иллюзию, будто истинный мир есть не пустота безличного Единого, а проявленный мир с его ослепляющей и соблазняющей человека пестротой.

Несмотря на противоречивые выводы, влекущие за собой нелепицу в трактовках смысла бытия, люди вновь и вновь обращались к идее структурности Верховного Начала. Даже такая непреклонная в своем единобожии религия, как ислам, не в силах обойтись без признания, хотя бы и косвенного, некоторой множественности в лоне Высшей Реальности. Аллах действует не в одиночку. Он имеет массу помощников, начиная с ангелов и кончая посланниками. Зачем они, когда, казалось бы, всегда достаточно собственной воли Аллаха, которой подчинено в мире все? Если наличием этих посредников подразумевается относительная самостоятельность человека, то Аллах не может быть всеединым и всепроникающим. Если же Аллах всеедин и вездесущ, проблематичной становится человеческая свобода.

И еще одна странность, заключенная в тексте Корана, это то, что Единый Бог постоянно говорит о себе во множественном числе - “Мы”...

Бог “двоится” и “троится” и у теософов. “Тайная Доктрина” гласит, что позади Божества Творящего и выше него пребывает Божество Превышнее, Планировщик, Зодчий, по отношению к которому Творец является лишь выполняющим посредником. И еще выше, над и вокруг, внутри и вовне находится Непознаваемое и Неведомое, Источник и Причина всех этих эманаций. Допустим, что это так, и прав внеземной разум, диктовавший эти строки. Но зачем так много богов? Неужели Неведомое не в состоянии само проектировать и творить мир? Вопрос так и остается вопросом.

В теософской картине любопытна не только структура Первореальности, но также и поэтапность ее генезиса. Единое рождает проявленного Бога, который раскрывается из единства в двойственность, а из двойственности - в троичность.

Нас, однако, не удовлетворили ни двоичность Первоначала, ни его троичность в том виде, в каком она представлена в теософской доктрине. Но, может быть, по-настоящему адекватным представлением о Высшей Реальности является христианская Троица?

Что такое эта Троица? Три различных Бога? Три лика одного и того же Божества? Или это только два Бога - Отец и Сын, по отношению к которым Дух Святой есть просто их свойство? Вопросы эти известные, но известно и то, что ответы на них, увы, слишком различны, чтобы считать их удовлетворительными. В силу различия этих ответов внутри христианства даже произошли, как известно, крупные разделения, возникло непримиримое противостояние конфессий. Надо ли, в таком случае, останавливаться на парадоксах христианской Троицы? Надо ли искать ответы на вопросы о том, являлся ли Иисус Христос Богом или был человеком; для чего нужна была жертва Иисуса, как будто Бог-Отец был не в состоянии сам наставить людей на путь истинный; почему у людей есть Отец, но нет Матери; от кого исходит Дух Святой - от Отца или также от Сына; для чего вообще существует Бог-Сын? Ясных и твердых ответов на эти вопросы в истории христианства получить невозможно, ибо учение Иисуса предполагало продолжение и разъяснение “темных мест” во времена второго пришествия Христа, и потому две тысячи лет оставалось неразвернутым.

Итак, неудовлетворенность безлично-безразличным Абсолютом естественно требовала выявления структурности Единого Абсолюта: единство Бога не должно означать его бессодержательной и преступно-равнодушной безличности, приводящей к поистине дьявольскому протезизму его превращений. Бог должен быть, если можно так выразиться, “определенным” и “предсказуемым”. Вот почему в Верховной Реальности пытались различать некое строение, подобное строению конкретного существа или чертам конкретного лица: известную множественность, непроявленный (“тенево́й”) и проявленный (“освещенный”) аспекты, ряд уровней и т.п.

Но при внимательном рассмотрении выясняется, что это столь же ложные представления о Боге, как и его отождествление с Абсолютом. Здесь не снимается качественная однородность

формальных дистинкций внутри Единого. Все они остаются различиями именно *внутри* Единого; все они указывают на непроявленное и проявленное состояния, на те или иные стороны, модификации и искажения *все того же Абсолюта*. И те, которые пытаются уйти от такого всепоглощающего, всерастворяющего Единого, снова и снова возвращаются к нему, точно заблудившиеся в лабиринте.

3 . В т о р о е Т в о р ч е с к о е Н а ч а л о

Человечество так навсегда и запуталось бы в вопросе о Боге, если бы на Землю не пришел Учитель Виссарион. Являя людям Последний Завет Отца Небесного, он уже на первых страницах этой Книги говорит: “Постигайте, чада Божии, великую Тайну, что Творец Вселенной и Отец ваш Небесный не есть один и тот же Источник” (Предвозвешение 58).

Весть о том, что в мироздании существует не одно, а два Творческих Начала - грандиозный и доселе неслыханный переворот. Это революция в религии, философии, этике, психологии, педагогике, общественном бытии. Явление Виссариона и весть об Отце Небесном - событие космического значения и масштаба, какое случается раз в тысячи лет.

“Но позвольте! - прервет нас читатель. - Что из того, что Виссарион утверждает существование двух Начал? Что это меняет конкретно? Не дуализм ли это и не двубожие ли? И в чем тут переворот? Да и, собственно, где доказательства, что Виссарион принес Истину и что он - не фантазер и не безумный фанатик?”.

Читатель прав: мы забежали вперед. Обоснованию истинности всего, о чем пишет и говорит Учитель, посвящены все дальнейшие страницы нашей книги, вся она целиком. А пока давайте остановимся на первом и главном пункте Слова Виссариона: его вести о том, что, помимо Творца Мироздания есть и другой Творческий Источник, называемый “Отцом Небесным”.

В чем, по Виссариону, различие между этими двумя Творческими Началами?

Единый есть Творец природы со всем ее содержанием - информацией, энергией, веществом. Коротко говоря, Он - Творец бытия материи, Творец плоти и разума. А Отец Небесный - Творец человеческой души.

Единый создает мир с помощью своей материальной жизненной силы - Духа Жизни. Отец Небесный творит человеческую душу с помощью своей духовной жизненной силы - Духа Святого.

Единый сотворил все живые существа во Вселенной и побудил их двигаться по пути развития разума. На определенном этапе эволюции Мироздания возникает Земля - Мать человечества. На ней рождаются разумные существа, которые первое время двигались общим для Вселенной путем - путем развития плоти и разума. Но однажды, в силу слияния всеобщей энергии Единого и неповторимой энергии Земли, в Мироздании родилось и проявилось нечто особенное - Второе Творческое Начало. В тех разумных существ, что давно уже формировались на Земле, этот Бог вложил духовную ткань (душу) с предначертаниями веры, любви, добродетели.

Таким образом, в отличие от представителей вземного разума, человеку дана еще и душа, причем, для него она важнее, чем разум. Только не давая в себе угаснуть “искре Божией” - душе, человек способен по-настоящему развиваться и жить бесконечно.

Отец Небесный есть Бог только человечества. Вземные цивилизации, наши старшие “братья по разуму”, не в силах как-то использовать благодатную, духовную энергию Отца Небесного, ибо она слишком тонка, неизмеримо тоньше любых самых тонких энергий природы и потому неуловима и недостижима для вземных разумных существ. Лишь человек в состоянии быть по отношению к Отцу со-творцом, проявляя духовность на Земле, а затем распространяя ее в бесконечной Вселенной, которую человеку предстоит обживать. И значит, человек, поскольку он духовен и вечен, - поистине уникальное и наиболее перспективное создание во Вселенной.

Схема 1. Универсум и космогенез в Последнем Завете

МИРОЗДАНИЕ

Абсолют → Бог → Земля → Бесконечное духовное развитие
человечества во Вселенной

Это учение - отнюдь не дуализм. Оно не разрывает надвое того, что неделимо: бытия и мышления, материи и сознания, природы и разума. Что же касается *материального* и *духовного*, то они, согласно Последнему Завету, не враждебны и не “параллельны” друг другу, а взаимодополнительны.

По поводу же возможного упрека в двубожии не скажешь лучше самого Виссариона. В Обращении к человечеству от 22 февраля 1999 года он пишет следующее:

“... Хочу пояснить, предваряя вопль невежества, что не о двубожии веду речь, дабы призвать поклониться Истокам обоим.

Но чтобы достойно вы чтите Закона оба, а поклоняться всем сердцем лишь только Отцу своему должно.

Ибо Он один есть Истинный Отец ваш!

И лишь от Него вам принимать Благодать безгранично.

А Творец Бытия материи вовсе не нуждается в поклонении вашем.

Ему безразличны побуждения ваши и мечтания, и Он глух к молениям вашим.

Он холоден к вам, и Ему все одно, что вы есть или что вас нет.

Но Закон Его чтить - потребность великая для каждого, кто жизнь свою проявить сподобился в Лоне Гармонии”.

В неожиданном свете существования двух Творческих Начал становится ясным все: и заблуждения лучших умов, и бессмысленность богословских споров, и бесконечные перспективы человечества. Все становится ясным: и сложность мироздания, и простота Истины. И это не парадокс. Проясненная сложность действительно есть простота. Покуда Виссарион не сказал нам правды о Боге, мире и человеке, все казалось удручающе сложным. Но теперь, не утерев богатства цветущей сложности, все стало простым и взывающим перейти от путаных размышлений о жизни - к самой жизни.

Так ли все это? Быть может, это лишь наше субъективное и некритическое восприятие Последнего Завета? Нашей книгой мы попытаемся показать обратное и обосновать приведенный зачин в дальнейшем изложении. Начало должно приходиться к самообоснованию в конце.

Но это - потом. Попробуем сперва разобраться с тезисом Виссариона о существовании Второго Творческого Начала - особого, духовного Источника в Мироздании.

О возможности такого допущения свидетельствует хотя и смутное, интуитивное, но все-таки приближение к идее двух Творцов, которое можно усмотреть в некоторых памятниках мыслительной истории человечества. Приведем лишь отдельные симптоматичные иллюстрации.

Так, например, из сопоставления Ветхого и Нового Заветов напрашивается вывод о том, что в этих частях Библии действуют два совершенно различных Бога. Ветхозаветный Господь - ревнив, жесток, беспощаден и мстителен, он требует “ока за око”, тогда как Бог Евангелий - это свет, кротость, любовь, человечность. Он неизмеримо благосклоннее к людям. И даже имя у него стало новым - Отец Небесный. А ведь ко времени написания Нового Завета беззаконий на Земле не уменьшилось. Отчего же Иегова-Саваоф так разительно изменился?..

Не менее любопытны некоторые философские интуиции мыслителей прошлого. Таковы, к примеру, знаменитые обвинения Великого Инквизитора, брошенные Христу в романе Ф.М.Достоевского “Братья Карамазовы”. Преследующие цель доказать некую “слабость” Бога, его неспособность или странное нежелание насытить людей хлебом и чудесами, разве не свидетельствуют они о невинности Бога в том, что он - кроткий, сочувствующий, милосердный и что он уважает человеческую свободу? Такой Бог действительно не может удовлетворять прихоти людей, как не может и наказывать за них. Не такова его природа. Но если его природа, его возможности - не абсолютны, то, значит, есть два Божества. Суть одного - Любовь, суть другого - законы природной Гармонии. Ф.М.Достоевский подобного вывода не сделал, - но сегодня мы видим, что он здесь явно необходим.

Еще явственней это можно увидеть в страстной, пронизанной духовным устремлением, философии Н.А.Бердяева. Русский мыслитель убедительно показал в своих работах, что Бог не есть Сила в природном смысле, не есть Власть над миром, не есть Господин и Правитель мира. Он есть Смысл и Истина мира, Дух и Свобода. Ведь, как указывает Н.А.Бердяев, встреча и общение человека с Богом возможно не как общение с Абсолютом, для которого не может быть чего-то или кого-то другого, а значит, не может быть и отношения, а с конкретным и личным Богом, имеющим прямое отношение к человеку. Кажется, еще один маленький шаг - и Бердяев пришел бы к мысли о существовании двух Творческих Начал в мироздании...

Поразительные мысли мы находим и в одном из писем В.В.Розанова:

“Бог БЕЗ’БРАЧЕН.

Один христианский Бог

Прочий же Бог СОТВОРИЛ мир”.

И чуть ниже в том же письме: “Мы здесь восходим на головокружительные высоты: Христос есть Дух, Solo - Дух; а Бог есть **только** бог, “наш Боженька”, “сотворивший мир”. Головокружительность заключается в том, что “есть два № Бога”, “просто-Бог” и высший над ним - Христос... Дело в том, что расслаивается самый мир на мир’ное и над’мирное, Вселенское и Сверхвселенское, и “Над’ ” и “Сверх’ ” стало побеждать под’ и вниз’. Что над Вселенною открылось еще что-то такое другое, не - мир, а - “больше мира”, “больше Бога” (письмо П.П.Перцову, лето 1918 года).

К подобным головокружительным высотам подбирались и мыслители наших дней. Так, видный российский философ А.С.Арсеньев, положивший в основу своей позиции эквивалентность сторон отношения “Человек - Мир”, в 1980 году высказал идею огромной эвристической силы. Суть ее состояла в следующем.

В понимании личности эквивалентность друг другу Человека и Мира приводит к трем возможным позициям. Первая состоит в том, что Начало Мира полагается как разумное, но безличностное. В этом случае личностное начало в Человеке есть нечто, не имеющее отношения к истинной реальности, и должно быть устранено. Вторая позиция исходит не из Мира, но из Человека. из его самоощущаемого личностного “Я”, как центра сознания и воли. Тогда следует такой же центр полагать и на стороне Мира, т.е. считать Мир обладающим личностным Началом (концепция личностного Бога). Обе эти позиции явились основами великих исторических культур - буддийской и христианской. Но, по мысли А.С.Арсеньева, теоретически возможна и третья позиция - полагать одновременно личностными и безличностными обе стороны отношения “Человек - Мир”! При этом российский философ подчеркнул, что исторические формы культуры, исходящие из такой возможности, ему неизвестны, но она представляется многообещающей для философии и психологии...

Вывод А.С.Арсеньева, как это видится сегодня, оказался едва ли не пророческим, ибо отмеченная им гипотетическая форма культуры ныне, благодаря Виссариону, становится явью.

Разумеется, легко возразить, и это будет справедливо, что все эти интуиции имели в виду совсем не то, что имеет в виду Последний Завет, да даже и при этом так и остались лишь смутными догадками. Но верно ли утверждение, что они и не могли быть иными, так как связаны с проблемой “неразрешимой”?

Задачу, конечно же, трудно, а порой невозможно решить, если ответ на нее неизвестен. Собственно говоря, никто никогда и не ставил задачу доказать существование Отца Небесного как “второго Бога”. Теперь же, когда это существование выдвигается как постулат, т.е. когда ответ на задачу известен, становится возможной и аргументация этого ответа, становится возможным доказательство и обоснование постулата. Так в школьные годы мы заглядывали в конец учебника. А сегодня таким учебником стал Последний Завет, с ответами которого мы должны, обязаны сообразовываться.

Попробуем, например, рассуждать исходя из философского принципа целостности. С этой точки зрения Абсолют есть единое основание всего мироздания; однако такое единство является пока еще слишком абстрактным, оно - всеобщее и только всеобщее. Между тем живая целостность должна быть целостностью конкретной. А это значит, что внутри абстрактно-всеобщего необходимо наличие некоторого особенного - того ядра, той сердцевины, той, если угодно, “изюминки”,

благодаря которой абстрактное и безразличное единство обретает свою *differentia specifica*, свое “лицо” и “душу”.

В разбираемом нами случае конкретно-целостный подход означает следующее. По самому своему понятию “Бог” не может быть синонимом “Абсолютного Единого”. Ведь в Едином содержится все вообще, т.е. не только божественное, но и природное. Бог же, в логическом смысле, есть аспект Абсолюта, а именно - Абсолют в его противоположности Природе. Следовательно, Бог как понятие не тождествен ни понятию Природы, ни понятию Абсолюта так такового. Понятие “Бог” есть совершенно особая характеристика. Она выражает *высокий, возвышенный* аспект мироздания.

Это пока еще, разумеется, лишь логическая абстракция, а не живая и самостоятельная реальность, каковой является Отец Небесный в Последнем Завете. Но пойдем дальше, и тогда, быть может, логическая абстракция обретет более конкретные черты.

Здесь необходимо вспомнить и применить незаслуженно предаваемый ныне забвению метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Венцом творения всегда считался человек. Однако, рассуждая строго, венцом творения следует признать Бога. Да, именно Бога. Ведь если Творец Мироздания - един, то, стало быть, творя все сущее из самого себя, он реализует прежде всего самого себя. Венец божественного развития есть то же начало, только обогащенное новым, ценным, высоким. И раньше чем сотворить человека по образу и подобию своему, Бог сам из своей абстрактной всеобщности должен был перейти к какому-то конкретному и высокому образу, который стал бы источником человечности. Вот почему можно утверждать без преувеличения: прежде сотворения человека Бог сотворил Бога.

Только этот второй Бог, Бог-Сын, возникший по закону порождения нового качества (иерархия), может и должен быть Зачинателем и Отцом человека - не как микрокосма, т.е. миниатюрной Природы, а как микротеоса - миниатюрного подобия Бога. А выражаясь еще точнее, второй Бог, “Бог-Сын” является Отцом собственно человека, т.е. человека в его уникальности, в его *человечности*. Отсюда ясно: только этот второй Бог, только этот Отец наш Небесный и есть тот, имя которому - Любовь. Он есть наше духовное и возвышающее нас начало, наш нравственный императив.

Сказано было: если нет Бога, то “все позволено”. Продолжим эту мысль. Коль скоро у людей “позволено не все”, значит, Бог действительно существует. Однако, когда мы обратим свой взор на мир животных, мы увидим, что, хотя Бог есть, в мире животных “позволено все”: нравственные основания жизни у них отсутствуют. Но если Бог - один для всего сущего, почему его законы и требования столь различны и даже противоположны для разных видов живых существ? Не логичнее ли предположить, что в случае животных речь надо вести о Творце бытия материи (природы и жизни), а в случае человека - еще и об Источнике нравственности?

Возвышенное, благородное Начало только и может придавать человеческой жизни истинное основание и смысл. Устрани это Начало - и для человека останутся лишь два равно абсурдных жизненных пути и две равно бесчеловечные цели: раствориться в Абсолютном Едином либо погрузиться в трясину грубой материи. Но, допустив бытие Духовного Источника, проявляющего себя через деяния плоти человеческой, мы приходим к единственно достойной человека цели: одухотворять материальную жизнь, привнося в нее душевное тепло, свет любви, красоту творений наших рук. Цель жизни здесь не только не уничтожает смысла жизни, но совпадает с ним. Поэтому, если первые два пути имеют “конечную остановку” - полное исчезновение “в небесах” или под землей, то путь, указуемый Отцом, вечен. Он всегда открыт, у него нет конечного пункта назначения.

Путь одухотворения материальной жизни есть, следовательно, путь вечной жизни человечества. Отец Небесный дает нам возможность не умереть, не исчезнуть, как умирают и исчезают в конечном счете все живые существа и неживые системы. Значит, закон Отца Небесного - действительно иной закон в бытии мироздания, и Виссарион прав. В мире действуют два ряда законов - закон Природной Гармонии и закон Любви.

Первый исходит от Абсолюта, который создает достаточно жесткие правила жизни в мироздании и потому кажется мстительным, суровым или безразличным к человеку, вышедшему из Гармонии. На самом же деле Гармония предполагает лишь разумную дисциплину, и всякое ее

нарушение влечет за собой естественно-природную реакцию (закон бумеранга, воздаяния, кармы).

Но другой закон - закон Любви - предполагает совершенно иное: не вознаграждение или наказание, т.е. не воздаяние, а даяние; не принцип “даю, чтобы ты дал”, а бескорыстное дарение людям и миру своей душевной теплоты и творческих способностей; не вынужденность суровой необходимостью, а свободное нравственное деяние даже вопреки обстоятельствам. Следовательно, закон Абсолюта есть закон Природы, логика необходимости; тогда как закон Отца Небесного - закон Души, логика свободы.

“Порядок природы” и “порядок свободы”, как давно подметили философы, - явления несовпадающие, поистине разнопорядковые. Свобода проистекает не из детерминизма, любовь - не из соображений выгоды, вера - не из разума, подлинное добродейание - не из страха наказания и не из утилитарных интересов.

Из этого следуют широкие обобщения. Человек получает духовность не от природы, ибо это невозможно: природное есть “при-рожденное”, т.е. несвободное и неспособное к свободному, ничего не требующему взамен, творчеству. Обрести духовность непосредственно из рук Творца Вселенной невозможно по той же причине: между Творцом и человеком - Природа, физический Космос, а там духовности нет. При этом неважно, присутствует Творец в самой Природе или находится “за скобками” Природы, - важно, что, будучи Творцом именно Природы, он обязан действовать с учетом законов ее собственной эволюции, в полном соответствии с ними. Ведь он создал их сам - зачем же ему нарушать то, что установлено им самим? Но как, в таком случае, объяснить появление в человеке души, любви к людям и миру вопреки ненависти людей и холодному равнодушию мира?

Не зная о Втором Творческом Начале, мы были бы принуждены вслед за Владимиром Соловьевым с горькой иронией сказать: “Человек произошел от обезьяны, следовательно, будем любить друг друга”, или, по другой версии, еще горше: “Человек есть обезьяна и потому должен полагать душу свою за ближнего”. Но, к счастью, теперь мы узнали: в Мироздании, кроме Единого, существует Второе Начало - “Бог человек”, Отец наш Небесный, Творец души человеческой, ценностная вершина человеческого бытия, *духовный* Источник в *материальной* Вселенной.

4 . Ч т о ж е т а к о е “ Д у х ” ?

Говоря об Источнике нематериальном, духовном, необходимо, по всей видимости, прояснить смысл самого понятия “дух”.

Здесь могут сразу же возразить: разве непонятно, что Бог есть дух; разве не так интерпретирует его религия; и разве она неправа? Ответить на это можно достаточно просто. Даже если Бог есть дух, это еще не значит, что дух - всякий дух - есть непременно Бог. Следовательно, открытым остается вопрос о том, что же такое *дух вообще* и как он воплощается в человеке, животном, растении, атоме, демоне-асуре... Поэтому-то мыслители всех времен уделяли столь пристальное внимание понятию “дух”.

Он трактовался ими то как безличное творческое начало мироздания; то как Логос и Нус (Ум); то как синоним человеческого разума и даже здравого рассудка; как Сверхсознание; как универсальная энергия; как воля, иррациональный порыв, экзистенция и т.д. Бросается в глаза, что “дух” остается даже у лучших умов человечества понятием весьма расплывчатым: духу приписываются слишком уж несхожие характеристики. А это не может не приводить к искажению сути духовного начала. Ведь даже если свести все перечисленные характеристики к двум основным - к разуму и энтелехии (духу жизни), то и тогда понятие “дух” не становится конкретным, уже хотя бы по той причине, что разум и энтелехия (или, в терминах современной науки, информация и энергия) - не одно и то же.

Но дело в конце концов не в этом. Дело в том, что “дух”, при внимательном его анализе, несводим ни к разуму, ни к энтелехии.

Из фундаментального философского принципа тождества мышления и бытия вытекает, что мысль есть движение по логике природных начал (информации, энергии, вещества), и она истинна лишь в той мере, в какой движется по *логике необходимости*. Осознанием необходимости является в последнем счете и сама свобода мысли, известная “хитрость” разума: пытаюсь подняться над

необходимостью, он ищет в ее лабиринтах какую-нибудь брешь, лазейку, - но, пробираясь сквозь нее, попадает в лабиринт другой необходимости. Дух же не “хитрит” - он изливается, распространяется и проникает все что угодно (“Дух дышет, где хочет”). Дух подразумевает свободу иного рода, а значит, должен пониматься как такое начало, которое нетождественно разуму и которое являет собой некое совершенно особое качество в мироздании.

Однако человек - существо не только разумное, но и живое. Точнее говоря, он разумен потому, что он - живое существо. Разум привязан к плоти; разум есть функция жизни. Вот почему живое всегда разумно в той или иной степени. В таком случае, быть может, гораздо вернее будет говорить о духе не как о разуме, мышлении, а как об экзистенции, порыве, энтелехии, как об ускользающей от точного определения “жизненной силе”? Недаром в народном сознании, запечатленном в языковых формах, дух связывается с дыханием как основой жизни (“испустить дух” - лишиться жизни). Недаром и в ветхозаветных представлениях дух есть материальная жизненная сила, которая в человеке (“душе”) воплощена в виде крови (Левит 17:14).

Увы! Допустив, что дух есть жизненная сила и не более чем жизненная сила, мы приходим к усеченным, а потому удручающим результатам.

Во-первых, если дух есть энтелехия, жизненная сила, то он - характеристика всего лишь естественно-природная. А это не объясняет полной противоположности духовного начала материальному.

Во-вторых, степень духовности будет в этом случае определяться единственно степенью здоровья тела, и тогда человеконенавистник может предстать более “духовным”, чем святой. Впрочем, “духовностью” в этом случае придется наделить не только людей, хороши они или плохи в нравственном отношении, но и животных. Тем самым качественное различие человека и зверя улетучивается, подобно нестойкому “духу”.

Следовательно, в-третьих, и все высшие человеческие проявления, например, беззаветную любовь, милосердие, вдохновенное творение красоты, придется признать плотскими инстинктами.

Попробуем же выйти из всех этих противоречий и тупиков, обратившись теперь уже не к ветхозаветным, а к новозаветным воззрениям. Почему? Да потому, что именно здесь, в книгах Нового Завета, мы сталкиваемся с представлением не просто о духе, но о Духе Святом.

Что такое этот “Дух Святой”? Поможет ли он в разгадке духа как философской проблемы или еще более запутает ее?

Посмотрим прежде всего, какими свойствами наделяется Дух Святой в новозаветных текстах.

1. Он сходит, кладется (на), находит (на) (Матф. 3:16, 12:18, Марк 1:10; Лука 1:35); изливается (Деян. 2:17); он наполняет (а человек “исполняется” им) (Лука 1:41, 3:22, 4:18).
2. Дух Святой дается Отцом (Лука 11:13; Иоанн 3:34) и от Отца исходит (Иоанн 15:26).
3. Дух Святой “рождает свыше”, т.е. помогает человеку как бы заново родиться (Иоанн 3:8).
4. Он дается “повинующимся Богу” (Деян. 5:32).
5. Он - Утешитель (Иоанн 14:26).
6. Он останавливает человека, не допуская его неверных действий (Деян. 16:6 и др.).
7. Он наставляет блуждающих в веру (Деян. 20:28).
8. Он дает человеку Любовь Божию (Римлян. 5:5), благодать и праведность (Ефес. 5:9).
9. Дух Святой есть свобода (2 Кор. 3:17).

Невозможно не заметить, что все эти свойства Духа Святого поистине уникальны. Они разительно отличаются от всякого другого “духа”, будь то порыв, разум, жизненная сила или сила бесовская, сила тьмы. Неслучайно подобные “духи” даются в Новом Завете со строчной буквы и только Дух Святой - с заглавной.

Принципиальное отличие Духа Святого, благодатного от всякого иного не только подразумевается, но и прямо подчеркивается в Новом Завете: “... Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они” (1-е Иоанна 4:1); “Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух... И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь...” (1-е Иоанна 5:7-8).

Среди всех отмеченных апостолами свойств Духа Святого наиболее удивительно одно - причем, такое, которое окончательно убеждает, что специфика Духа Святого - не натяжка в прочтении нами новозаветных текстов, что ее четко сознавали сами ученики и последователи Иисуса. Этим поразительным свойством является *способность Святого Духа давать бессмертие*

плоти. “Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас” (Римлян. 8:11). Это свойство со всей очевидностью противостоит закону Природы, где дух жизни, т.е. материальная жизненная сила, не способен преодолеть смертность человеческой плоти и не предназначен для этого.

Дух жизни есть, следовательно, в той же мере и дух смерти. Что же касается Духа Святого, он - только Жизнь и притом Жизнь с большой буквы. Проникнутый Духом Святым живет жизнью подлинной, исполненной высокого смысла, - жизнью в самоотдаче, любви, добрых делах, творческом горении.

Конечно, так живут далеко не все: нет в них стремления стяжать Дух Святой, и он в них оскудел. Но если бы “дух” по понятию своему исчерпывался “жизнью” как биологическим феноменом или “разумом” как феноменом гносеологическим, подлинно человеческая, достойная человека жизнь была бы невозможна в принципе. Это означает, что понятие “дух” - далеко не только синоним “жизни” и “разума” как рефлексии над жизнью. Дух - это еще и Дух Святой, без которого не было бы религиозно-нравственного отношения человека к миру и людям, т.е. это сама суть человека и та аура, атмосфера и “аромат”, которые свойственны настоящей Личности.

Требует ли Дух Святой высокой степени “витализации” или “ментализации” человека? Нет, это не столь обязательно. Обязательно другое: быть благодарным Богу, миру и людям, быть милосердным, любящим, преисполненным благодати.

Из всего сказанного вытекает однозначный вывод. **Если существуют два совершенно различных Духа, они должны, соответственно, иметь два различных Источника.**

Есть материальная жизненная сила (Дух Жизни), а есть духовная жизненная сила (Дух Святой), и исходят они от двух великих Творцов: первый исходит от Творца Мироздания, а второй - от Отца Небесного, творящего душу каждого из нас.

Не обладая плотью, Отец Небесный не имеет возможности непосредственно управлять законами материи. Но, будучи духовной Индивидуальностью, он обладает бесконечной благодатью, чья сверхтонкая сила превосходит пределы самых тонких энергий Творца Мироздания.

Так свершается Виссарионом реченное в Евангелии Иоанна: “Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце” (Иоанн 16:25).

При этом Отца Небесного Виссарион уподобляет душистому бутону на стебле материального бытия - стебле, который исходит из Единого, Творца Мироздания как “корня цветка”.

Мир и мировые Первоначала показаны в Последнем Завете не как абстракции философов, а в их конкретной реальности. Мироздание здесь - не механический агрегат и не геометрическая фигура вроде линии, круга, спирали, как порой представляется ученым. Нет, Мироздание - растущий Цветок, яркий и живой.

Но каково его внутреннее строение? Какова архитектура Универсума-Цветка или, пользуясь более привычным образом, какова архитектура Здания Мира? Насколько верно рисуют картину мира те, кто не знает о существовании благоуханного Бутона на Стебле Цветка? Может ли их Вселенная служить для человека Домом с Цветущим Садам? И если нет, то не следует ли произвести реконструкцию их обветшалого и неуютного Здания?

Г л а в а I I . Р е к о н с т р у к ц и я М и р о з д а н и я

1 . Т е л о с в е р к а ю щ е й с ф е р ы

“Вы не знаете Мироздания”, - говорит людям Виссарион. И с этим надо согласиться, без амбиций и без обид: к тайнам Мироздания человечество пока лишь приближается, но еще не сумело постичь их по-настоящему. Не знаем Мироздания и мы, пишущие эти строки. Но, опираясь на Последний Завет и с учетом наличного состояния человеческих знаний, давайте все-таки попытаемся приподнять завесу, за которой скрывается тайна происхождения и структуры Мироздания. Попробуем набросать хотя бы ориентировочную схему той картины Вселенной, которая существует в науке, и той, которую явил нам Учитель.

Факты науки, зафиксированные в современных учебниках и энциклопедиях, свидетельствуют, что Вселенная существовала не всегда. Она возникла внезапно, примерно пятнадцать миллиардов лет назад, и с тех пор продолжает пространственно расширяться.

Но как именно, каким образом возникла Вселенная? Большинство ученых склоняется к мысли, что ее породил так называемый Большой Взрыв. Это кажется логичным, если учесть, что с момента своего появления Вселенная расширяется от некоего центра. “Разбегающиеся” галактики, следовательно, можно уподобить своеобразным волнам от взрыва или брызгам от удара по воде.

Прежде чем перейти непосредственно к критическому анализу теории Большого Взрыва, зададимся вопросом: если был Взрыв, то что взорвалось? Вопрос резонный, так как нельзя упускать из виду то удивительное обстоятельство, что пока не было Вселенной, не могло быть вообще ничего, в том числе и чего-либо “взрывчатого”.

Впрочем, существует гипотеза, согласно которой до своего расширения Вселенная содержалась в точечной форме элементарного “илема” - сгустка или частицы первоматерии, и именно илем взорвался и дал Вселенной жизнь. Допустим, что это так. Но тогда пусть нам пояснят, откуда возник сам илем. Из предшествующего сжатия Вселенной? Однако подобное сжатие предполагает, что вся масса вещества Вселенной куда-то исчезает. Куда? Переходит в чистую энергию? Но такой процесс должен сопровождаться чудовищными взрывами, которые уничтожили бы в конечном счете все, в том числе и последнюю частицу материи - илем.

Другие естествоиспытатели не находят ничего лучшего, как объяснить возникновение Вселенной взрывом “пространства”. Понятно, что, если пространство трактовать в смысле пустоты, надо признать, что взорвалось Ничто. Понятно также, что в случае интерпретации пространства как резервуара чистой энергии мы опять-таки приходим к выводу о порождении Вселенной взрывом Ничто, с той лишь разницей, что теперь это Ничто мы видим как обладающее огромной силой, как переполненное энергией.

Так какую же из двух гипотез принять? Очевидно, ни ту ни другую в отдельности. Нас не может удовлетворить взявшийся ниоткуда “илем”. Не может удовлетворить и самовзрывающаяся энергия, сумевшая для этого каким-то образом обойтись без всякого субстрата. Это все равно что костер загорелся бы сам собой, в отсутствие какого бы то ни было топлива. Поэтому только синтезируя оба предположения, можно в известной мере приблизиться к истине.

Вероятно, чистая энергия Ничто сконцентрировалась в Нечто, в некий субстрат - частицу, сгусток или что-либо подобное - и своею мощью разорвала его на части, давшие великое многообразие мира. Этот субстрат должен был существовать в единственном числе и в одной точке, иначе Большой Взрыв не был бы взрывом направленным, а оказался бы хаотической серией взрывов, так что галактики не разбегались бы друг от друга, а сталкивались и вращались как попало, и Вселенная не расширялась бы, а, так сказать, дышала, как больной в лихорадке.

Тот факт, что современная наука дошла в изучении мироздания до самого его “фундамента” - Абсолютного Ничто, не должен нас чрезмерно удивлять. Лучшие мыслители человечества давно уже вывели существование Абсолюта логическим путем или получили знание о его бытии и законах путем оккультным. Абсолют и с их точки зрения не может не быть переполнен потенциями, не может не изливать их в мир. Больше того, чтобы сотворить Вселенную, Абсолют действительно

должен, оставаясь беспредельным, в то же время сжаться в точку и встретиться с самим собой. Только так, только через это сжатие и самостолкновение он может вызвать колоссальное движение, которое выливается в мир форм. Иными словами, прежде чем превратиться в Многообразное, Единое должно стать Единичным, принять форму Единичного.

Но вот вопрос. А был ли Большой Взрыв? Так ли он необходим для сотворения мира из ничего? Действительно ли Единичное, будучи следствием концентрации энергий Единого, непременно должно взорваться, не выдержав внутреннего напора этих энергий?

На первый взгляд, космогенез объясняется гипотезой Большого Взрыва полностью. Однако, вдумавшись в эту гипотезу, приходится в ней усомниться.

Не правда ли, странно, что органическое (живое) и гармоничное Целое, каковым является Вселенная, возникло из неорганического (неживого), притом, из дисгармоничного, акта? Взрыв, большой он или малый, сила не столько созидательная, сколько разрушительная. Считать, что взрыв есть наилучший источник движения, наилучшая движущая сила, ничем не лучше концепции первотолчка стародавних механицистов. Впрочем, увы, современные представления о движении и многие технические изобретения пока еще, в сущности, не продвинулись от представлений пещерного человека. Добывание огня трением, зажигание спички о коробок, взлет космического корабля - технологии, построенные по одному и тому же грубомеханическому принципу. Построением такого же рода является и теория Большого Взрыва.

Но способен ли из Взрыва, из Беспорядка сложиться Порядок, Космос? Необходимое, упорядоченное не возникает из случайного, неупорядоченного. "Случайность" есть определенность предыдущим, даже если эта "случайность" непредумышленна. И если в какой-то период времени случайные, как может казаться наблюдателю, стохастические процессы начинают укладываться в некие устойчивые законы, то, значит, законы существовали и до и во время этих процессов и как бы ждали, когда те улягутся в спокойные рамки.

Невозможно поэтому вполне согласиться с представителями популярной сегодня синергетики. С их точки зрения, порядок возникает из хаоса, беспорядка. Что это может означать в применении к проблемам космогонии? Есть лишь два ответа на этот вопрос, и оба они одинаково неудовлетворительны.

Первый из них принуждает признать, что Вселенная существовала всегда, только поначалу в хаотическом состоянии, которое затем стабилизировалось. Это, однако, резко противоречит факту возникновения Вселенной из Ничего. Ведь Ничто никак не может находиться в хаотическом, беспорядочном состоянии.

Второй возможный для оправдания синергетики ответ должен, в таком случае, гласить: Вселенная пребывала в беспорядочном состоянии не всегда, а лишь первое время после Большого Взрыва; только потом этот хаос упорядочился в законы. Но тогда оказывается, что хаос отнюдь не первичен по отношению к порядку, ведь сам хаос откуда-то возник. Откуда? Из Ничего. А в Абсолютном Ничто "беспорядка" быть не может.

Синергетика, вероятно, права в каких-то узких рамках, в каких-то частных областях, но она не вправе претендовать не только на роль общемировоззренческой или хотя бы общенаучной теории, но и на роль теории космогонической. Синергетика, похоже, не различает двух понятий, уместившихся в одной лексеме "хаос". Дело в том, что смысл этого слова двойствен. Оно означает не только "беспорядок", но и Пустотность Абсолютного Первоединого, объединяющую силу Первореальности (в этом случае "Хаос" лучше писать с заглавной буквы, а ударение ставить на первый слог).

Порядок Космоса возможен лишь благодаря творческому совершенству Хаоса-Абсолюта, но никак не слепому "методу тыка" материальных процессов как таковых.

Что же может составить альтернативу неорганичности Взрыва? Только органичность *развития, развертывания* Вселенной. Она не "взрывается", но, по образному выражению известного российского ученого В.Д.Плюкина, "выращивается". Следовательно, для более конкретного постижения космогенеза необходимо ответить на вопрос, кто или что "выращивает" Вселенную.

В последнем счете и говоря обобщенно, субъектом творения всего сущего является, конечно же, Абсолют. Но наука сегодня располагает и более определенными и подробными данными по

этому вопросу.

Речь идет о недавнем открытии второго после Абсолюта, нижележащего “слоя” мироздания - так называемых торсионных полей, которые служат источниками, носителями и передатчиками вселенской информации. Этим открытием доказывается то, что мир это не только энергия и вещество, но прежде них - информация, или Космический Разум. Информация первична по сравнению с энергией и веществом; все элементарные частицы, поля, энергии, вещества и тела возникают в конечном счете именно из торсионных, информационных полей и благодаря им.

Торсионное поле (от “torsion” - вращение, верчение) содержит в себе матрицы, образцы всех возможных “вакансий” реальности, ее еще не проявленных, не заполненных мест. Это поле существует везде и всегда и потому переносит необходимую информацию в любую точку мгновенно и без всяких посредников, будь они вещественными или волновыми (энергетическими). Принцип действия торсионного поля есть принцип Творца Мироздания. “И сказал Бог: да будет свет. И стал свет” (Бытие 1:3).

Торсионное поле действует на все, что, как говорят физики, обладает спином (моментом вращения); в свою очередь, все, что вращается, служит источником торсионного поля.

Но что же, в таком случае, есть вращающийся источник первичного торсионного поля?

Если оно образуется от вращения чего-либо, то, следовательно, надо признать, что у самых истоков мироздания существует какое-то “тело-сфероид”. Но опять-таки: что оно такое, если, как было показано выше, оно не может быть ни элементарной частицей, ни абстрактной геометрической точкой, ни “вращающейся” Пустотой? От ответа на этот вопрос зависит и решение вопроса о том, каков же характер расширения Вселенной. Действительно ли оно происходит по законам “разбрасывания осколков от взрыва”? Или, быть может, по законам “раскручивающейся спирали”? Или “раскрывающегося цветка”?

Обратившись к научным данным, мы обнаружим в этом пункте по большей части пустоты, лакуны, зияния. Погрузившись в чтение философской литературы, мы также останемся в данном случае разочарованными. Вчитавшись в тексты священных писаний, мы и в них не найдем упоминания об искомой “сфероидальной” ипостаси Творца Вселенной (за исключением так называемого Мирового Яйца; но, порождая мир, оно не вращается, а опять же раскалывается на манер “илема”).

А что же Последний Завет? Дает ли он какую-нибудь подсказку в этом вопросе? И может ли дать ее текст, который, как говорят иные, “лишен научного содержания”?

Откроем ту часть Последнего Завета, которая называется Книгой Основ. В конце концов Творец Мироздания - это ведь именно Основа бытия.

К удивлению скептиков, в первой же главе Книги Основ обнаруживаются не только намеки и подсказки по интересующему нас вопросу, но и достаточно полный ответ на самый вопрос.

Здесь указывается, что перед сотворением мира в безмолвии вечности возникло Тело сверкающей сферы и “танец Гармонии”, без устали поглощающий вечность и излучающий волны Духа Жизни.

Так пустотность бесконечного и абсолютного порождает из своего лона информационно-энергетическое тело-сфероид, которое становится, так сказать, “руками Абсолюта”, инструментом и средством Творения.

Схема 2. Тело сверкающей сферы в творимой Вселенной

Приведенная нами схема, как и всякая схема, весьма несовершенна и нуждается в пояснениях.

Чем больше энергии отдает Тело Абсолюта, тем еще больше получает ее взамен от собственных творений, которые ширятся в пространстве и развиваются. Абсолют в Телe сверкающей сферы подобен по своему положению Солнцу, а творимые им и опоясывающие его миры - планетам Солнечной системы, которые возникают вокруг него и движутся по своим орбитам, напоминающим распускающиеся лепестки цветка.

Эта модель, модель Универсума-Цветка, органично вбирает в себя модели “вращающейся” и “расширяющейся” (“раздувающейся”) Вселенной. В ней находит свое место и объяснение даже гипотеза “разбегания галактик”, только здесь они не “убегают друг от друга” в разные стороны, а отходят от своего центра и друг от друга поэтапно, виток за витком, кольцо за кольцом. Место же Большого Взрыва как “пускового механизма” и движущей силы Вселенной здесь занимает Ток Единого, его творческий Дух Жизни.

Нелишним будет сказать, что с этой моделью Вселенной во многом схожа модель В.Д.Плькиной, отмеченная сертификатом ООН “За научное доказательство бытия Бога”. В модели Плькиной также присутствует управляющее ядро, окружающие его циклы-лепестки и вихревой поток энергии от ядра к лепесткам и обратно.

Но между этими двумя моделями есть и очень большое различие. Открытием российского ученого доказывается не бытие Бога и даже не бытие Абсолюта как такового, а только бытие *внешней формы* Абсолюта. Для естествоиспытателя это, по существу, итог - огромный, но все же итог - научных поисков в вопросах космогонии. Для Виссариона же космогоническая модель - лишь один из начальных моментов его грандиозного Учения. Перефразируя мысль А.А.Фридмана о том, что мир естествоиспытателя бесконечно уже и меньше мира-вселенной философа, можно сказать, что мир Виссариона бесконечно шире и больше миров естествоиспытателя и философа вместе взятых.

Упомянув А.А.Фридмана, нельзя не остановиться на его идее осцилляции (расширения-сжатия) Вселенной - идее, близкой восточным представлениям о “дыхании Брамь”. Действительно ли Вселенная циклически появляется, расширяется, сжимается, исчезает и вновь появляется из недр Единого? В той модели Вселенной, которую представил человечеству Виссарион, это не так. Идея “дыхания Абсолюта” возникла, вероятно, из некритического восприятия и догматизации полученных в мистическом опыте данных о взаимообмене энергий Вселенной и ее Творца. На деле же осцилляция оказывается всего только внутренним моментом *бесконечного развития* Вселенной. Она возникла из Ничего, и лишь *однажды* в ней появился Бог-Сын, Сын *Единородный*, и с этих пор развитие Вселенной обретает смысл - бесконечный расцвет, которого не в состоянии дать никакие кальпы и манвантары. “Другого пути развития нет, - подчеркивает Учитель Виссарион. - Все остальное бродит по кругу, все остальное замкнуто”.

Итак, Абсолют не есть всепоглощающее Единство, безличное и усредненное “муже-женское” Начало. В себе и для себя он, наверное, таков; но в качестве Творца, Созидателя он есть, несомненно, мужское, “яневое” Начало, т.е. Единый, а не Единое.

2 . М ы с л я щ а я В с е л е н н а я

Чем же по сути своей является Вселенная, возникшая из Абсолютного Единого? Правомерно ли называть ее “материей”? Или, быть может, она есть “дух”? Или гигантская “мысль”? Или, наконец, все эти определения должны быть выстроены в некую иерархию, соответствующую уровням организации самого Универсума?

Зададимся прежде всего вопросом о том, почему возможно превращение реальности мета-

физической, “мира философа” в мир, с которым имеет дело естествоиспытатель, - в мир физический? Это возможно лишь потому, что два мира представляют собой один и тот же мир. Ведь реальность Абсолютного Единого есть чистое Бытие, первичное как для “материи”, так и для “сознания”. Поэтому бытие ли материи развивается в мысль или, напротив, бытие мысли выливается в формы материального бытия, - это *одна и та же линия развития*. Ибо Все происходит из Одного, источник многообразного - абсолютно един.

Философский принцип тождества мышления и бытия как раз и состоит в утверждении единства Мысли Бытия и Бытия Мысли. Мышление, как указывал, например, Н.А.Бердяев, не может быть отделено от универсального бытия и противоположно ему; познание не может быть отделено от универсальной жизни и противопоставлено ей. Мышление есть плоть от плоти и кровь от крови универсального бытия, познание есть плоть от плоти и кровь от крови универсальной жизни. Мышление есть бытие, оно в бытии пребывает, познание есть жизнь, и оно совершается в жизни... Поэтому и отношение познающего субъекта к познаваемому объекту есть отношение внутри бытия, отношения бытия к бытию, а не “мышления” к “бытию” как противостоящих друг другу.

Мысль есть движение по форме предметов, по логике необходимости, по логике бытия. Об этом, собственно говоря, не нужно распространяться, поскольку это положение прекрасно раскрыто, например, Спинозой, а в недавнее время своеобразно воспроизведено Э.В.Ильенковым. Нет двух разных и противоположных субстанций и предметов исследования, ибо мысль и тело, мысль и природа, мысль и материя - одна-единственная субстанция и один-единственный предмет исследования: мыслящее тело, мыслящая природа, мыслящая материя.

Вместе с тем у мышления, как и у всякого аспекта бытия, есть, безусловно, своя специфика. Будучи естественно-природным явлением, мышление не растворяется в безразличном эфире Единого, а имеет отличительные особенности, выделяющие его в бытии. Даже в абсолютности Единого необходимо различать черты пространства семантического, неисчерпаемого поля смыслов. Это тем более касается природы. В свете открытия торсионных полей фактом становится то, что природа - не слепая стихия, что вся она пронизана информацией, а значит, смысловыми, разумными характеристиками.

Что же такое сознание, мышление, разум как нечто специфичное по отношению к бытию материальных вещей и процессов?

Для множественных образований, каковыми и являются предметы и процессы в их многообразии, Единое Основание выступает как континуальное для дискретного. Само по себе всякое дискретное основания лишено и обретает его лишь в связи с континуальным: части детерминированы целым. Тем самым для дискретного Единое Основание есть связующее, гармонизирующее, законообразующее, целевое и всеобщее, - т.е. *смысловое* начало, *Мысль*. Используя выражение П.Тейяра де Шардена о любви как о “резонансе в целое”, понятие сознания, мышления можно поэтому определить как “резонанс частей в Целое”, а понятие материи - как “резонанс Целого в части”.

Основная задача мышления - познавать. А задача собственно познания - приведение познаваемого в соответствие со Всеобщим, Родовым, Абсолютным. Следовательно, мышление есть процесс узнавания Всеобщего, которое никогда не дано эмпирически. Будучи резонансом в Целое, мышление (разум) - это процесс преодоления конечного, выхождение за его пределы, или, говоря словами Гегеля, “возвышение над чувственным”, “прыжок в сверхчувственное”.

Человеческая мысль не застревает на уровне эмпирическом: она многомерна и многоуровневна, как сам Мир. Вот почему в мышлении индивида, помимо его индивидуально-особенных и детерминированных его опытом мыслей, рождаются порой мысли “иных измерений”. Первые, как правило, вербальны; причем, их вербальность - тусклая, лишенная силы, озаренности, они подобны серым теням. Кроме того, они все время кружатся внутри головы. Другие же мысли - внеопытные, “пространственные”, из иных измерений бытия - рождаются мгновенно, как озарения; они зажигаются, вспыхивают или как бы прорезают мрак и туман. А если даже они вербальны, то вербальность их исполнена особого ритма - ритма, в котором написаны священные писания и который не спутаешь ни с каким другим.

“Пространственные” мысли возникают как будто вне головы. По крайней мере, внутри головы они воспринимаются как “иные”, как взятые ниоткуда. И они сразу распознаваемы,

подобно тому, как, пробудившись, мы тотчас удостоверяемся: это - реальность, а то - сон. Единственная разница при этом состоит в том, что мысль из иного измерения выглядит более объемной, красочной, а потому и более реальной, чем мысль, возникшая эмпирическим путем.

Значит, мысли “пространственные” существуют поистине в ином измерении бытия; на ином его уровне, нежели эмпирически данный индивиду; на иных частотах и волнах.

Является ли этот переход к другим уровням сознания результатом ментальных усилий человека, или это следствие медитативного расширения сознания, или, наконец, это взятие человеческого сознания “на контакт” высокоразвитыми инопланетными или тонкоэнергетическими существами - вопрос особый. Но нам здесь важно то, что к какому бы уровню всеобщности - рассудочному, разумному, сверхразумному - ни переходила мыслительная способность человека и к какому бы миру - низшему или высшему - ни обращалась, эти уровни и миры остаются уровнями и мирами одной и той же реальности, реальности природной.

Разум не есть противоположность природе, мышление не противоположно бытию. Философски некорректно поэтому противопоставлять разум - природе, мышление - бытию и при этом отождествлять разум и мышление с “духом” лишь на том основании, что дух, в отличие от природы, есть нечто невещественное. Рентгеновские лучи, радиоволны, электрическая энергия тоже невещественны, но от этого они не становятся реалиями “духовными”. Точно так же и тонкоматериальная реальность - мысль, будучи представлена, в терминах философии, как *идеальное*, вовсе не есть нечто *духовное*. Так называемое идеальное - это тонкоматериальное, претерпевшее ряд преобразований и опосредствований; это в конечном счете отношение тонко- и грубоматериального, представленность одного материального в другом и через другое материальное. Таковы, например, символы и знаки. Правомерно ли будет назвать дорожный знак чем-то “духовным”?

Итак, на иерархически первом, высшем после Абсолютного Ничто, или Абсолютного Единого, уровне - уровне Разума (Информации) мы не обнаружили признаков духовности - только материальные процессы разной степени общности и сложности.

Значит ли это, что в природе нет никакого духа вообще? Это было бы поспешным обобщением. Ведь “дух” подразумевает не только невещественность, но еще и некий движущий принцип, точнее, движущую силу.

Природа не существует в отрыве от Абсолюта. Его творческая мощь передается силам природы, переливается в них. Следовательно, в природе, безусловно, действует определенный дух, т.е. определенная сила, энергия. Но очевидно, что это - энергия универсально-природная, а никак не духовная. Энергия Абсолюта, переданная природе, присутствует всюду и везде, но силу падающего камня вряд ли уместно толковать как “духовную”. *Дух Природы* не есть *противоположность Природе*. Он слит с Природой, он сам - природен, т.е. материален.

Таким образом, на следующем после Информации “этаже” мироздания, на том его уровне, где царствует Энергия, мы тоже не отыскивали духовного начала в строгом значении этого слова. Ясно, что нам тем более не найти его ниже - на уровне Вещества, которое само по себе, без Информации и Энергии, является, можно сказать, “неживым”, - да, собственно говоря, и немислимым.

Через призму тождества бытия и мышления, природы и разума, материи и сознания отчетливо видна вся несообразность измышлений всевозможных философских “измов”. Ложной оказывается противоположность *материализма* и *идеализма*, ибо материальное и идеальное - манифестация одного и того же. Истинной противоположностью являются природа и дух, но духовного не знает ни материализм, ни идеализм. Столь же, если не более, ложным выказывает себя в свете тождества мысли и бытия философский *дуализм*, который совершенно неправомерно полагает единую линию “мысль-протяженность”, “психическое-физическое” линиями параллельными и не в силах понять не то что их единство, но даже их связь. Не выдерживает критики и такое направление философии, как *плюрализм*. Учитывая многообразие, он игнорирует единство; подчеркивая множественность субстратов, он не замечает Мироздания как единой субстанции, единого Мыслящего Тела. В итоге он перерастает в *релятивизм* и *скептицизм*, не дающие ничего позитивного - ни истины, ни веры, - а затем в *субъективизм*, заявляющий, что наш разум не тождествен бытию, и не желающий видеть, что тем самым лишь переселяет Абсолютное внутрь головы и устанавливает тождество своего собственного мышления со своим собственным бытием.

Лишаются всякого значения и такие “измы”, как *пантеизм* и *панентеизм*. Первый настаивает на тождестве Бога и Мира, не видя, что Бог-Абсолют, переливаясь, эмануруя в мир, все-таки остается за его пределами, “по ту сторону” мира. Второй, утверждая, что Мир пребывает в Боге, т.е. что Бог больше, чем Мир, тем самым ничуть не доказывает противоположности одного другому. Пантеизм и панентеизм - философии однопорядковые, подобные матрешкам, ибо выражают одну и ту же линию, линию “Абсолют-Природа”, или “Бытие-Сознание”.

Но, может быть, духовное начало ускользает от нашего внимания лишь потому, что, говоря об Абсолюте, Информации, Энергии и Веществе, мы подходим к мирозданию слишком общо? Что ж, попытаемся рассмотреть все уровни организации Универсума, т.е. архитектуру Мироздания, подробней.

Науке на сегодняшний день известно семь таких уровней, включая Первоначало всего сущего:

1. Абсолютное Ничто
2. Первичное торсионное поле
3. Вакуум
4. Элементарные частицы
5. Газ
6. Жидкость
7. Твердое тело

Духовность в этой картине, как видим, отсутствует.

Философия и мистицизм с древних времен до наших дней выделяют следующие семь уровней бытия:

1. Абсолют (Парабраман, Великая Пустота, Первоединство)
2. Логос (Нус), Высший Атман, Супраментал, Сверхразум
3. Нирвана или Акаша
4. Буддхи (сфера “эйдосов”, “оптически-скульптурных” идей)
5. Ментал (ум, разум)
6. Астрал (уровень тонкоматериальных тел)
7. Плотное тело, грубая материя

Духовного начала нельзя найти и здесь. Его место занимает материя, пускай и тонкая, “умная”, “софийная”; и Дух оказывается всего только номинальным обозначением, или же Логосом, т.е. Разумом, каким бы “Сверх” и “Супра” он ни был.

Следовательно, приведенные картины мироздания при всем том, что они показывают Мир сложным, богатым, многоуровневым, оказываются недостаточными. Где в них духовность? Как они могут объяснить природу и сущность этического? Как они ответят на вопрос, почему и зачем человек должен быть нравственным? Где в них Любовь? Вместо Любви мы видим здесь материально-энергетическое тяготение, гравитацию, голограмму. Однако мы не видим, как из всего этого может вырасти человечность.

Без человека мир неполон. А в человеке с эмпирической очевидностью присутствует духовное начало - душа с ее верой, любовью, сопереживанием. Но если формирование плоти и разума человека происходило по той же линии развития, что и у Вселенной, то из этой линии невозможно вывести духовные, религиозно-нравственные качества человека. Мыслимое ли дело, чтобы они возникали и развивались по законам природы?

Наконец, если вспомнить о широко известном ныне антропном принципе, согласно которому мироздание устроено “человеческим образом”, “по-человечески”, “для человека”, то в **мире тождества бытия и мышления** тем более не хватает самого главного, что отличает человека. Не хватает Источника Любви. А тем самым его существование косвенно подтверждается.

Покуда в Здании Мира нет Тепла, в нем нет и не может быть Жильца -Человека. Хотя жизнь в этом Зданье бурлит.

3 . Ж и з н ь   к а к   т в о р ч е с к а я э в о л ю ц и я

Из установления тождества природы и разума явствует неправомерность редукции живого к его вещественному субстрату, как это, увы, делается в традиционной биологии.

Субстратная теория, будь она классической “белковой” или новейшей “биополимерной”, страдает громадными недостатками. Вот некоторые из них.

Если живое связано лишь с белками и нуклеиновыми кислотами, то вся остальная природа оказывается неживой. А этого достаточно для того, чтобы относиться к ней иначе, нежели к ее крохотному “заповеднику”, “живому уголку”: равнодушнее, хуже - наконец, попросту потребительски.

Субстратная теория, по существу, отказывает и в праве на существование другим, вземным формам жизни, как, впрочем, и всем, которые пока неизвестны. Подобная узость взгляда ущербна не только в познавательном аспекте. Она чревата нравственной слепотой.

Однако и сам “субстрат жизни” - белок ли это, нуклеиновые ли кислоты или азотистые основания - сам по себе не является живым, а значит, не может служить и причиной жизненного процесса. Жизнь не возникает из перетасовки молекул, хотя и за электроном стоит жизнь.

Сторонники субстратной теории представляют жизнь как островок в океане косной материи. И тогда в картине мироздания начинает главенствовать неживое; тогда умирание, смерть становится основополагающей и ведущей тенденцией развития.

Но может ли такое быть? Конечно же, нет. Ибо в случае преобладающей роли деструктивного начала не было бы никакого развития, никакой эволюции: все и всякое сущее попросту бы разрашалось и мертвело, едва возникнув, - точнее, не могло бы даже и возникнуть.

Собственно говоря, субстратная теория объективно должна подводить в конечном счете к безотрадному выводу о том, что жизни нет вовсе, есть лишь мозаичные скопления косного вещества разной степени сложности. Но это совершенно противоречит и очевидности, и научным фактам.

Если субстратная теория жизни неудовлетворительна, ее альтернативой могла бы служить теория функциональная. Субстрат биологической формы движения как таковой не способен к саморазвитию и саморепликации. Поэтому надо признать, что живое вещество движимо динамическим и структурирующим началом. Им может быть, очевидно, только некий смысловой принцип (разум), который, имея целеполагающий характер, обладает, следовательно, и определенной жизненной силой (энергией).

Разумеется, жизнь не может быть сведена к чистой энергии или чистой мысли, каковые выявляются в качестве принципов движения живого. Ведь они должны действовать на что-то, а этим “что-то” может быть лишь тот или иной субстрат. Тем самым оказывается, что субстратная и функциональная теории должны быть не антагонистами - напротив, они должны дополнять друг друга.

Остается заключить, что жизнь есть неразрывное единство информации, энергии, вещества. Иными словами, жизнь есть *единая линия Единого*.

Говоря так, мы имеем в виду не только то, что живые организмы появились на каком-то этапе развертывания Единого, но и то, что живым является сам Абсолют, а значит, и все им творимое. Всепроницающий, вездесущий Единый предстает в своем вселенском творении как единство Разума, Силы и Плоти, т.е. как Живой Организм. Он, по существу, становится здесь синонимом Мира как Целого. А раз так, значит, и вся природа, все сущее оказывается единым живым организмом.

Мы вновь пришли к пониманию того, что жизнь (бытие) и разум (мышление) - тождественны. И этот фундаментальный принцип, который обойти невозможно, со своей стороны вновь подтверждает: живым и разумным является не то или иное существо, не та или иная органическая система, но весь мир как целое. Он - не просто скопление и брожение материальных масс, но живое существо, целостное и универсальное. Более того: если живым является весь мир, то и каждый его элемент - разумен, каждая его часть - живая.

Разнообразные формы жизни суть проявления Абсолюта как Живого Единого, который и есть основание и причина всякого отдельного и конечного живого.

Введение такого постулата сразу же делает вполне преодолимой пропасть между живым и косным и тем самым устраняет парадоксы и противоречия гипотез биогенеза (происхождения живого от живого) и абиогенеза (происхождения живого из неживого). Как возможно, чтобы живое возникло из живого, когда как раз и требуется разрешить проблему возникновения живого? С

другой стороны, редуцируя живое к неживому, мы утрачиваем не только понимание сути живого, но и самый предмет исследования.

Теперь же, постигая, что жизнь есть феномен универсально-всеобщий, что живым является весь мир со всеми его элементами, мы начинаем видеть: живое происходит от Единого Живого. И если живое построено из неживых кирпичиков, то это означает лишь то, что “неживое” - понятие весьма относительное и условное. Ведь хотя Единое Начало развивается в, казалось бы, косную материю, - эта косная материя без изъятия принадлежит Единому Живому и есть лишь иная его ипостась! Подобно тому, как в составе живого тела рука представляет собою орган живой и активный, а мертва лишь будучи отсеченной от тела, каждое отдельное существо является живым, если рассматривается в качестве органа мира как единого живого целого.

Убедившись, что мир не состоит из живого и неживого “отсеков”; удостоверившись, что бытие и мышление тождественны; что информация, энергия и вещество - аспекты и моменты одной и той же линии развития, а именно развертывания Абсолюта через универсальную мощь Духа Жизни, уже не так сложно найти общее решение проблемы происхождения и эволюции жизни. Во всяком случае, эта проблема перестает составлять неизбывную трудность, непостижимую “вещь в себе”.

Будучи Мировым Бытием, жизнь не может быть явлением локальным, частным и второстепенным. Она есть и обязана быть феноменом общекосмическим, и не в одном пространственном смысле, но по самому своему характеру. И даже если бы жизнь возникла и существовала только здесь, на Земле, это ничуть не умаляло бы ее вселенской сути. Разве Земля изолирована от остального мира? Разве она - не космическое тело? Более того, разве Земля, будучи порождением Живого Единого, сама не является живой?

Если жизнь есть атрибут мира как целого, то возникновение жизни на Земле - процесс естественный и спонтанный.

Значит ли это, что происхождение и развитие земной жизни правомерно трактовать в духе дарвинизма? Никким образом. Дарвинистское объяснение жизни должно быть отвергнуто по меньшей мере по двум причинам.

Во-первых, дарвинизм не в силах показать самое начало жизни и ее возникновение на Земле. Дарвин начинает если не “с середины”, как писала Е.П.Блаватская, то уж точно не “с начала”. Он в известной степени объясняет или пытается выявить механизм эволюции живого, но не его происхождение.

Во-вторых, эволюция выглядит в дарвинизме процессом, управляемым слепыми силами. А это противоречит факту направленного характера эволюции и логически не увязывается с самим понятием жизни как процесса разумного.

Есть и другое объяснение жизни на Земле, называемое гипотезой “панспермии”. Эта гипотеза заключается в том, что жизнь в форме простейших микроорганизмов была занесена на Землю из космического пространства. В пользу такого допущения говорят опыты современных ученых, показавшие выживаемость спор при ультрафиолетовом излучении и космической стуже; обнаружение органических веществ, в том числе аминокислот, в составе метеоритов, кометного вещества и т.п.

Быть может, эта гипотеза по-своему справедлива. Однако на вопрос о происхождении жизни она не отвечает в принципе, ибо из нее невозможно уяснить, откуда и как взялись в космосе сами “зерна жизни” - микроорганизмы. Кроме того, даже приняв, что они - ровесники Вселенной, т.е. существуют столько же, сколько она сама, трудно принять, что эти семена жизни на нашей планете эволюционировали самостоятельно, без всякого одухотворяющего их принципа. А ведь именно слепую случайность подразумевает эта гипотеза, в которой семена разносятся по Вселенной стохастическими процессами, непредсказуемыми порывами “космического ветра”.

Допущение о “случайных” шагах эволюции из примитивных семян самих по себе опровергается, наконец, и гигантским видовым многообразием живых существ и их стройной иерархией. Это многообразие и эта иерархия видов были бы обречены на хаос, разрушение и быструю гибель, - если бы вообще было возможно нечто случайное как “выпавшее” из гармонии Единого Целого.

Следовательно, жизнь имеет не случайное, а необходимое происхождение. Необходимое же, в силу своей логичности, планомерности, законосообразности, требует признания какого-то разумного, смысловнесущего движущего начала.

Возможно ли, в таком случае, что жизнь на Земле возникла в результате сознательного вмешательства высокоразвитых инопланетных цивилизаций, осуществивших направленный “посев жизни”? Такое допущение, как и гипотеза панспермии, не объясняет происхождения самих этих внеземных существ, а значит, не отвечает на вопрос о генезисе живого в принципе.

Только признание всего мироздания в качестве единого живого целого позволяет приблизиться к общему пониманию “механизма запуска” и развития любой локальной формы жизни, в том числе земной. Схематично это выглядит так: Абсолют → информация (торсионное поле, вселенский Разум) → энергия → вещество → живое вещество → живое существо.

Живой и разумный Мир миниатюрно воспроизводит жизнь повсюду: в космическом пространстве, в горах и морях, пустынях и арктических льдах, в воздухе и под землей. И, надо полагать, этот Разум и Дух Жизни использует в творении и приумножении живого не какой-то один способ или прием, но самые разнообразные, всевозможные приемы и способы. В генезисе жизни имеет место, вероятно, и отбор, и переход близких видов друг в друга; и постепенность, связанная с формированием подходящих условий; и вдохновенный “порыв”, ускоряющий необходимые изменения во внешней среде; и “чудесные”, быстрые появления новых видов, и их “неожиданные” трансформации и исчезновения. Ведь это - широчайшее творчество бесконечного Разума и вселенского, универсального Духа Жизни. Даже человек, например, поэт, поступает именно так: шлифует написанное; уничтожает то, что уже неактуально; творит медленно и долго или, напротив, быстро и сразу; сводит воедино различные произведения, изменяет старые, отбирает лучшие, работает в разных жанрах и т.д.¹

Эволюция есть творчество, так же, как и всякое творчество есть эволюция. В этом свете обнаруживается некорректность вопроса “творение или эволюция?”, который нередко поднимается в спорах ученых и богословов, атеистов и так называемых деистов - сторонников того взгляда, что Бог, однажды сотворив все необходимые “кирпичики” мироздания, удалился от дел и более творением не интересуется.

Эволюция (т.е. совершенствование!) невозможна без разума и творчества. Эволюция происходит отнюдь не по законам механики, понимать ли эту последнюю как слепую силу природы или же как следствие божественного первотолчка. “Механистическая” эволюция обратилась бы в хаос, а то и попросту скоро затухла бы, как затухает всякое инерционное движение.

Креация (творение) и эволюция - две стороны, два неразрывно связанных момента одного и того же процесса: внутренний и внешний, движущий и движимый. В этом вопросе следует присоединиться к П.Тейяр де Шардену с его идеей “внутреннего вешей” и А.Бергсону, говорившему о “творческой эволюции”. Противоборство же креационизма и эволюционизма надо признать бесперспективным и бессмысленным.

Развитие от Абсолюта к земной жизни - не просто единая линия, где каждый отрезок - информация, энергия, вещество, жизнь - занимает особое место и передает эстафету другому. Это еще и единый процесс, в котором каждая составляющая действует совместно со всеми другими. Непрерывная “линия Абсолюта” есть триединство Духа Жизни, разума и плоти.

Дом Бытия готов. Гармония, созданная Единым, прекрасна. Но во имя чего или кого она создана? Во имя россыпей звезд? Во имя бесстрастного разума, взвешивающего пользу и вред? Во имя животных инстинктов?

Нет, в этом грандиозном Здании Мира пока еще нет главного Жильца. А пока его нет, великая Гармония остается холодной.

Каким же образом во Вселенной появляется тот единственный, кто мог бы ее согреть? И откуда в нем берется эта способность согревать? И, наконец, действительно ли человек столь уникален?

Ч А С Т Ь   В Т О Р А Я

П Е Р Е О Т К Р Ы Т И Е Ч Е Л О В Е К А

Г Л А В А   1 .   Г о р и з о н т ы а н т р о п о г е н е з а

1 .   П р о и с х о ж д е н и е   р о д а Н о т о :   л а б и р и н т ы   д о к т р и н

Исключительность места и роли человека в мире природы, его резкое отличие от животных по множеству параметров привели к сотням гипотез происхождения человека. В обобщенном виде они представлены тремя основными: религиозной, космической и трудовой.

Религиозное представление о происхождении человека наиболее концентрированно изложено в первых главах Библии, где говорится о том, что человек был сотворен Богом как сгусток праха земного, в который Бог вдохнул душу.

В отличие от животных, созданных Богом “по роду их”, человеку было предназначено стать носителем не только ограниченных качеств некоей “породы”: человек был сотворен по образу и подобию самого Бога. Первые люди - Адам и Ева - были поселены Создателем в земном раю, причем, в качестве бессмертных существ. Однако люди нарушили запрет Бога - сорвали плод с древа познания добра и зла. За этот грех Бог наказал Адама и Еву изгнанием из рая. С этого момента люди превратились в существ смертных и, дабы не прерывалась жизнь человечества, вынужденных плодить себе подобных и добывать пищу в неизбывном труде.

Космическая, или “звездная” гипотеза происхождения человека сводится к двум вариантам . Согласно первому из них, человек есть продукт высокоразвитой внеземной цивилизации, биологический робот. Согласно второму, сам человек и есть инопланетное существо, представитель внеземного разума, переселившийся на Землю в результате катастрофы на своей родной планете или прибывший сюда в качестве “ссылного” и которому в будущем предстоит вновь перебраться на ту или другую планету.

Что касается строгой науки, то она в своих воззрениях на происхождение человека исходит, как правило, из так называемой трудовой теории. Она была сформулирована еще в XIX веке и существует по сей день, с соответствующими дополнениями и уточнениями, вносимыми в нее по мере открытий в антропологии, генетике и прочих областях науки.

Суть этой теории, коротко говоря, состоит в следующем. Человек не был сотворен - ни Богом, ни внеземной цивилизацией. Он есть потомок древнейших человекообразных обезьян и гоминид; он - продукт саморазвития природы. Причем, чтобы выделиться из нее, т.е. перестать быть животным, которое с природой слито, человек должен был поставить между собой и природой нечто третье. Таким “барьером”, разъединяющим человека и природу, и в то же время “мостом”, соединяющим их, стали орудия труда. Они изготавливаются из природного материала и, однако, суть нечто совершенно новое для природной среды, а именно - искусственные, сознательно изготавливаемые человеком средства воздействия на природу и изменения ее. Благодаря орудиям труда человек перестал быть непосредственно слитым с природой и превратился в ее “господина”, “царя”.

Таковы по своему содержанию три основных подхода к проблеме антропогенеза. Обратим внимание: все они резко отличаются друг от друга. С первой точки зрения человек возник по воле Бога, причем, сразу, как готовый. Космическая гипотеза доказывает иное: человек вовсе и не возникал, а просто переселялся с планеты на планету. Наконец, согласно трудовой теории антропогенеза, человек формировался постепенно, отвоевывая в течение многих тысяч лет свое особое, уникальное место среди других земных существ.

Объясняют ли рассмотренные точки зрения, взятые по отдельности, процесс происхождения человека полностью и окончательно? Нет: каждая содержит целый ряд серьезных недостатков, и потому ни одну из них нельзя принять безоговорочно.

Представление об антропогенезе в том виде, как оно изложено в Библии и Коране, ничего не говорит о деталях самого процесса сотворения человека, не показывает, так сказать, “механизма” порождения человека Богом (да и каким именно? - сказали бы мы теперь, зная о двух Творческих Началах). Наш разум, воспитанный на нормах и идеалах рациональности, не может удовлетвориться простой констатацией, и, следовательно, данное религиозное воззрение на происхождение человека можно принять только опираясь на веру в авторитет древних священных книг.

Правда, в других религиозных текстах и учениях имеются более подробные описания сотворения человека. Гностики, например, пытались детально показать, как множеством Верховных Сил были сотворены “душа костей”, “душа сухожилий”, “душа крови”, “душа нервов” и т.п. Но полученная таким образом “душа живая” есть не более чем “душевное тело”, *физический* человек. Поэтому, по меткому замечанию Е.П.Блаватской, Богу гностиков не удастся построить человеческую душу в твари, - хотя гностики, по ее мнению, здесь более философичны, чем мертвая буква Библии. Ведь Господу не было нужды в том, чтобы вдохнуть в прах земной душу живую: будучи “дыханием жизни”, она уже содержалась, согласно Библии, в земле и воде и, значит, нуждалась лишь в “покрытии” человеческой оболочкой.

Что касается космической теории антропогенеза, то она попросту уводит нас от проблемы, уводит в дурную бесконечность. Человек создан внесемной цивилизацией; эта внесемная цивилизация, по-видимому, создана другой внесемной цивилизацией и так без конца.

Подобный же упрек следует адресовать и той довольно экстравагантной разновидности космической гипотезы, которую можно условно назвать “резервуарно-кукольной”. Согласно этой точке зрения, некие таинственные мудрые Существа сначала создают бездыханные человеческие тела-куклы, и лишь впоследствии в эти неживые, но подготовленные для жизни, плоти вдыхается жизнь. Но ведь, опять-таки, те, кто создавал эти “макеты” людей, сами должны были откуда-то и как-то возникнуть. Откуда и как? Неизвестно. Более того, как и в случае с текстом Книги Бытия, эта гипотеза противоречит тому факту, что всякое живое, органическое, “одушевленное” тело существует только благодаря жизненной энергии, но никак не до нее, никак не до своего “одушевления”. Можно, конечно, до поры сохранять тело, приостановив в нем жизненные процессы, но это будет именно сохранением организма, а не его порождением.

Не ближе ли к истине трудовая теория антропогенеза? Ведь она связана со строго научным исследованием человека, и, значит, должна быть наиболее основательной.

Однако при ближайшем рассмотрении и эта теория антропогенеза оказывается весьма и весьма уязвимой. Отметим лишь некоторые из многих ее недостатков.

Конечно, трудовая теория опирается на реальные научные открытия и факты. Но, во-первых, сами по себе факты ничего не доказывают; а во-вторых, свойство фактов таково, что с каждым новым открытием они обнаруживают свою ограниченность. Так, например, в науке XIX столетия считалось, что человек возник приблизительно 500 тысяч лет назад. Но открытия антропологов XX века отодвинули эту дату на полмиллиона лет, а затем и на миллион. К концу столетия, на базе новейших данных, ученые еще и еще раз пересматривали сроки появления человека. Сегодня речь идет уже о двух-трех миллионах лет существования разумного существа на планете Земля. И как знать, быть может, скоро наука еще увеличит эти сроки.

Но это не все. Никакие факты не могут указать на самый первый момент нашей родословной, на ту грань, за которой обезьяноподобный предок человека стал собственно человеком.

Трудность выделения подобной грани в непрерывном ряду потомков, как отмечает, например, выдающийся антрополог XX века, первооткрыватель древнейшей австралопитековой формы

Дональд Джохансон, связана с тем, что в таком ряду никогда не бывает внезапных разрывов. Сын австралопитеков еще не мог быть человеком; и если собрать полную серию скелетов родителей и их детей, живших на протяжении нескольких миллионов лет, то, продолжает Джохансон, в процессе превращения бесспорно дочеловеческой формы в бесспорно человеческую мы вряд ли сможем хотя бы приблизительно указать: вот момент, когда произошел переход к человеку.

Но, с другой стороны, между человеком и австралопитеком, не говоря уж о древнейших человекообразных обезьянах, лежит поистине пропасть. У них так мало общего, что некоторые крупные ученые утверждают, что человек вовсе не произошел от человекообразных обезьян и австралопитековых форм; он - совершенно особая, самостоятельная ветвь в развитии живой природы. Так полагал, например, знаменитый английский антрополог Луис Лики - первооткрыватель презинджантропа, или "человека умелого" (*Homo habilis*).

Итак, научные факты как таковые не доказывают ничего, они сами нуждаются в той или иной интерпретации. Но ни одна из интерпретаций антропогенеза не может считаться удовлетворительной. Если у Д.Джохансона, Д.Пилбима, Т.Уайта и других ученых трудно отличить человека от предшествующих видов, то в трактовке Л.Лики происхождение человека, по сути дела, не объясняется никак, а следовательно, человек здесь вовсе лишен корней.

Между тем концепция естественно-природного происхождения человека как раз и требует четкого и ясного ответа на вопрос об истоках человеческого рода, а также о той движущей силе, которая выделила его из остальной природы.

В качестве главного "рычага", позволившего человеку выделиться из природы, наука рассматривает труд - предметно-практическую, орудийную деятельность. Для этого есть серьезные основания: труд как изготовление и применение орудий резко отличает человека от животных; по орудиям труда мы можем судить о прогрессе человеческого рода; и именно в труде, в практической деятельности реализуются и развиваются способности человека. Иначе говоря, наука полагает, что человек как существо разумное, т.е. обладающее сознанием, мышлением, разумом, возник и сформировался в результате овладения трудовыми навыками.

Так ли все это на самом деле? И если наука в этом вопросе права, то в какой мере?

Безусловно, человеческое мышление формируется в ходе предметно-практической деятельности, в ходе освоения внешнего материала. Но только *формируется*, т.е. шлифуется, подвергается "отделке", приобретает надлежащую "форму". Может ли, однако, мышление, сознание как человеческая способность *возникать* в результате предметно-практической деятельности, порождаться ею?

Это более чем сомнительно. Разве орудия труда предшествуют появлению человечества? Конечно же, нет: напротив, они суть следствия существования разумных существ. Ведь труд по самому своему понятию и есть целеполагающая, т.е. ставящая перед собой определенные цели, а значит, сознательная, деятельность. Но в таком случае трудовая теория антропогенеза не выдерживает критики в своем главном пункте ("человека создал труд"), обнаруживая свою парадоксальность и недостаточную основательность. Приняв эту теорию в качестве истинной, мы тотчас попадаем в заколдованный круг: человек порожден трудом, а труд порожден человеком.

Но несмотря на многочисленные недостатки, каждый из рассмотренных подходов к проблеме антропогенеза обладает и большими достоинствами.

Религиозное представление ведет человеческую родословную от самого Бога, а значит, оценивает звание человека необычайно высоко. Представители "звездной" гипотезы видят корни человека в самой Вселенной, в космическом Разуме, а значит, человек для них - отнюдь не случайность, не "болезнь материи", не жалкая пылинка в океане бытия. Наконец, трудовая теория антропогенеза доказывает, что человек есть дитя Природы, вернее, он есть сама Природа как мыслящая и творящая самое себя.

Внимательно присмотревшись к отмеченным достоинствам всех этих точек зрения, мы сделаем неожиданное открытие. Оказывается, что при всех своих резких отличиях друг от друга эти точки зрения все-таки совпадают. Вопрос о деталях антропогенеза остается в них непроявленным, но для каждой из них человек не просто еще одно существо среди бесчисленного множества других земных существ, а воплощение мира как целого.

Мир в его единстве, целостности и всеобщности (всеохватности) точнее и полнее всего

отражается в понятии “Универсум”. И если теперь мы привлечем этот термин к только что рассмотренным моделям антропогенеза, то станет очевидным: все они совпадают в том, что человек в них понимается как существо универсальное, т.е. именно как сам Универсум. Просто для одних мыслителей Мир есть Бог, а для других - Природа, физическая Вселенная.

Итак, назвать ли Мир Богом, Космосом или Природой, в любом случае обнаружится сходство всех вышеперечисленных моделей антропогенеза: человек есть порождение и воплощение не какой-то частности, или детали мироздания, а мира как целого; человек есть Универсум.

Если все эти точки зрения на проблему происхождения человека совпадают в главном, то, следовательно, они и дополняют друг друга. Разница между ними не означает непреодолимого барьера, ибо она состоит лишь в том, что каждая модель антропогенеза отражает какую-то одну из нескольких сторон проблемы. И тогда понятно: целостное решение вопроса о происхождении человека может быть в принципе достигнуто на путях соединения, синтеза, сочетания этих точек зрения, или, вернее, единообразного их объяснения.

Такое объяснение, естественно, не должно ограничиться обнаружением общего в различных концепциях антропогенеза; оно должно также указать место каждой из выявляемых этими концепциями сторон единого процесса возникновения и становления человека.

Поясним эту мысль следующей аналогией. Если обобщить в понятии “дом” его многочисленные составляющие - понятия фундамента, крыши, лестничных пролетов, стен и т.д., - то этого будет мало для понимания того, как этот дом строить. Значит, необходимо сделать еще один шаг, а именно - расположить все перечисленные понятия в виде иерархической системы, один элемент которой подчинен другому и выводится из него; а иначе мы начнем строить дом с крыши.

Подобным образом обстоит дело и с моделями антропогенеза. Мало, хотя и необходимо, понять, что человек - порождение Универсума. Предстоит еще разобраться в том, как соотносятся в процессе “построения” человека главные силы Универсума - Бог, законы материального Космоса, инопланетный разум и предметная деятельность самого человека, преобразующего земную природу.

В общей форме ответ на этот вопрос ясен. Надо полагать, что человек, будучи живым организмом, возник в соответствии с законами материальной Вселенной. Она, в свою очередь, порождена Творцом Мироздания; следовательно, человек, хотя бы в этом смысле, есть творение Божие. Не исключено и даже весьма возможно, что в процесс антропогенеза вмешивались и продолжают вмешиваться представители внеземных цивилизаций; но в творческом труде человек формирует себя сам.

Что ж, возможно, все это именно так, ибо антропогенез - слишком сложное, неоднородное явление, чтобы его можно было свести к чему-то одному: к “чуду”, или к рутине эволюционной постепенности, или к самодеятельному развитию. И все же рассмотрение всех концепций антропогенеза даже в их обобщении оставляет по себе неудовлетворенность: синтез не получается эвристическим. В воздухе повисают самые главные вопросы: **на каком этапе эволюции, благодаря чему и как именно человек становится человеком?**

Обычно философ, чтобы понять сущность какого-либо предмета, обращается к его происхождению. В нашем же случае этот метод с очевидностью непригоден. Давайте же попробуем применить иной метод: взглянем на проблему антропогенеза, проанализировав сперва саму сущность человека, с тем, чтобы затем вновь обратиться к проблеме антропогенеза. Быть может, поняв, что такое человек, мы сумеем понять, откуда, как и почему он появился.

2 . Ч е л о в е к в е г о с у щ е с т в е

По вопросу о том, что такое человек и какова его сущность, разброс мнений так широк, что можно без особого преувеличения сказать: сколько мыслителей и эпох, столько и представлений о человеческой сущности.

Человек - это двуногое существо без перьев; это машина; это - политическое животное и просто животное; это - ансамбль (совокупность, сгусток) общественных отношений; это - существо мыслящее, разумное, деятельное и т.п.

Таковы основные представления о человеке, причем, каждое из них - ограничено.

Определение человека как двуногого существа без перьев (Платон) - сугубо внешнее, оно сообщает лишь об облике человека, но не о его сути. Да и облик человека, разумеется, не так прост: недаром о платоновском "человеке" говорили, что он не более чем общипанный петух.

Приращение человека проистекает, как правило, из неумения объяснить его специфику, качественное отличие от всего, что существует в мире.

Именно такова, к примеру, механистическая трактовка человека, которая приравнивает его к машине. Между тем человек - живой, он - органическая система, тогда как машина - система механическая. Поскольку же эти две системы подчинены совершенно разным законам, постольку и определение человека как машины несостоятельно.

Есть, впрочем, и более рафинированная концепция человека-машины. Она воздает должное тому обстоятельству, что человек, в отличие от простого механизма, является мыслящим, разумным (*Homo sapiens*), а также деятельным (*Homo faber*). Однако способность мыслить и действовать, т.е. совершать интеллектуальные и предметно-практические операции, сама по себе еще не есть признак человека. Сегодня, в эпоху электронно-вычислительной и иной сложной техники и автоматизации, определения человека как мыслящего и действующего по существу опять-таки низводят его до уровня машины.

Еще более изощренной и к тому же довольно популярной в последние годы является трактовка человека как машины биологической, биоробота, созданного, как предполагается, высокоразумными инопланетными творцами. Но что значит "биоробот"? Робот, который, однако, построен по принципу органической системы? Или тело его - система живая, а разум - запрограммирован, как ЭВМ?

Хороши роботы-люди, у которых - миллиарды непохожих друг на друга программ! Хорош робот-индивид, у которого - тысячи возможностей выбора! Хороши роботы, воспроизводящие себе подобных, притом, не слишком похожих на своих отцов! Наконец, если этот "робот" чего-то не принимает внутренне, хотя оно весьма для него полезно, или, наоборот, внутренне принимает бесполезное и вредное для него, - то что же это за механизм, что за робот, не выполняющий заложенной в него программы?

Остроумный ответ на этот вопрос можно найти в одном из научно-фантастических произведений: человек - это механизм "слегка испорченный". Такое объяснение человеческой свободы действительно остроумно, - но не более того. Ибо совершенно ясно, что разлаженная машина способна делать только ошибки, но никак не шаги самосовершенствования и прогресса.

Биологизаторский подход к сущности человека - тоже форма редукционизма и тоже возникает из-за неумения по-настоящему увидеть человеческую специфику.

Если человека понимать как животное, пускай и высокоразвитое, то это не объясняет многих принципиальных отличий человека от животных: самосознания, категориального мышления, творческого воображения, речи, способности изготавливать орудия, создавать культуру - "вторую природу" и т.д. Более того, если человек есть всего лишь животное, то, следовательно, смыслом его жизни надо признать потребление природы и производство потомства. Не говоря о заниженности такого жизненного "идеала", отметим другое: подобное понимание человеком самого себя привело к экологическому кризису, к серьезнейшему нарушению природного баланса и к настоящей катастрофе в отношениях между человеком и окружающей средой. И это неудивительно, если человек уподобляется прожорливой саранче.

Сторонники биологизаторской точки зрения на человека в подтверждение своей правоты любят приводить всевозможные данные, свидетельствующие о сходстве человека с животными. Прямохождением человек похож на страуса; общественными отношениями - на пчел и муравьев, потреблением мяса - на тигра, вегетарианством - на слона, внешностью - на обезьяну... Отсюда делается вывод: человек есть такое же животное, как все они. При этом игнорируется неправомерность отождествления человека как одного-единственного вида со всеми другими видами сразу. А ведь если человек похож на всех животных, значит, он несводим ни к одному их виду; он, так сказать, "животное вообще", т.е., попросту говоря, не *животное*, а *живое существо*.

Имеется, наконец, и такая точка зрения на человека, которая называется "социологизаторской". Она толкует человека как существо политическое (Аристотель) или же

общественное, социальное (позднее конфуцианство, догматический марксизм).

На первый взгляд, эта теория как будто возвышает человека над миром животных. Однако при более внимательном взгляде на нее обнаруживается, что это не так, и, следовательно, социологизаторский подход к человеку тоже не может считаться удовлетворительным.

Во-первых, он вовсе не выводит человека за пределы животного царства, ведь и в нем имеются определенные социальные отношения. Примерами этому служат стада, стаи, симбиозы, колонии, организация деятельности и распределение функций в муравейнике или улье. Животное - часть природы, оно - частично и потому стремится к объединению с себе подобными в те или иные союзы. Иначе говоря, социальность - важная черта именно животного царства.

Во-вторых, и это главный недостаток социологизаторских теорий человеческой сущности, общество в этих теориях оказывается первичным по сравнению с человеком, который, следовательно, предстает винтиком, рабом или, как нередко говорят, "частью" общества. Но если каждый из нас - только винтик в социальном механизме, только восприимчив уже готовых норм, традиций, знаний и умений, то как возможно индивидуальное творчество, гениальные произведения и открытия, которые вырастают отнюдь не благодаря прежним шаблонам и подчас опережают эпоху, ломая традиционные представления общественного сознания?

Чтобы выйти из дилеммы "биологическое-социальное", человека довольно часто определяют как существо "биосоциальное". Безусловно, в человеке есть нечто и от животного (хотя бы потому, что он есть живое существо), и от социальной реальности (общение, речь и т.д.). И все-таки понимание сущности человека как биосоциальной следует считать ущербным. Ведь в этом случае человек предстает состоящим из двух "половинок", точно кентавр, а связь между ними не слишком ясна. Как ее следует понимать? Может быть, так, что человек рождается животным и его надо "социализировать"? Но тогда получается, что полноценное развитие человеческой личности всецело определяется обществом. А это, как мы видели на примере социологизаторских теорий, вновь заводит в тупик, ибо делает человека не более чем деталью социального механизма.

Ни одно из перечисленных определений, таким образом, не является достаточным и удовлетворительным, хотя каждое из них содержит в себе известную долю истины. Не надо быть мудрецом или философом, чтобы увидеть очевидное: человеку присуще все, что говорят о нем разнообразные теории, - мышление, деятельность, животное начало, социальность и еще многое другое. Не значит ли это, что человек настолько пластичен и многолик, широк и безграничен по своим возможностям, что он не укладывается ни в какие определения? Если это верно, то, следовательно, сущность человека надо понять именно как многоликую, многомерную и безграничную, - т.е. как *универсальную*.

Универсальность человека - это его способность к любым способностям, это возможность быть кем угодно и каким угодно. В отличие от животного, которое всегда ограничено тем или иным набором унаследованных функций, человек способен преодолевать всякие ограничения, всякие наличные рамки.

Универсальную сущность человека можно выразить в одной фразе: "Человек может все".

Это поистине так. Человек может познавать бесконечный мир и себя самого. Он может изменять внешний мир с помощью орудий труда (и не только с помощью орудий). И если, например, у орла зрение лучше, чем у обычного человека; если у льва - больше силы, а у гепарда - выше скорость бега, то человек, благодаря своим искусственно изготовляемым орудиям и своим психическим и духовным качествам, может видеть дальше и лучше орла, быть сильнее льва и двигаться быстрее гепарда. Кроме того, в отличие от животного, обитающего, как правило, в одной - единственной среде, человек может осваивать любые природные условия и среды и творить вторую природу - культуру, т.е. то, чего в природе не было. Наконец, человек способен сознательно изменять и формировать самого себя: свою душу, тело, характер и т.д.

Почему же, в силу какой причины человек универсален по своим способностям? Некоторые философы полагают, что ответа на этот вопрос не существует: человеческую универсальность надо принимать как данность. Однако считать так - значит уходить от ответа на вопрос об основании этой данности, значит прервать философское размышление на самом важном пункте и уподобиться обывателю или скептику, которые говорят: "Так есть - и нечего об этом думать", "Так есть - а почему есть именно так, мы узнать не в состоянии".

Между тем и логика, и научные факты, и опыт многих поколений людей дают достаточно четкий ответ на вопрос об истоках человеческой универсальности.

Положение человека как существа сознательного, мыслящего определяется тем, что в нем природа рефлектирует как целое, в нем ее бесконечность свернута в точку, благодаря чему его сознание оказывается способным переходить границы любых систем, ибо его Я развернуто на весь мир.

Это можно выразить и несколько иначе. Человек универсален функционально потому, что он универсален структурно: если человек *может* все, то, очевидно, лишь потому, что в нем *есть* это все. Действительно, в человеке воплощен весь мир, вся Вселенная; человек вобрал в себя все уровни организации Универсума и стал всеобщей рефлексией Природы. Значит, человек универсален потому, что он и есть Универсум. Недаром в Библии говорится о том, что человек создан по образу (т.е. внутренней структуре) и подобию (т.е. творческой функции) Бога.

В принципе о том же говорит и наука. Еще с девятнадцатого века она выделяет несколько основных и соподчиненных форм движения материи: психическую (сознание), биологическую (жизнь), химическую (превращения веществ и молекул), физическую (вещество и энергия) и механическую (перемещение в пространстве). Если расположить эти формы одну над другой, в соответствии с их возрастающей сложностью, то мы увидим не что иное, как ... человека: сознание - это его голова, механическая форма движения - ноги...

С какой бы стороны мы ни рассматривали человеческое существо - с внутренней или внешней, с психо-ментальной или материально-телесной, - он есть микрокосм (малый, миниатюрный космос), эквивалентный макрокосму (большому космосу). Человек потенциально и качественно равен миру как целому, он носит его в себе и стремится раскрыть, развить и усовершенствовать его; ну, а насколько ему удастся реализовать свои возможности, безграничные, как сама Вселенная, зависит в конечном счете от собственных усилий человека.

Итак, на вопрос, что такое человек, точнее всего было бы ответить: человек есть существо универсальное (универсально-природное, универсально-космическое). Человек - не просто еще одно существо среди множества других земных созданий, не просто частный фрагмент Вселенной. Он - воплощение всего мироздания как целого. "Тат твам аси", "ты есть То", - говорили древние, стремясь подчеркнуть тождественность природы человека и неизреченного Абсолюта.

На этом до сих пор и останавливались лучшие мыслители человечества.

И все же такое всеохватное определение человека оставляет по себе, как ни странно, ощущение неполноты, недоговоренности, неопределенности. Быть может, это оттого, что ведь и сам человек - неопределенен, т.е. не имеет "предела" своей сущности? Или оттого, что человек "может все" лишь потенциально, а реально очень многого не может? Да, но дело не только в этом.

Мы пока что дали определение понятия "человек", просто подведя его под более широкое понятие "универсальное существо". А это лишь первый шаг в постижении человеческой сущности. Теперь нам нужно отыскать, как учит логика, "видовое отличие", *differentia specifica*, т.е. тот специфический признак, который отличает "настоящего", "действительного" человека от человека "вообще". Проще говоря, мы должны понять, что же в человеке *главное*.

Универсальность как таковая способна не только возвышать человека над минералами, растениями, животными и машинами, но и превращать человека в минерал, растение, животное или машину. Если человек может все, то, к несчастью, очень часто он использует эту свою способность не во благо себе и другим, а во зло. Возможность быть кем угодно и преодолевать любые ограничения может уводить его с тропы совершенствования на тропу деградации. И тогда человек, который мог стать Богом, господином собственной судьбы или духовным подвижником, становится зверем, рабом или преступником. Универсальность человека как "трансцендирование" (переступание границ, перерастание себя, "переход от меньшего к большему", по выражению Виссариона) есть отсутствие заранее заданного предела в его развитии.

Но тут-то и возникает вопрос: если человек универсален, если он все время "превосходит", "перерастает" себя, "выходит за собственные границы", то что же позволяет ему сохранять себя в качестве человека? Иными словами, дело не в том, что человек может и что ему подвластно, а в том, что человеку *должно*.

Народное сознание, запечатленное в языке, дает на это однозначный ответ: человеку должно

быть *человечным*. Не ум (интеллект), не предметно-практические навыки (технические способности) - ибо они могут быть машинообразными, равнодушными и жестокими, - а именно человечность есть то, чем жив человек. Поэтому именно человечность, духовно-нравственное начало, т.е. душа, открытая любви и добрым делам, может считаться **наиболее точным определением человека, его подлинной сущностью**.

Человечность (нравственность, духовность) есть то, что возвышает человека над бездушными механизмами и над животными. В то же время нравственное отношение не отгораживает человека от природы, оно не есть высокомерный эгоцентризм.

Человечность - это такое определение, которое включает в себя и общественность человека, - но не как безличную и тотальную социальность, а как общение и обмен индивидуально-личностными творческими качествами.

Нравственной сути должна подчиняться, наконец, и сама человеческая универсальность. Невероятные, безграничные способности, дарованные человеку, ослепляют его так, что он начинает верить в собственную непогрешимость, впадая в откровенное самолюбование и начиная преследовать своекорыстный интерес. А между тем универсальность дана человеку не как самоцель, а как средство для того, чтобы своими умениями и достижениями он бесконечно делился с людьми. Всего себя, все свои творческие устремления и возможности человек должен адресовать другому человеку. “Ибо если вы не научитесь общаться друг с другом, то кому будут нужны деяния ваших рук?” (Повествование 6.32:21).

З . Г е н е з и с Б о г а , и л и В т о р о е Н а ч а л о ч е л о в е к а

Если душа есть в человеке главное, то совершенно иной оказывается и картина происхождения человека, а вся система детерминации и координат в понимании антропогенеза (включая в него и человеческую будущность) переворачивается.

Антропологи оказались к сегодняшнему дню перед серьезной дилеммой. С одной стороны, факты науки показывают, что человек формировался чрезвычайно долго; с другой - факты той же науки говорят о том, что человек возник, по выражению одного из ученых, “как-то уж очень быстро”.

Эволюция антропоидов шла миллионы лет. Медленно и постепенно менялась их плоть, развивался мозг, повышался уровень мышления, возрастало качество орудий труда. Однако где здесь - подлинное начало человека? Ведь процесс этот происходил с такой “степенной” постепенностью, что в нем невозможно уловить переход от антропоида к человеку. Многие мыслители полагают, что он связан не столько с внешними переменами в облике и деятельности антропоида, сколько с переменной внутренней - появлением самосознания, резкой, внезапной “вспышкой рефлексии”.

С этим можно было бы согласиться, если бы такой подход давал ясный ответ на вопросы, когда и почему произошел этот переворот и каковы все-таки его внешние показатели. Ни гоминид, ни антропоид, ни тем более обезьяна, хотя бы она миллиард раз ударит камнем о камень, не сумеет высечь в себе искру Божию, а значит, не станет человеком.

Но весь парадокс в том, что переход от дочеловеческой формы к человеческой тем не менее как-то произошел!

Действительно, человек современного типа (кроманьонец) - качественно иное существо, нежели антропоиды и гоминиды. Причем, возник он поистине неожиданно. Примерно 40-50 тысяч лет назад вдруг возникает религия, появляются изумительные по своему совершенству произведения искусства, приручаются, становясь домашними, животные...

Значит, не в неразличимой дали эволюции, не в доистории, а именно здесь надо усматривать истинный исток человека? Да, конечно же. И дело даже не в том, что кроманьонец похож на нас внешне, а в том, что в нем со всей очевидностью выразила себя человеческая суть.

Разумная плоть существовала и развивалась уже у антропоидов. Рассудочные операции животных вырастают (например, у *Homo habilis*) в разумную деятельность, о чем свидетельствуют

хотя бы орудия труда, изготовлявшиеся предчеловеком. Но у кроманьонца мы видим не только деятельность по логике внешней целесообразности, но и развитие над-утилитарных способностей. Это означает, что разумное существо стало человеком, а природный психизм дополнился духовностью.

Попросту говоря, в человеке появилось то главное, что делает его человеком, - душа. Ее не следует путать с психикой. Лишь в нестрогом словоупотреблении дозволительно говорить об одушевленности животных, имея в виду их психические функции. Но человек не просто одушевленная, но одухотворенная природа. В животном мире духовное начало отсутствует; вот почему животное, чувствуя человеческое душевное тепло (а не только психическую энергию), духовную высоту, покоряется человеку и начинает ему служить.

Душа возвышает человека над природными инстинктами, привязанными к плоти и ее психическим отправлениям. Как таковой, психизм состоит в реагировании стоном и криком на боль, ударом - на удар, обидой - на обиду, ненавистью - на ненависть. О том же твердит человеку его сознание, и даже если оно склоняется к мысли о необходимости "быть выше обстоятельств", оно не в силах само справиться с раздирающими человека аффектами. Лишь обладая духовным стержнем, душевной силой, человек в состоянии ответить улыбкой - на боль, незлобивым словом - на удар, спокойствием - на обиду, любовью - на ненависть.

Ибо отныне, с обретением души, в человеке господствует вера в Высшее, полное доверие ему, т.е. уверенность в том, что это Высшее не оставит его в беде, а, напротив, поможет жить достойно и счастливо. Это облагораживающее Высшее Начало и побудило человека к религиозности - благоговейному отношению к миру, пробудило в нем чувство прекрасного и подвигло к созданию произведений искусства.

Итак, формируясь миллионы лет как разумное существо, человек стал Человеком внезапно, когда ощутил в себе "душу живую".

Вот где кроется решение проблемы антропогенеза. Человек, так сказать, рождается дважды: первый раз - как разумная плоть, а второй раз - как человек, духовно¹.

В этом свете не фантазией, не сказочным зачином, а убедительным фактом становятся строки Виссариона о том, как шли по жизни юные разумные существа и как однажды они вступили на путь, по которому не ходил никто во Вселенной.

Этот фрагмент Последнего Завета и сам проливает свет на проблему антропогенеза. Необъяснимый для антропологов феномен происхождения человека становится ясным. Причиной превращения антропоида в человека явились не оледенение и не потепление, не радиация, не генетические мутации, не солнечная активность и не предметная деятельность. Все это - факторы материальные, а между тем проблема как раз и состоит в том, каким образом материальное вдруг "превратилось" в человеке в духовное и было дополнено им.

Подобно тому, как черно-белый набросок под рукой живописца обретает красочные тона, плоть и разум человекообразного существа были расцвечены богатыми красками духовности. Это могло случиться отнюдь не само собой, отнюдь не в результате предшествующей эволюции жизни на нашей планете. Если природное в антропоиде дополнилось духовным, значит, это духовное не зависело от сформировавшегося антропоида-предчеловека и было надприродным началом.

Следовательно, единственно возможным объяснением "второго рождения" человека должно быть признание того, что в тогдашнюю эпоху близ Земли возникло *объективно-духовное условие* преобразования разумного существа в Человека. В бытии, в мире Вселенной, проявилось Надбытие (используя термин М.М.Бахтина), а с ним и человек обрел свое Второе Начало - начало подлинное.

Этим источником человечности, как убеждает критический анализ различных концепций антропогенеза и точек зрения на сущность человека, не могла быть ни природа сама по себе, ни инопланетный разум. "Второе рождение" человека могло быть связано только со "вторым рождением" Бога. Иными словами, источником благодатного духа в человеке, создавшим его душу, мог быть только Высший Источник - Источник Духа Святого, Творец души человеческой.

Но почему мы так уверены, что человеческая духовная суть есть порождение особого Источника? Да потому, что Абсолют как таковой свою задачу выполнил: насыщенная информацией, энергией, веществом, Вселенная стала населена множеством живых и разумных (самосознающих) особей и индивидов. Появление и вмешательство духовного не вписывается в "линию Абсолюта",

ибо не вытекает из логики необходимости. Следовательно, для объяснения источника духовности надо допустить, что в мироздании в качестве такого источника возникло нечто принципиально новое.

Каким же образом это могло произойти? Как родился Тот, Кто стал для людей Отцом их Небесным и Имя Которому - Любовь?

Мы уже видели, что Бог отличен от Единого как Абсолюта, и от Природы как материи. Он не есть ни Абсолютное Ничто, ни Плоть (физическая природа). Следовательно, он, по понятию своему, - как бы “между” тем и другим, т.е. тончайшее, нежнейшее качество из всех качеств, существующих в мире. Будучи, условно говоря, чем-то “средним” между Единым и Природой, Бог должен и возникать из взаимодействия, взаимообогащения и синтеза энергий Единого и Природы¹.

Поскольку, далее, феномен духовности известен только у земного человечества (существование и сущность представителей инопланетных цивилизаций - вопрос особый), постольку логично предположить, что Второе Начало в Мироздании, Творец человеческой души рождается из соединения энергии Единого и индивидуально-неповторимых вибрационных качеств Земли, а не Природы вообще. “Появление Лучезарной Сущности Его произошло при слиянии Духа Жизни и уникального тока от Сердца Земли-Матушки” (Предвозвещение 67).

Каким обедненным и расплывчатым предстает в этом свете традиционное понимание Троицы - Бог-Отец, Бог-Сын и Дух Святой! Теперь мы видим иные, куда более четкие и богатые соотношения. Творец Мироздания и планета Земля как живая система рождает разумных существ, а затем - Бога, Сына своего Единородного, который, в свою очередь, превращает разумных существ в людей, рождая тем самым человечество. И значит, одна Троица - Единый, Земля, Бог-Сын - переходит в другую: Земля, Бог, человек. Земля для человечества - Мать, а Второе Творческое Начало, Бог-Сын есть для людей Отец их Небесный¹.

Как цветы, питаемые водой, растут из земли и на земле, так Отец Небесный появляется благодаря Единому и Земле и пребывает подле нее. Пребывает незримо для обитателей Вселенной, ибо тонок для фиксации даже самыми тонкими аппаратами. А они есть, и ими можно фотографировать мысль, но духовное недоступно ни для этих приборов, ни для тончайших восприятий, свойственных, например, ясновидцу и телепату.

Будучи особым, высоким и тонким Началом, несводимым к Абсолюту как разуму материи и материи разума, божественная сущность, следовательно, не материальна и не абсолютно-безразлична к каким бы то ни было определениям. Она - духовна. При этом, существуя не до мироздания, а именно в нем и для него, Бог невидим для материальной Вселенной. Чтобы в ней проявиться, Бог как реальность нуждается в со-творцах, имеющих плоть, - т.е. структуру, позволяющую духовному началу развиваться, шириться и распространяться.

Вот почему между Богом и людьми устанавливается связь. И эта связь не может быть ничем иным, кроме Любви. Ибо какой еще может быть связь настоящего Отца со своими детьми - малыми чадами, будущими надежными помощниками и продолжателями его дела? И значит, Бог есть Любовь и источник Любви. И значит, духовность в своем существе и есть Любовь - благодарное излияние изнутри вовне благодатного чувства доверия и поддержки.

Любовь как духовная связь между Богом и человеком осуществляется, очевидно, по “нитям-каналам” тончайшей энергии, поскольку духовность не есть ни слово, ни вещь, ни генетический информационный код, ни плотский (витальный) психизм энтелехии. В таком случае, эти “нити” являют собой излучение иного Духа, нежели материальная жизненная сила: этот Дух не рождает плоти и законов ее движения - он “рождает свыше”. Так сущность отца не только в том, чтобы дать жизнь ребенку, но и в том, чтобы воспитать его.

И перед нами в своей живой конкретности раскрывается вековая тайна - тайна Духа Святого. И мы начинаем постигать истоки духовности как космического процесса.

Становится ясно, что нити-лучи благодатного Духа, образуя неповторимо-индивидуальные узоры-узелки духовной ткани, пронизывают плоть каждого родившегося человека и остаются в ней. Так возникает то удивительное нечто - загадочное, а нередко и отвергаемое, которое называют душой.

Вместе с этим становится понятным и соотношение души и Духа - соотношение, приобретшее самые фантастические интерпретации в истории мысли. Дух Святой - это, по выражению Виссариона, “провод”, а душа - “объект”, с которым этот “провод” соединен.

В процессе антропогенеза это подключение Духа Святого было подлинным рождением Человека, ибо вместе с ощущением “благонамеренности к нему Вселенной” (Д.И.Блохинцев) в человеке обнаружилось нечто такое, чего никогда не было в мироздании. В человеке вспыхнула искра Божия, появилась душа, а с нею - по-детски полное доверие миру, т.е. истинная вера в Тайну, тождественная высшей форме благоговейной Любви; и свобода как над-утилитарная творческая способность.

Иными словами, человек получил от Отца Небесного новые, неведомые прежде свойства. Человек стал венцом творения, - но лишь потому, что ему довелось жить и развиваться под Венцом Отца своего Небесного.

4 . У н и к а л ь н о е я в л е н и е в о В с е л е н н о й

Первозданная душа - качество удивительное. Если плоть постоянно вызывает к компенсации за ущерб, за утрату энергии или вещества; если природа всегда подразумевает необходимость восполнения израсходованного, то душа жива доверием, любовью и творчеством. Иными словами, в самой сущности души заложено стремление бесконечно и безвозмездно *отдавать*. Чуть только человек потребует или мысленно пожелает чего-то взамен за свое доверие, любовь, творчество, как душа его тотчас скудеет, вытесняясь эгоистичным рассудком или животным инстинктом.

Следовательно, с появлением Второго Творческого Начала и, соответственно, человеческой души в мироздании возникает новый закон, не присущий природе самой по себе, - духовный закон Любви.

До этого момента развитие шло по закону Творца Мироздания - закону природной Гармонии, или Кармы, Справедливости, Воздаяния. Гармония, конечно, прекрасна, однако сурова, ибо строится по принципу бумеранга: что посеешь, то пожнешь. В основе бытия Вселенной лежит, таким образом, отношение, известное под именем закона единства противоположностей. “Тезис” всегда сопряжен с “антитезисом”, и лишь из их взаимодействия складывается гармония целого. По той же логике движется и разум, поскольку его назначение - вскрывать характеристики объективной реальности, природы.

Таков закон Творца Мироздания, “его ж никто не преступает”. Но Сын Единородный, Творец человеческой души, не преступая закона Абсолюта, обладает сверх этого еще и способностью творить не на основе холодного Разума и материального закона Кармы, Воздаяния, а на основе духовного закона Любви, суть которого - Отдача, Даяние, Дарение¹. Это закон трепетного отношения ко всему сущему, стремления все осветить, согреть, защитить, сделать прекрасным, независимо от того, что несет в ответ окружающее и будет ли за благо воздано благом.

Отсюда ясно, что, в отличие от мира природы и разума, подлинно человеческое начало, духовность не привязана к закону единства противоположностей. В противном случае пришлось бы согласиться с теми, кто говорит: раз существует добро, его непременно надо уравновешивать злом. Рассуждающие подобным образом были бы правы, если бы основание человеческого бытия состояло исключительно в законах природы и диалектического разума. Однако “борьба добра и зла” постоянно воспроизводит зло, т.е. сама становится источником зла¹.

Закон Любви оборачивает диалектику совсем иной стороной. “Врагом хорошего”, как гласит известная поговорка, является *лучшее*. Закон Любви призывает человека видеть не “дурное” или “злое”, а лишь “недостаточно хорошее”, а значит, - не “бороться” против него, а, распространяя тепло души, стараться всеми силами сделать возможно лучшее. Диалектика борьбы должна в царстве истинно человеческого отношения к миру и людям уступить место диалектике творческого беспокойства и творческого роста. Непозволительно подменять закон души “диалектикой природы”, ибо для Человека характерен закон созидания и постоянного неудовлетворения созданным.

Таким образом, если плоть человеческая развивается на основе законов материальной Вселенной Единого Абсолюта, то душа - на основе нового закона: закона духовной Вселенной Бога-Сына, который для людей выступает как Отец их Небесный. А его духовная сущность призвана постепенно, через людей, заполнить всю Вселенную и принести ей новую Гармонию - союз Разума и

Любви.

Все это говорит о том, что человек занимает совершенно особое место в мироздании и сам он - существо уникальное. Причем, уникальность следует понимать не как синоним некоей случайности или временного исключения из правил, а как обозначение неповторимой специфики, непохожести не только среди неподобных, но и среди подобных себе живых и разумных, в том числе инопланетных, существ. А возможные домыслы о том, что где-то могут существовать планеты с обитателями, во всем похожими на людей, и другой Отец Небесный, тотчас обесмысливают человеческую духовную суть, так как обесценивают и делают необязательным выполнение космического предначертания человека.

Читатель здесь может опять возразить: “Почему я должен верить, что все изложенное о сущности человека и его уникальном месте в мироздании - не придумка Виссариона? Разве нельзя допустить, что хотя бы в этом пункте он ошибается?” Скептик, конечно, не в силах понять, что Истина ошибаться не может. Ошибаться можем мы. Поэтому попробуем проверить свои утверждения об уникальной сути человека, хотя бы в той мере, насколько это доступно для нас, обыкновенных людей.

Напомним прежде всего то обстоятельство, что человек уникален в сравнении с иными живыми существами на планете Земля. Предыдущие два подраздела нашей книги, смеем надеяться, показали это с достаточной полнотой.

Действительно, если животное, появляясь на свет, уже есть животное, то новорожденный младенец еще не есть человек в своей действительности. Суть его проявится позже, причем, главным образом при условии его самостоятельной работы по проявлению собственной сущности. То, что дано человеку генетически, есть пока еще основа не человеческая, а природная, и, следовательно, суть человека - не природна.

Возможное возражение, что “не-природное” может означать не обязательно “духовное”, а, например, “социальное”, должно быть отклонено на том основании, что социальность, как было показано выше, не выводит человека за пределы животного царства. Если же говорить не о безлично-тотальной коллективности людского муравейника, а о личностном типе общности, то эта подлинно человеческая форма общежития как раз и есть следствие человеческой духовной сути. *Differentia specifica* человека проявляется не просто в том, что он социален, а в *особом качестве* его общественной жизни - в том, что человек вступает в общение с другими, возвышаясь над природными инстинктами и формальными обязательствами, на основе уважения, доверия и любви к людям.

Но все это - соображения довольно тривиальные, ибо уникальность человека среди прочих земных созданий, в сущности, очевидна и в общем ясна. Читателя, вероятно, интересует другой вопрос: уникален ли человек во Вселенной, по сравнению с разумными обитателями иных планет, и существуют ли вообще эти разумные обитатели космоса?

Что ж, если в случае положительного ответа читатель примет утверждение Учителя о “подвижном разуме Вселенной”, как он называет инопланетян, мы готовы привести в пользу этого ряд аргументов. Конечно, жаль, что, несмотря на жертву Джордано Бруно, сожженного на костре именно за его убеждение в множественности обитаемых миров, человечество так и не сумело избавиться от горделиво-безрадостной идеи своего одиночества во Вселенной. Но что поделать! Надо еще и еще раз попробовать убедить людей в обратном: в том, что у них все-таки есть “братья по разуму”.

Об этом свидетельствуют четыре основных аргумента.

Аргумент первый - концептуальный. Мир, как мы имели возможность убедиться, есть единое живое и разумное целое, каждая часть - орган которого также оказывается живой и разумной. Уже с этой точки зрения ясно, что Космос является “населенным”, в нем обитают бесчисленные формы жизни - от Богов до элементаров и металлов. Но коль скоро это так, то, приняв во внимание наличие во Вселенной множества планет - “месторазвитий” жизни, надо признать и вполне реальную возможность того, что они могут быть обиталищами разумных существ.

Аргумент второй - аргумент от очевидцев. На протяжении всей человеческой истории, а в последние годы особенно, люди часто сталкивались с неопознанными летающими объектами (НЛО) либо непосредственно с существами, которых возможно было идентифицировать не как людей, а

единственно как пришельцев из космоса. По закону вероятности нельзя отрицать всех этих свидетельств разом, ибо их - легион, и какая-то часть из них должна быть истинной, тем более если сведения сообщаются независимыми друг от друга наблюдателями. И самое главное, что очевидцами пришествий из космоса нередко становились не простодушные обыватели, а профессионалы - специалисты в области астронавтики, военной и авиационной техники, аэродинамики, антропологии, т.е. люди, способные давать взвешенную и объективную информацию об увиденном.

Третий аргумент в пользу существования внеземного подвижного разума связан с вещественными доказательствами в виде фото- и кинодокументов (например, со знаменитой рассекреченной пленкой, запечатлевшей хирургическую операцию по вскрытию трупа гуманоида) или материальных следов присутствия инопланетных существ и их аппаратов (следы на Корб-озере, находка на реке Вашка и т.п.).

Важно при этом отметить следующее. Первый из приведенных нами аргументов свидетельствует о том, что обитаемых миров - великое множество. А аргументы второй и третий заставляют признать, что представители внеземных цивилизаций намного старше земного человечества и неизмеримо более развиты в отношении способностей разума (Виссарион указывает, что их разум мощнее человеческого в тысячи раз). Действительно, если они овладели космическим пространством, неведомыми нам энергиями, технологиями, скоростями, траекториями полетов и т.д., то это означает, что в плане познания и освоения природы они ушли от нас далеко вперед, а это предполагает весьма солидный, по сравнению с нашим, возраст их цивилизации. Так что, кстати, выражение "венец творения" применительно к человеку может означать еще и то, что из всех разумных созданий он - последнее по времени, младший брат.

Наиболее любопытен аргумент четвертый - аргумент от самих внеземных цивилизаций. Дело в том, что "подвижный разум Вселенной" нередко сам заявлял о себе, приоткрывая свою суть и многие тайны мироздания. Мы имеем в виду прежде всего широко известные объемистые книги - например, "Тайную Доктрину", "Письма Махатм", "Агни Йогу". По признанию Е.П.Блаватской, А.Синнета, четы Рерихов, эти книги были переданы им или продиктованы телепатическим путем так называемыми Махатмами, или "обитателями Шамбалы", которые не скрывают своей внеземной природы. Собственно говоря, то, что они - не люди, подтверждается самим текстом указанных книг, теми знаниями и сведениями, которые в них изложены.

Нельзя, наконец, сбрасывать со счетов и свидетельства контактеров, т.е. людей, допущенных к контакту либо взятых на контакт внеземным разумом и у которых тем самым резко изменились знания, умения, поведение и строй мысли (как это случилось, например, с Нострадамусом или Вангой).

Если эти доводы все-таки не смогли пересилить недоверие читателя, нам остается апеллировать к его внутреннему чувству. Когда мы глядим в ночное небо, усеянное мириадами звезд, разве оно не говорит нам, с одной стороны, о невозможной бессмыслице бесконечной Вселенной, если все эти сверкающие миры созданы для одного только человека; и, с другой стороны, - о невыносимой случайности и ненужности человечества, если оно - одинокая песчинка, заброшенная в безбрежную вечность?

Для нас, пишущих эти строки, существование внеземных разумных существ всегда представлялось вполне реальным. Поэтому в вопросе о подвижном разуме Вселенной весть Виссариона ценна для нас не столько тем, что она подтверждает наши собственные давние догадки, сколько конкретным и точным указанием на сущность и специфику этих высокоразвитых существ.

Виссарион вскрывает причину того непонятного уфологам факта, что в последние времена значительно участились посещения Земли неопознанными летающими объектами и различного рода контактами пришельцев с людьми. А причина в том, что человечество угрожающе выбивается из всеобщей вселенской Гармонии. Антропогенные воздействия на биосферу планеты достигли того уровня, когда они становятся помехой для дальнейшего существования Земли и Космоса и грозят гибелью самому человечеству.

Представители инопланетных цивилизаций в этих условиях разделились на две группы. Одна из них для восстановления Гармонии пытается уничтожить человечество как дисгармонизирующий фактор, причем, сделать это "мягко", без открытого физического вмешательства, которое нежелательно по законам Гармонии, ибо само оказывается дисгармоничным. Поэтому

представители этой группы подвижного разума Вселенной действуют иначе: они вмешиваются в сознание людей, во все более массовом масштабе превращая их в зомби и послушных контактеров.

Другая группа инопланетных пришельцев пытается восстановить земно-космическую Гармонию не разрушая разум человека, но взывая к нему. Однако это остается гласом вопиющего в пустыне, ибо спасение человека - не в развитии разума, не во все большем и большем осознании, а во все большей и большей Любви. Сущность человека - душа, а это обстоятельство либо неведомо обитателям других планет, либо ничего не дает им в плане возможностей практической помощи людям. Во Вселенной все идет по пути развития разума и не знают духовного начала.

Таким образом, человек, согласно Виссариону, уникален не только с точки зрения земной жизни, но также и в том случае, если смотреть на него глазами вземных разумных существ. Человек с его алогичными поступками для них непонятен. Будучи мыслящим, он тем не менее действует настолько непоследовательно, что воистину кажется испорченным биороботом или природной аномалией.

Конечно, представителям вземных цивилизаций должно было быть очевидно, что человечество ведет не Творец Мироздания, а кто-то другой. А с тех пор, как Виссарион возвестил о Втором Творческом Начале, вземной разум знает истину о человеке доподлинно. И однако это все равно ничего не дает жителям Вселенной для спасения людей: у них нет ключа к дверце души человеческой, нет инструмента, который проник бы к основе и нитям духовной ткани. Душе может помочь только родственная и любящая душа, а не полезные советы разума.

Так ставится точка в бесплодных спорах о вземных цивилизациях. В XX веке на полном серьезе шло обсуждение вопроса о том, похожи ли инопланетяне на людей. Но ни ученым, ни писателям-фантастам не приходило в голову вести разговор о *внутренних* различиях или чертах сходства. Дискутировалось только *внешнее* различие и сходство: сколько у инопланетян может быть рук, ног, глаз, есть ли голова, не похожи ли они на осьминогов или на мыслящий океан. А ведь главное-то - не в этом! Уникальность человека не есть его внешняя непохожесть на других. Его уникальность состоит в его духовной сущности.

Реченное Виссарионом подтверждается как теоретически, так и фактически.

Вдумаемся: если, как мы попытались доказать, вземные высокоразвитые создания существуют, мы можем судить о них лишь по их проявлениям. Что же мы видим? Эти создания явно стараются избегать прямого контакта с нами лицом к лицу. Это значит, что при всем развитии их разума они лишены к нам любви и душевного влечения. А учитывая, что они намного развитее нас, и, следовательно, им нечего нас бояться, это означает отсутствие у них духовного начала. У этих существ доминирует интеллект и соображения внешней целесообразности. Недаром многие контактеры, говоря об этих посланцах звезд, отмечают, что сфера их сознания - мощная, но они не знают ни любви, ни ненависти.

Если пришельцы из Космоса пытаются нам помочь и в то же время не спешат себя открывать в качестве таких пришельцев прямо и непосредственно, - то это все равно что воспитатель, учитель только резонерствовал бы, рассуждая о добре и любви, точно по радио (“беспроволочному телеграфу”) или со страниц учебника, но так никогда и не показал бы себя своим воспитуемым.

Правда, иногда пришельцы являют себя отдельным избранным. Более того, порой они незаметно для людей смягчают ту или иную опасную конфликтную ситуацию на планете, облегчают боль, исцеляют; порой, облекшись человеческой плотью, берут на себя роль богов. Но людям, объективно говоря, необходимо не это. Людей надо научить *самостоятельным шагам в творчестве добра и любви*, а не поклонению “чудесам” или усвоению технологий гармонизации материальных процессов и отношений.

Следовательно, посланцы вземных миров, даже при огромном их желании вывести людей из глобально-катастрофической ситуации, возникшей на Земле, не могут, не умеют помочь людям по-настоящему. Они могут издали звать человека, используя терминологию, связанную с человеческим духовным миром. Однако добро и любовь остаются при этом, увы, лишь мудрыми словами и красивыми пожеланиями. Да и сквозь эти пожелания то и дело прорывается чуждая человеческой сути нотка.

Так, Агни Йога учит: выражение “отдать душу за ближнего” вовсе не означает “отдать жизнь”. Но, собственно, почему? - спросим мы. Потому, отвечает Агни Йога, что отдать жизнь-де

“нецелесообразно”. Что ж, значит, человек выше природной целесообразности, и слова Учения Живой Этики бьют мимо цели.

А возьмите тот фрагмент Агни Йоги, где речь идет о том, что мир спасет не красота, но “сознание красоты”. Для человека эта оговорка ничего не меняет. Не видеть красоту, конечно, нехорошо; но ведь и “сознавать” красоту еще не значит проникаться ею, вдохновляясь на добрые дела. Сознание красоты есть не более чем бесстрастная фиксация гармонии, симметрии, порядка. Такая красота безблагодатна, как красота Гималаев на многих картинах Н.К.Рериха, - лишенный доброго человеческого участия и присутствия фиолетовый холод.

В человеке главное - душа. И потому нельзя отождествлять Человека с Разумным Существом, как это пытаются делать космические наблюдатели, хотя и видят недостаточную основательность такого отождествления. Но теперь, в свете Слова Виссариона, являющего Последний Завет Отца Небесного, пора понять и людям - и понять лучше, чем представителям внеземных цивилизаций, что человек отнюдь не таков, каким он казался прежде.

В архитектонике человека различали три основных уровня: тело, душу и разум. При этом разум считался высшим, а под “душой” (если ее не сводили к сознанию) имели в виду природный психизм. Его возвышенной квинтэссенцией полагали психоэнергетический центр, или вибрационный узел, называемый “Сердце”, “Чаша”, анахата-чакра. **Но в действительности соотношение уровней организации человека совершенно иное.** Над плотью надстроен разум, а *над разумом* - душа, которая несводима к психизму, к жизненной энергии, к вибрациям или узлам космических сил.

И поскольку душа есть в человеке высшее и главное, постольку подлинное развитие человека и его расцвет возможны только на пути раскрытия способностей души.

Г Л А В А I I . Н а з н а ч е н и е ч е л о в е к а

1 . П р о б л е м а П у т и

Теперь, когда, благодаря Последнему Завету, мы наконец уяснили сущность человека и уникальность его места в мироздании, для нас становится ясным и человеческое предназначение. Смысл бытия человека на Земле и во Вселенной - в развитии и распространении духовного начала. Этому мы посвятим еще многие страницы нашей книги, и хочется верить, что читатель вместе с нами увидит истинный Путь как на ладони.

Однако все познается в сравнении. И чтобы удостовериться в истинности открывающегося Пути, надо удостовериться в неистинности всех иных путей, которые прокладывало человечество, не ведая ни о своей подлинной сути, ни о своей уникальной космической роли.

Неистинность всех путей, испробованных человечеством, подтверждается уже тем, что они так и не сумели закрыть “вечный” вопрос - зачем человек живет на свете. Если бы хоть один из путей развития человека был истинным, этот вопрос был бы попросту снят с повестки дня. Но он возникает снова и снова, разоблачая ложность придуманных человеком смысложизненных ориентиров и выбранных им дорог.

Собственно говоря, человечество видело до сих пор лишь две дороги, два пути своего развития, два способа своего бытия в мире. Ибо сам мир представлялся состоящим из двух “этажей”, двух миров. Первый - это материя, природа, мир посюсторонний, земной. Второй - это Разум, Сознание, мир потусторонний (трансцендентный), небесный. Поэтому одни мировоззрения утверждали существование и необходимость здешнего, материального бытия как единственного и отрицали бытие трансцендентное, “небесное”; а другие, напротив, - утверждали существование и необходимость мира трансцендентного и отрицали здешнее, земное бытие.

Рассмотрим эти альтернативные типы мировоззрения по порядку и подробно, чтобы выяснить, к каким следствиям они приводят.

Если нет мира высшего, сверхфизического, божественного, то человеку, следовательно, надо жить во имя мира здешнего, земного, на горизонтали материального бытия. Задача человека в этом случае - расширять господство над природой. С этой целью ему необходимо развивать свои познавательные способности, науку, технику, производство, совершенствовать отношения распределения и обмена и устанавливать приемлемые формы человеческого общежития. В конечном счете эта цель подразумевает создание комфортабельных, удобных условий - удобных для наиболее полного и всеобщего потребления жизненных благ.

Именно таким путем движется современная цивилизация, и, значит, бесперспективность подобного идеала очевидна не для всех. Между тем этот материалистический тип мироотношения и способ бытия не выдерживает критики по многим причинам.

Во-первых, этот смысложизненный идеал подменяет цель человеческой жизни ее условиями, тем самым постоянно оставляя неудовлетворенным знаменитый вопрос Льва Толстого “что дальше?”. Предположим, человечество когда-нибудь наконец сумеет в полной мере пользоваться всеми материальными благами и удобствами цивилизованной жизни; но тогда, говоря словами другого русского мыслителя (Вл.Соловьева), с тем большею силою станет перед людьми тот же вопрос о положительном содержании этой жизни, о настоящей цели человеческой деятельности.

Во-вторых, если не существует высшего, сверхматериального начала, т.е. Бога, то мы живем, согласно поговорке, один раз, и нам “все позволено”. Чем же, в таком случае, жизнь человеческая отличается от животной? Живущий только во имя земных благ принимает, сознательно или неосознанно, природный закон борьбы за существование и выживание, а значит, оправдывает насилие, войны и господство одних людей над другими.

В-третьих, - и это самый уязвимый пункт рассматриваемого отношения к миру - человеческое движение вперед здесь пресекается смертью, абсолютной и окончательной. Нет Бога, нет никакой сверхфизической реальности - значит, нет бессмертия. И потому, живет ли человек ради потребления природы, или ради совершенствования материальных условий жизни, или даже ради

всестороннего развития своих дарований и сущностных сил, рано или поздно приходит смерть, обрывая и бессмысленная все это. Человеческая универсальность остается нереализованной. И каждое поколение оказывается всего только средством, строительным материалом для счастья грядущих людских поколений, которое, однако, тоже будет недолговечным и канет в небытие вместе с этими поколениями.

Иногда, впрочем, материалисты говорят, что смерть не так уж и страшна, ибо она лишь подчеркивает ценность жизни. Нет, этот довод ничего не меняет. Жизнь здесь ценна с негативной точки зрения, т.е. в том плане, что однажды она обесценится. Но в чем же ценность жизни самой по себе, безотносительно к смерти? И в чем ее смысл? В том, чтобы есть, пить, размножаться? Или в том, чтобы познавать и творить? Зачем - если это заранее обречено на гибельный конец?

Парадоксы и безответные вопросы находят свое видимое разрешение в другом, противоположном типе мироотношения, для которого подлинной реальностью является мир высший, сверхчувственный, тогда как жизнь здешняя представляется миром временным, низшим и неистинным.

Земное существование выглядит с этой точки зрения бессмысленным, ибо исполнено несправедливости, безобразия, страданий и зла; вещи этого мира хрупки, а счастье мимолетно. Почему? Да именно потому, что на фоне Подлинной Реальности низшая жизнь несубстанциальна, она не имеет в себе собственной основы. Вот почему все существующее здесь проходяще и, по сути дела, иллюзорно.

Поскольку же есть мир иной, постольку лишь там человек обретает свободу, вечность, истину и покой, - причем, не только после смерти, но и при жизни. Если этот человек расширяет сознание, т.е. практикует аскезу, непрерывную молитву, медитацию и психотехнические упражнения, то ему удастся прорвать завесу, отделяющую его от трансцендентного мира, и совершить экстатический и внетелесный проход в Вечность - царство богов, чистых сущностей, небесного блаженства, безбрежного неколебимого Абсолюта и т.п.

Возникает соблазн назвать этот тип мироотношения “высшим”: ведь он не только рисует неизмеримо более возвышенный идеал в сравнении с материализмом, но и как будто указывает человеку путь освобождения и спасения. Из горизонтальной плоскости низменного, полуживотного существования он переводит человека в другое измерение, в ту вертикаль, что должна возратить его к Первоисточнику, от которого берет начало и сам человек.

Но безоговорочному принятию этого “пути спасения” мешает целый ряд соображений.

Если Высший Мир есть Ничто, то окончательное растворение в нем ничуть не лучше смерти. А если и “лучше”, то лишь в том смысле, что из Абсолютного Ничто уже нет возврата в круговорот жизни, не может быть перерождения и возвращения в земную юдоль скорби. Если же Высший Мир есть сфера райского блаженства, то низший при этом остается страдать, а это - бегство, предательство по отношению к земной жизни и людям, в ней пребывающим. Если, к тому же, путь человека нацелен исключительно в мир высший, то в мире низшем жизнь людей не становится лучше, - наоборот, все ухудшается. Ведь спасение обретают, по идее, лучшие; следовательно, земным мучениям обрекаются “худшие” - более слабые и неспособные к углубленному самосовершенствованию: дети, старики, больные...

И вот оказывается, что стремление к высшему миру как к великой и единственной цели начисто обесмысливает жизнь земную, жизнь человека во плоти. Тогда и само божественное творение теряет всякий смысл: зачем Бог создал природу и дал человеку тело? Ради собственной забавы? Ради испытания людей, как будто не было заранее ясно, что жизнь в грубой материи нелегка?

Хуже того. Когда в неодолимом стремлении к незримому Высшему Миру человек низводит видимый мир до уровня майи, иллюзии, то человеку опять-таки становится “все позволено”. Ибо, что ни делай в этой жизни, все иллюзорно - праведность и грех, добро и зло, созидание и разрушение. Недаром среди исповедующих мистический путь (йогов, оккультистов, колдунов) немало “гениев зла”, хотя не все из них и не всегда творят недоброе преднамеренно. Святость, или нравственное совершенство здесь попросту средство и поэтому не может иметь первостепенной важности.

Психотехника как самоцель опасна. Опасна не только в смысле своего “этически нейтрального” идеала, но и в смысле разрушительного влияния на здоровье самого ее адепта. Так,

медитативное безмолвие сознания препятствует развитию воображения, а подъем энергии Кундалини и практика внетелесных путешествий при малейшей ошибке могут нанести непоправимый вред психике и даже отнять у человека жизнь. Такова плата за попытки искусственно вскрыть подсознание (подсознанию природа не зря отвела место *под* сознанием) и/или стать “полностью сознательным” (тем самым умерщвляя душу). Мистик не видит, что “божественные”, “сверхчеловеческие” психофизические способности куда естественней достигаются на пути подлинного *духовного* развития, развития *человечности*.

Да и, наконец, возможно ли слияние с Мировым Первоначалом до полного растворения в нем? Ведь с древности до наших дней известно, что есть непроходимый уровень, предел, отстоящий от Творца Мироздания¹. Значит, все сущее, включая человека, создано не для растворения в Абсолюте.

Таким образом, тип мироотношения, который величают “высшим” и “возвышенным”, - ложен. Он зиждется на идее о том, что Абсолют как первооснова выступает и как цель всякого существования. Иными словами, Великая Пустота Абсолюта, создавшая все из ничего, в конце концов и поглотит все в своей пустотности. Представление о пралае, растворении всего в Абсолютном Ничто, естественно приводит к представлению об этом Ничто как о последней цели человека. Однако точнее было бы говорить, что в подобном мировоззрении мир “растворяется в небытии” лишь потому, что “идет навстречу пожеланиям человека”.

Эта картина мира и человека относится не только к религиозной мистике, но и к материализму. Ибо, хотя Первоначало редуцируется здесь к бытию материальному, это лишь частный случай той же онтологической схемы, где мир зиждется на Пустоте. Ведь материя и есть, по сути, физическая проекция и сгусток Пустоты.

Принципиальное тождество этих двух онтологий заставляет по-иному оценить и два соответствующих типа отношения человека к миру. Похоже, что они только по видимости являются взаимоисключающими.

Итак, вернемся к рассмотренным типам мироотношения еще раз и взглянем на них пристальней.

Если есть высшее начало мироздания - Абсолют, то к пестрому многообразию живой жизни действительно можно отнестись как к низшему, ничтожному, не стоящему внимания. Однако с точки зрения смысложивенной такой вывод поистине страшен. Жизнь человеческая иллюзорна, а значит, лишена смысла. Соответственно этому, и человеческая личность не имеет никакого значения и ценности. Более того, личности быть не должно, от личности необходимо избавляться. Настоящий человек - лишь тот, кто перестал быть человеком.

Если же мир - всего лишь материя, физическая реальность, то человек, поскольку он обладает, помимо телесного начала, еще и разумом, является господином над природой. И тогда внешний мир оказывается не более чем объектом манипуляций “хитрого” разума и голым средством для удовлетворения материальных потребностей индивида. Тем самым личность низводится до частичного индивида-прагматика, гипертрофирующего собственное значение.

Указанные полюса отношения человека к миру называют соответственно “восточным” и “западным”. Но это не вполне точно. Так называемые “Восток” и “Запад” (как типы мироотношения) основаны на принципиально одной и той же онтологии и ведут к одним и тем же результатам. И в том и в другом случае картина мира такова, что человеку следует раствориться в Едином, дезертировав с Земли, либо нещадно эксплуатировать Землю, игнорируя какого бы то ни было Бога. Итог одинаков: жизнь оканчивается отрицанием (смертью) личности и рода человеческого, а при жизни остается лишь всячески совершенствовать технические средства (будь то машины или психотехника), чтобы как можно скорее исчезнуть с лица земли. Следовательно, то, что именуют “Востоком” и “Западом”, в сущности, *одна и та же линия развития человечества*, связанная с абсолютизацией сознания, а значит, с самообожествлением человека и в конечном счете - с культом силы.

Между крайними точками на этой линии располагаются три промежуточных типа отношения человека к миру - симптомы неудовлетворенности “Западом” и “Востоком”.

Первый из промежуточных путей - путь “вливания” Высшего Начала в земную жизнь и в плоть человека. Этот путь подразумевает не уход в Абсолют, не растворение в нем и не пошлое потребительское существование на Земле, а “облагораживание” земной жизни энергией и

мудростью Высшего Мира.

Может показаться, что этот путь синтезирует “восточный” и “западный” пути развития; но в действительности никакого интегрального способа бытия человека здесь не получается. Путь низведения Высшего в низшее сводится либо к “западному”, либо к “восточному”.

Первый вариант представлен, например, классическим даосизмом, где человек, как бы долго и гармонично он ни жил, умирает безвозвратно, а все элементы, его составлявшие, растворяются в стихиях природы. Второй вариант, наиболее полно представленный так называемой супраментальной йогой, предполагает стяжание человеком Сверхсознания и превращение в тонкоматериальное существо. А это значит, что в конечном счете люди должны слиться в единое энергоинформационное поле, в единый океан Космического Сознания, т.е., по сути, исчезнуть, перестав быть людьми.

Кроме того, этот путь эгоистичен; он выражает, по словам Виссариона, желание взять что-то хорошее *для себя* (см.: Повествование 6. 24:62). Да и насколько выполним этот исполненный гордыни путь превращения человека в супраментального человека-бога? Ведь даже такой подвижник, как Шри Ауробиндо, почувствовал, что в миру невозможна работа по низведению Высшего Сознания, и на многие годы до самой своей смерти ушел в полную изоляцию от людей, в точности, как критикуемые им индийские отшельники.

Условием синтеза “западного” и “восточного” путей мог бы явиться путь, который именуют “евразийским”. Мог бы - если бы в таком синтезе была необходимость. Ибо “Запад” и “Восток” - одно и то же. Зачем же интегрировать то, что и без того едино, да к тому же ведет в тупик? Недаром на практике евразийство - как тип мироотношения - это не путь, а распутье, когда впадают из крайности в крайность; это метания разорванного, несчастного сознания, не понимающего, какую же из сторон света избрать, и потому остающегося во тьме¹.

Вполне закономерно, что бесперспективность всех смысложизненных путей, испробованных человечеством, привела к еще одному и на сей раз весьма пессимистическому типу мироотношения. Он тоже является промежуточным, однако, в отличие от мятущегося, но ищущего евразийства, отмечен глубоким скепсисом. Адепты этого направления говорят: “Мы не знаем, есть ли мир высший, но зато знаем, что существует смерть, а она делает абсурдным и ненужным мир здешний”. Так жизнь превращается в покойницкую и в тяжкий нелепый долг неизвестно перед кем. В лучшем случае это вызывает к жизни стоическую выдержку, а в худшем - сначала тошноту, затем слепой, иррациональный и опять-таки бессмысленный бунт, а то и самоубийство.

Скептический жизненный путь предстает тем самым как жизнь в рассуждениях о бессмыслице жизни и как постоянное умирание внутри, “экзистирование” в смерть, бессмысленную, как и сама жизнь. В этом “смысложизненном” пути смысл жизни исчезает напрочь. И потому - путь ли это вообще?

Но если **все возможные ответы на вопрос о смысле и цели бытия человека в мире совершенно неудовлетворительны**, то где же ответ настоящий? И где он, истинный Путь?

2 . Д у х о в н о с т ь - и с т и н н ы й с м ы с л

Какие бы религиозные учения, эзотерические доктрины, философские системы и научные теории мы ни рассматривали, обнаруживается неудовлетворительность их ответов на вопрос о смысле бытия человека в мире и, соответственно, тупиковость предлагаемых ими путей человеческого развития. Эти мыслительные конструкции в своем подавляющем большинстве всегда основывались на том, что составляющими мироздания служат только материя (плоть) и разум (сознание).

Но плоть страждет и умирает, и потому ее укрепление и развитие как самоцель человеческой жизни в конечном счете бессмысленно. А разум? Может ли его совершенствование выступать в качестве смысла и цели бытия? Нет. Ведь если разум существует для тела, смысл жизни опять сводится к утилитарному интересу. Если же тело существует для разума, то он смертен, как и оно, а

значит, неспособен выполнить свое предназначение в принципе. Если, допустим, ему все-таки удалось при жизни достичь знания Целого, то познание частных становится бессмысленным, ибо тогда жизнь размывается на мелочи. Наконец, если разум индивида бессмертен и внетелесно витает в пространствах, то он познает окружающее ради себя самого. А это ему ни к чему, ибо куда он применит свои познания? Они не будут нужны ни для развития плоти (ее у него нет), ни для собственных нужд этого индивидуального разума, так как он бессмертен, и познание уводит его в дурную бесконечность; ни миру Абсолюта, который и без того исполнен всякого знания.

Учения о бытии, исчерпываемые разумом и материей, лишены “аромата”, “души”. В них по существу отсутствует именно это важнейшее понятие - “душа”, а значит, и сопряженное с ним понятие “духовность”.

Конечно, эти понятия часто и охотно использовались многими, - но раскрывались лишь на вербальном уровне или в поэтической интуиции. Конкретно-целостного их понимания не существовало. Поэтому практически все интерпретации духовных явлений внутренне противоречивы и приходят к самоотрицанию, а с ним - и к отрицанию смысла жизни.

Из тех религиозных и мистических учений, которые трактуют о вечном блаженстве на небесах как о единственной цели человека, неясно, зачем душа была вселена в тело и зачем вообще сотворена жизнь материальная. Живой человек и его душа оказываются в этих учениях средством и только средством; человек в них существует для Бога, а не для других людей и Вселенной, - а значит, Божьи творения обесмысливаются.

Все подобные мировоззрения отворачиваются от жизни и тем самым превращают духовность - по идее, несущую любовь, живительное чувство благодати, добро, красоту, - в убийцу жизни. Но нужна ли она вообще, такая духовность? Если задача - уйти от жизни, зачем культивировать в ней любовь и вершить добрые дела? В этом отношении весьма откровенным и наиболее последовательным по сравнению с иными религиями был брахманизм, согласно которому нравственный образ жизни вовсе не освобождает от круговорота перевоплощений, а значит, по большому счету и не нужен.

Что касается светских философов и ученых, то они некритически объединяют в понятие “духовность” два совершенно различных феномена - альтруистический и познавательный (современная научная психология), игнорируя тот факт, что мышление сплошь и рядом не стыкуется с нравственностью. Любовь и познание слишком отличаются друг от друга; и добрые деяния - совсем не то же самое, что размышления о них.

Гораздо глубже, как известно, пытаются проникнуть в сущность духовности адепты эзотеризма и нетрадиционной психологии. Но и они совершают тот же неверный шаг и впадают в логические противоречия.

Так, некоторые современные эзотерические школы иногда признают, что духовная практика очень далека от психотерапии, философии и решения интеллектуальных проблем: у нее нет с ними точек соприкосновения, и потому никакие психотехники, технологии и философии в отношении духовной практики не имеют смысла. И однако тут же духовная практика определяется как исследование тончайших внутренних механизмов устройства человека. Тем самым духовная практика отождествляется все с тем же осознанием и не более чем с осознанием, а духовность - с уровнем его развития или, в лучшем случае, с *частью* сознания. И это - не случайность, не терминологическая неточность. Достаточно сказать, что ту же ошибку, то же непонимание специфики духовности по сравнению с сознанием допускают и признанные авторитеты в области новейшей (трансперсональной) психологии.

В результате анализируемое понятие у большинства нынешних философов и психологов размывается настолько, что они начинают сетовать на “такую противоречивую духовность”... И, следуя, этой превратной логике, они обнаруживают, что духовность бывает якобы двух типов: “положительной” и “отрицательной”. Итог абсурден. Получается, что духовность может быть и бездуховной.

Не вина обывателя, а беда философа и ученого в том, что и в обыденном понимании духовность стала означать едва ли не все что угодно, по крайней мере все то, что не связано напрямую с производственной сферой: науку, культуру, искусство, философию, здравоохранение, спорт... Так “духовность” выродилась к сегодняшнему дню в пустое слово.

И если бы это вырождение произошло только в ученых филиантах или головах невежд! Но подлинная трагедия состоит в том, что обесмысливание понятия “духовность” есть симптом и следствие действительного и значительного оскудения духовности в человеческом общежитии. В свою очередь, незнание и непонимание сути духовного влечет за собой все новые и еще большие потери в жизнедеятельности людей.

Трактуя духовность как мышление, человек тем самым отдал разуму приоритет над верой и любовью. Но процесс познания, составляющий смысл мышления, сам по себе никогда не приводит к абсолютной и окончательной истине. А это означает, что человек, идущий путем “чистого разума”, утрачивает доверие к миру и людям: ведь доверие есть благоговение перед Тайной и полная открытость миру, т.е. Любовь. Теряя в себе эти духовные параметры, человек делает своим фундаментальным принципом и, так сказать, онтологическим основанием Сомнение, Недоверие бытию. И тогда в жизни людей начинают доминировать холодный рационализм, формально-количественное и полезностно-измерительное отношение друг к другу. Что касается природы, то идеалом становится преисполненная гордыни цель - установление господства над ее законами и богатствами.

Отсюда - один шаг до самовозвеличения каждого человека, который отныне стремится властвовать над другими людьми или, по меньшей мере, возвышаться над ними. Самоутвержденчество равносильно изгнанию из себя своей сопричастности другим. Другие же люди, влекомые “духовными” (по определению некоторых философов и психологов) иррациональными порывами и страстями, бунтуют против такого положения дел, желая точно так же самоутвердиться и установить свое собственное господство.

В наше время люди так приковали себя к идеалам и нормам рациональности, что, кроме них, знают только безумство иррациональных, т.е., по сути, животных, порывов. Так из размывания духовной сущности человека вырастает царство силы - определяющая черта всей прошедшей истории. Культ силы - силы разума, плоти, науки, техники - ведет к распаду единства в семье человечества, и она превращается в многообразие сообществ, где главенствуют нормативы формализованного договора между атомарными индивидами и где усиленно насаждается принцип *внешней* ответственности, *внешнего* долга перед коллективом, группой. Жизнь за чужой счет маскируется преданностью коллективному целому. И эти договорные союзы взаимного использования самих себя ввергают человека в бытие средством для своих средств.

Единственной скрепой в структуре социума служит денежная единица. Но только до поры - ибо она подтачивает и разрушает тотально единящее людей общностное начало. На место неутолимой жажды слияния личности с личностью приходят вербально-визуальное общение, “терпимость”, “лояльность” - и это в лучшем случае. “Домом Бытия” становится язык; точнее говоря, победу празднуют *языки* - обособленные “дома”, - а с ними и пресловутая “непереводимость культур”.

Лишенная духовности, забывшая веру и любовь, культура трансформируется в цивилизацию - свою плоскую проекцию, демонстрирующую голое техническое мастерство и холодные, “машинные” сердца.

Вместо того, чтобы жить по-человечески, люди, особенно интеллектуалы, в этом царстве отчуждения лишь размышляют и рассуждают о жизни. Отсутствие чувствознания приводит к незнанию того, что есть подлинная жизнь. А поскольку это так, постольку индивиды (притом, каждый на свой лад, что неудивительно в обществе разобщения) заняты поисками смысла своего бытия в мире. И поиски эти, будучи не духовными деяниями, а ментальными испарениями большого социума, оказываются изощренно-извращенными; они, как и всякие умствования, усложняют Путь, а потому заводят в тупик.

Утрата смысла жизни - вот она, плата за непонимание подлинной сути духовности. Дух, интерпретируемый как разум, а духовность - как его “свободная игра”, есть слишком вольное обращение с фундаментальными основами Мира и Человека, и эта игра небезобидна - она толкает человечество к самоуничтожению через утрату в людях человечности.

А что есть человечность? Это нежное, любовное, благоговейное отношение ко всему и всем, это забота о ближних, стремление помогать их развитию, творить для них добро и красоту, - т.е. это есть даяние своей души словами и делами; это *душевное* отношение, душевность. Более того, - это

не просто сочувствие (“душевность”) или доброта (“задушевность”), а именно даяние своей души делами своими, предметно. Твой внутренний свет переливается в других; твоя душа оказывается действенным отношением, душевно-практическим, т.е. нравственным, или духовным, ибо духовность и есть душа, воплощаемая ради другой души. Это есть жизнь в духе святости, под знаком Духа Святого. При этом *критерием* духовности является, как минимум, способность никогда не воспринимать окружающее отрицательно.

Духовность есть раскрытие и развитие души с ее способностями любить и творить добро. Поэтому истинный Путь человечества может быть связан только с духовностью. Только духовность содержит в себе подлинный смысл бытия. Прочие пути человечества лишь поглощают природу или поглощаются ею, так как движутся по логике только и исключительно конечных форм природы.

Но путь духовного развития привносит в природу нечто такое, чего в ней еще не бывало. Мироздание дополняется и постепенно наполняется любовью, душевным теплом, нежными оттенками новой красоты - тем, что стоит выше природной нужды, а значит, обогащает и возвышает бытие мира и человека.

Но если духовность есть любовь, то истинная Любовь подразумевает творчество - предметные, практические деяния, наполненные божественными качествами и создающие условия для полноценного развития других людей. Любовь должна выражать себя не только чувствами и словами, но и явным, зримым образом, открытой деятельной помощью ближнему. А это именно беззаветный труд, бескорыстное творчество мастера, вкладывающего любовь, тепло души в дела своих рук!. И разумеется, при этом важно не физическое действие само по себе, но человеческое *отношение*.

Земле, подчеркивает Виссарион, нужны не внешние действия, ей нужен Человек. Поэтому не надо обращать слишком большое внимание на то, что делается внешне. Главное определяется тем, как человек к этому подходит, как он выражает к этому свое отношение, свою внутреннюю готовность. Потому что развитие человека проявляется в этой внутренней области. “Творение должна сделать душа человека. Это возможность дарить свою любовь, а в этом и есть человек... Он не просто сеет, бросает зерно - он творит” (из беседы Учителя 19 октября 1998 года).

В этом свете понятие духовности приобретает свой истинный смысл. Духовность не есть ни медитативный опыт, ни уровень и масштаб сознания. Она есть реальная, действенная способность человека любить, бесконечно и беззаветно отдавая окружающим тепло души через деяния своих рук. И, следовательно, духовность представляет собой *отношение* и бесконечный *процесс*.

Поэтому истинный Путь человечества заключается не в том, чтобы потреблять природу; не в том, чтобы дезертировать из земной жизни, растворившись в Абсолютном Первоначале; не в том, чтобы вливать в земную жизнь Космическое Сознание, сияясь стать “супраментальными”, тонкоматериальными существами. В первом случае люди превращаются в животных, а в двух других - также перестают быть людьми. Подлинное смысложизненное содержание заключено только в том, чтобы соединить земную, материальную жизнь с жизнью *души человеческой*. Это - путь одухотворения материальной культуры, привнесения любви и душевного тепла в дела человеческой плоти. Ибо вне ее душа не видоизменяется и развиваться не может.

Рассмотрим эти тезисы чуть подробнее. Душа есть не что иное, как индивидуальность - неповторимое внутреннее качество каждой личности. Душе предначертано развиваться внутри и через предоставленную ей плоть, ибо иначе душа оскудеет, а покинув тело, пребудет вне реального движения в тонких сферах Универсума. Тело же и разум человека в этом случае могут и выжить, - но это уже будет не человек, а лишь мыслящая плоть, живой организм.

Следовательно, человеческая плоть обретает подлинно человеческую жизнь лишь благодаря душе-индивидуальности. Душа, со своей стороны, будучи внутренним качеством, может проявиться только благодаря плоти (материи как плотной, грубой энергии), через которую это внутреннее качество становится видимым, деятельным, а значит, способным развиваться. Будучи инструментом для развития души, плоть после ее износа может, следовательно, заменяться на новую, тем более что душа как нематериальное начало призвана развиваться бесконечно. Для этого ей необходимы реинкарнации (перевоплощения), а затем и вечная жизнь в бессмертной изменяющейся плоти. Ибо, имея трансцендентное происхождение, душа призвана к земному существованию, где она не пребывает, но подлинно живет.

Отсюда следует: по делам плоти, делам рук человеческих можно судить об уровне и характере духовного развития людей. Если человек строит свою жизнь на принципах рационально-вещного познания и научной технологии, - рождается цивилизация, несущая с собой всеобщую дисгармонию и омертвление. Разум никогда не будет подлинно свободным изъяснением личности, так как, в отличие от любви, он есть начало природное. Если же человек живет, безмерно и бескорыстно отдавая окружающему миру и людям душевное тепло, - создается Царство Души, та истинная Культура и единая Семья, которая являет гармонию человека с самим собой и с другими людьми, а следовательно, в силу неэгоистического характера такого мироотношения, - и с природой.

Таков Путь истинного развития человечества. Он подразумевает движение изнутри вовне - Путь, где отправной точкой служит душа. Значит, именно такой Путь оказывается в подлинном смысле слова духовным; и значит, сама духовность *и есть этот Путь*.

Следовательно, нынешний человек - существо со скудеющей духовной тканью - должен вновь "родиться свыше", родиться духовно и выполнить свое божественное и космическое Предназначение. А это и есть Путь истинной веры. Не веры в Бога, а именно полного доверия Богу! На этом Пути - единственно естественном для человека - без психических практик и научно-технологических потуг, т.е. опять-таки естественным образом, раскроются высшие способности души, а с ними и высшие способности психики, разума, плоти. Ведь душа - главное в человеке, его сердцевина. И потому только таким путем установится гармония двух видов сущего: природы и духа.

Без преувеличения, из Логоса в подлинное Бытие человека выводит Любовь. Ведь Творец вкладывает душу в человека не для того, чтобы тот исследовал ее или с ее помощью становился знакомом в вопросах мироздания. Душа дается человеку для того, чтобы он делился ею с другими людьми, бескорыстно и бесконечно отдавая им душевное тепло. Только так, по единому закону развития души, - принимая духовное начало извне, от Духа Святого, внутрь себя, а затем проявляя его вовне, - может формироваться действительный человек и единая Семья человечества.

Куда же, к какой цели увлекает этот единственный Путь - истинный Путь духовного развития? Он пролегает к двуединой великой цели: к реальному бессмертию человека и обживанию им бесконечной Вселенной. При этом под реальным бессмертием, или жизнью вечной, понимается не долгожительство и не пребывание души на небесах, а грядущая действительная История физически бессмертных людей, их Эволюция вне всякого заданного масштаба времени. Залогом человеческого бессмертия во плоти служит именно духовность и уникальные свойства Духа Святого, подмеченные уже в новозаветных текстах. Ибо неэгоистическое и благоговейное отношение ко всему и всем гармонизирует человека с силами природы и собственной плотью, возрождает "благосклонность" природы к нему и открывает колоссальные (колоссальные даже сегодня) ресурсы его организма.

Что же касается освоения бесконечной Вселенной, то оно возможно лишь при условии раскрытия в человеке его собственной бесконечности, т.е. обретения им бессмертия. Когда это условие будет соблюдено, люди смогут по-настоящему обживать Космос, распространяя свою духовность по Вселенной, даря искру Божию - душу обитаемым мирам и тем разумным существам, которых в мироздании множество, но которые лишены любви и душевного тепла. Тем самым человечество обнаружит себя не как творчески-разрушительная и лишь "геологическая" (В.И.Вернадский) сила - оно предстанет перед ликом Вселенной как сила духовно-космическая, привносящая в реальность новые краски и, значит, творящая смысл бытия.

Духовность есть объективно-реальный богочеловеческий и антропокосмический процесс¹. И это - процесс развития религиозного мироотношения. Будучи исходным отношением человека к Тайне Мира, религиозность (любовь) содержит в себе эстетическую модальность бытия, отношения сыновства, благоговения и преклонения, - т.е., строго говоря, религиозность (не конфессиональная принадлежность!) является синонимом духовности. "Религия, в истинном понимании, - говорит Виссарион, - есть искусство развития души; а так как душа и есть суть человека, то религия есть искусство развития человека" (Книга обращений 20:27-28).

Причиной, детерминирующим началом в этом процессе является Отец Небесный, а до определенного этапа организующей силой и духовной энергией служит его Слово (Христос). Величие человека и его активность проявляются в умении довериться Богу, постичь его Слово и правильно следовать ему, неся Тепло и благодатный Свет во Вселенную.

Современному человеку трудно вместить, осознать величие, грандиозность предстоящего Пути, хотя это объективный, закономерный, необходимый процесс. Значит, Путь духовного развития открыт для всех людей - великий Путь истинно плодотворной жизни со-творцов космогенеза, поскольку человек есть уникальная вершина мироздания. Более того, этот Путь неизбежен, и от него невозможно уклониться. Ведь если душа есть в человеке главное, если она есть его суть, то, следовательно, она все равно, через реинкарнации, возвратится в телесное существование, и человек пойдет по предначертанному ему Пути бесконечной жизни. Все иные пути представляют собой, таким образом, лишь кружные тропинки или ответвления главной Дороги. Смысл бытия открывается на истинном Пути духовного развития во всей своей громадности и перспективе. А “западный”, “восточный” и всякий иной вариант входит в этот смысло-жизненный Путь только какою-то частью своей, каким-то аспектом, а как таковой, в целом, становится “ускользающим моментом”, исторически преходящим этапом развития человечества.

От “Запада” в истинный Путь переходит идея творческой предметно-практической деятельности; от “Востока” - благоговейное отношение к природе; от промежуточных путей - задача гармонизации двух миров, земного и небесного, на основе приоритета межчеловеческих нравственных отношений как главных для бытия человека в мире.

Тем самым истинный Путь духовного развития, указуемый и прокладываемый Виссарионом Христом, как бы “вытягивает” за собою в своем неуклонном восхождении все иные пути со всеми их “горизонталями”, “вертикалями” и “диагоналями”.

Это - Путь Любви. Значит, он реально *объединяет* и *возвышает* людей. Это - Путь стяжания Духа Святого, а значит, он воссоединяет человечество с Отцом Небесным. И при всем при том это - Путь *практической* жизни человека на Земле-Матушке во имя братьев его и сестер в огромной единой Семье.

3 . Т р и в е р ш и н ы Л ю б в и

Прежде чем отправиться в Путь, давайте посидим на дорожку и мысленно коснемся Любви. Ведь она есть исходная точка, вдохновительница и цель предстоящего Пути. Что же она такое? И что ожидает нас впереди?

Наиболее распространенным является понимание любви как природно-инстинктивного и чувственно-эмоционального влечения полов.

Безусловно, эта сторона присутствует в любви, притом, как одна из важнейших. Очевидно, однако, что любовь не сводится к этой своей природной основе. Половое влечение и чувства, с ним связанные, неспецифичны для человека, они неотъемлемо присущи и царству животных.

Любовь мужчины и женщины не исчерпывает всего содержания любви и дополняется любовью к детям, родителям, братьям, сестрам.

Впрочем, любовь к “своим”, в противоположность равнодушию или ненависти к “чужим”, тоже не есть сугубо человеческое качество. Подобного рода любовью опять-таки отмечены и отношения в животном мире. И хотя этот вид (форма, уровень) любви если не “идеальнее”, то, по крайней мере, шире первого, все же и он не является высшим.

Уникальность человека состоит в том, что его отличает не только чувственное или идеальное влечение к своей жене, своей семье или своему народу, но и способность любить всех без исключения.

Такую любовь иногда называют “абстрактным гуманизмом”. Это верно, если речь идет о любви, проистекающей от разума, от головы, когда человек не столько любит, сколько соединяет себя с человечеством мысленно - в своих идеях, концепциях, намерениях. Такая любовь - не от сердца и потому, действительно, не может называться любовью. Под человечеством она разумеет абстракцию, а любить абстракцию много легче, чем хотя бы одного живого человека, не говоря уж о всех людях.

Однако если любовь к человечеству может выступать в качестве абстракции, то никогда не может быть абстракцией то, что именуют “человечностью”. Ведь она предполагает не умствования и не разговоры о гуманизме, а реальную характеристику, реальную особенность конкретного человека,

которая выражается в добром расположении и теплом отношении к любому другому человеку, к человеку “вообще”.

И точно так же именно человечность составляет отличительное родовое свойство людей, их сущность. Только в человечности, т.е. любви всеобщей, человек возвышается до подлинно человеческого звания. Ни у каких других существ мы не видим реальных проявлений изнутри, от сердца идущей любви ко всем и ко всему - не только к “своим”, но и к “чужим”, не только к бездействующим, но и к активно агрессивным “врагам”.

Почему возможна такая любовь? Потому что она имеет онтологическое основание в объективно Сущем. А зачем она существует и зачем нужно быть человечным? Да затем, чтобы никогда не возникало вопроса “зачем”, который вырастает из своеволия и уводит человека на путь бесплодных умствований и дисгармонизации его бытия в мире. Затем, что путь Любви - объективно необходимый закономерный процесс, и сворачивать с этого Пути значит идти против Закона.

Конечно, пока у людей нет соответствующего понятия и образа, всеобщая, духовная любовь труднодостижима. Но тем яснее, что она-то и есть любовь в ее высшей форме и истинной сути.

Итак, у Любви есть три типа, три аспекта, три уровня: любовь природная, любовь родственная и любовь духовная. Первая - это любовь мужчины и женщины; вторая - любовь к родственникам; а третья - ко всем людям на свете и ко всему сущему.

Любовь, в полном смысле этого слова, предполагает перерастание первого уровня любви во второй, а второго - в третий. Любовь мужчины и женщины должна порождать семью и детей. А родственная любовь в семье должна перетекать в любовь ко всему человечеству, ко всему миру и в создание Семьи единой.

Только пройдя все эти три уровня, мы можем достичь Любви всеобъемлющей и полноценной, соответствующей достоинству целостного человека.

Застревание на первом или втором уровне говорит о том, что человек еще не совпал со своей сутью, еще не проявил в полной мере умения любить. К несчастью, в своем подавляющем большинстве мы и вправду еще не умеем любить, хотя эта способность - притом, как главная - заложена в нас изначально, Отцом Небесным. Мы умеем пока лишь говорить и спорить о Любви, писать о ней толстые книги. Впрочем, толстые книги мы еще лучше умеем писать о чем-то “серьезном”, точно любовь - не серьезное и не главное дело человека; мы умеем писать о всевозможных “чудесах”: телепатии, левитации, НЛЮ, как будто Любовь не более чудесна и как будто мы уже так поднаторели в человечности, что она для нас - скучная обыденность.

Между тем мы не только не поднимаемся с первого или второго уровня любви, не только застреваем на них на всю жизнь, но, как правило, даже этих уровней не проходим до конца. Страсть влюбленных угасает, порождая обиды и ссоры; двое в одном доме не находят общего языка; родственники презируют друг друга и избегают общения.

А самое крупное затруднение вызывает любовь духовная, всеобщая, когда любой должен стать люб; любовь ко всем без исключения и к тому же не требующая для себя никакой ответной любви или чего-то другого взамен. Любовь опасна для эгоизма, и потому эгоизм опасен, разрушителен для любви. Вот почему духовная, всеобщая любовь кажется невозможной: она требует самоотвержения и жертвования собой.

Две тысячи лет назад устами Иисуса она взывала возлюбить ближнего, как самого себя, а человек и тогда, и теперь любит себя больше ближнего - хоть чуточку, но больше.

Впрочем, иной из нас в ипохондрическом самоуничижении порой заявляет: “А я себя не люблю!” Но это как раз и показывает, что такой человек не любит ближнего.

Когда Виссариона однажды спросили, что значит “возлюбить самого себя”, он ответил: “Любовь к самому себе, к своему истинному началу - это любовь к умению отдавать”. Поэтому евангельская заповедь сегодня приобретает более точную формулировку: “Возлюби ближнего больше, чем самого себя”. И поэтому утверждение “я не люблю себя” граничит с гордыней. Тот, кто заявляет, будто не любит себя самого, в лучшем случае еще не открыл в себе творческое начало, а в худшем - любит себя настолько, что не желает ничего своего отдать другому. А между тем “свое” у человека, т.е. индивидуальность, душа, - это то, что он может и должен отдавать ближним.

Любовь Духовная, хоть она и трудна, не только осуществима, но и наиболее естественна для человека. Сама способность людей к творчеству и внутренняя потребность в нем свидетельствуют о том, что человек живет ради других, ибо творчеством немислимо и нелепо не делиться: оно, по

понятию своему, должно осуществляться не “в стол”, а предназначаться людям, причем, по возможности и в идеале - всем. И если Духовная Любовь не реализуется в человеческом сообществе в должной мере, это признак того, что творческое отношение к миру и людям основательно потеснено отношением потребительским.

Мнимую невозможность любви ко всем иногда оправдывают ее ненужностью. Зачем любить людей, если они - существа несовершенные? Иметь полную любовь в другом человеческом “я” - это где самообман, ибо совершенное может быть осуществлено только в Вечном, только в Боге; а для этого необходима отрешенность от мира и его привязанностей.

Подобная аргументация внутренне противоречива настолько, что перечеркивает сама себя. Неужели Бог отдает нам свою Любовь только для того, чтобы потребовать ее назад? Но тогда Любовь Бога придется признать корыстной, своемерной, т.е. несовместимой с подлинной Любовью.

Признавая, что Бог есть Совершенная Любовь и Полнота Любви, надо признать, что он не нуждается в нашей любви к нему. Эта любовь нужна не Богу, а нам самим. Но как, в таком случае, полюбить Бога - того, кого мы не видим и не представляем? “Чтобы полюбить Бога, - отвечает Виссарион, - надо полюбить друг друга. Не научившись любить меньшее, вы никогда не полюбите Большее” (лето 1997 года, США).

Конечно, в своем мировоззрении можно придерживаться такой модели мира, при которой Бог вовсе не источает Любви, а пребывает в качестве равнодушного к нам Абсолюта; мы же, люди, отдаем свою любовь Творцу в благодарность за то, что он подарил нам жизнь. Но и тут возникают серьезные противоречия. Если в мире и Боге не существует Любви, откуда она в людях? И, кроме того, почему в благодарность за подаренную нам Богом жизнь мы должны с ней расстаться, растворившись в океане потустороннего бытия и исчезнув в нем навеки?

Ответ на последний вопрос порой видят в том, что по ту сторону земной жизни существует область, называемая Мировой Душой. Это - тончайшая сфера, заполненная энергетическими вибрациями и светящимися друг в друге образными оптическими структурами (эйдосами, в терминах древних греков). Этот Космический Эрос, согласно многим старинным учениям, и есть Вселенская Любовь, в которую, сбросив тело, может войти человек и в которой он сольется в бесплотных объятиях с каждым другим.

Но при внимательном рассмотрении обнаруживается, что эта Мировая Симпатия есть, строго говоря, не Любовь и уж тем более не Любовь Духовная, не безмерное и свободное дарение душевного тепла, а материально-энергетическое тяготение, нечто вроде гравитации или голограммы, т.е. явление природное. Любовь, которая “движет звезды и светила” и обладает зримыми (пускай и для тонкого зрения) структурами, - не духовна, а материальна.

Заметим, наконец, что Мировая Душа не есть Бог, она - нижележащий уровень организации Универсума, и, значит, стремление раствориться в Боге остается неосуществленным.

Да и зачем - подчеркнем это еще и еще раз - зачем растворяться в Боге, когда он дал нам плоть (плотное тело)? Ведь дал он ее, очевидно, для того, чтобы мы, именно находясь во плоти и именно через дела своих рук, проявляли данную нам Отцом Любовь, чтобы мы *воплотили* ее в жизнь. Вот почему, в отличие от прочих учений, утверждающих, будто в Боге мы все сольемся в одно, Виссарион говорит: “Каждый сольется с Богом в одно, но между собой люди в одно не сольются” (октябрь 1992 года, Всемирный Конгресс духовного согласия, Алма-Ата).

Следовательно, подлинное единение людей возможно только при условии преодоления ими не внешних, но внутренних границ, границ в их сердцах, - т.е. только на основе чувства любви, любви ко всякому человеку и всему человечеству. При этом под истинной любовью, духовностью подразумевается открытость Богу, миру и людям, полное доверие им, ответственность за людей и неустанное стремление делиться с ними душевным теплом и творческими способностями, ничего не требуя, не прося и не ожидая взамен. Такая Любовь и есть *исполнение главной заповеди Бога*¹.

Человек как образ и подобие Отца Небесного тем и отличается от остальных существ, что имеет в себе частицу Отца - душу, которая в сути своей есть Любовь. Отсюда следует: если любовь природная и родственная неспецифичны для человека, то Любовь Духовная составляет важнейшую человеческую особенность. А это, в свою очередь, означает, что человеку необходимо дорасти в своей жизнедеятельности именно до этого высочайшего уровня, до этой вершины Любви.

Для этого надо до конца пройти и два уровня предыдущих, так, чтоб и они стали не уровнями,

но вершинами. И - удивительная закономерность! - восходя на каждом уровне Любви до конца, человек обретает на их вершинах Любовь Духовную.

И тогда оказывается: Любовь Природная - не значит только половое влечение и секс, а значит полная ответственность за любимого, всегда (постоянно) Любовь к нему, без раздражения, ревности, усталости и скуки.

И это будет Любовь Духовная.

Любовь Родственная - не значит принадлежность к своей отдельной семье или любовь лишь к одному-двум ее членам; но любовь ко всем ее членам без исключения - навсегда и всегда...

И это будет Любовь Духовная.

И, наконец, вершина Любви Духовной - не значит презрение к физической близости мужчины и женщины, не значит уклонение от родственных уз и обязанностей, а значит любовь ко всем без исключения, ответственность за любого человека, жизнь ради него - всегда и навсегда...

Своею Любовью человек призван вносить в гармонию Мироздания еще большую Гармонию, - точнее, новые, теплые краски, тона, оттенки. Благодаря распространяемой человеком Любви в природе должно восторжествовать нечто над-природное, такое, что дополняет законы природы, логику необходимости чем-то сверх этой необходимости. И значит, Любовь есть исток предначертанной человеку *свободы*.

Нет ли, однако, противоречия в соединении понятий “свобода” - и “предначертание”? Нет, предначертание не только не исключает свободы, но делает ее действительной свободой. Если бы Отец Небесный не вложил предначертания в человеческую духовную ткань, человек тотчас превратился бы в результате своей свободы в никому не нужного, случайного и, хуже того, своевольного индивида, неизвестно зачем заброшенного в мир. Но дело обстоит как раз наоборот: мы необходимы миру, необходимы как *творцы* - Любви, Красоты и Света.

Поэтому предначертание не есть предопределенность. Напротив, это доброе пожелание Бога, его творческая программа, творческая подсказка для каждого из нас. Конечно, человек волен осуществлять ее лучше или хуже, быстрее или медленнее, полнее или беднее; он волен и вовсе уклоняться от ее выполнения, и значит, свободен даже при всей предначертанности Пути.

Но свобода дана человеку не для того, чтобы он сходил с этого Пути, а для того, чтобы осваивал его творчески. Ведь Путь, предначертанный человечеству, - нехоженный, не пройденный никем. И как двигаться по нему, знают лишь Отец и Сын. И они, конечно же, поведут человека вперед, и потому уклоняться от предначертанного Пути нет никакого смысла. Да это и не во благо самому человеку: если ему назначено жить ради людей и мира, то не выполнять предназначения - это действовать против себя самого, умножая свои потери.

Предначертанный человечеству Путь предполагает не выпадение из Гармонии Бытия, а свободу. **Свобода же - это необходимость творчества, т.е. любовь, которую каждый из нас от души, бескорыстно, т.е. именно свободно, дарует другим людям.**

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

О Т Ц А Р С Т В А С И Л Ы К Ц А Р С Т В У Д У Ш И

Г Л А В А 1 . Н и с п р о в е р ж е н и е п р е д ы с т о р и и

1 . П е р и о д и з а ц и я и с т о р и ч е с к о г о п р о ц е с с а

Предначертанное Отцом Небесным подарило человечеству великие возможности. Но воплотились ли эти возможности в действительность? Совпало ли божественное предначертание с человеческим исполнением в реальной истории?

Пока еще нет - это можно утверждать заранее. И дело не только в том, что в осуществление должного может вмешиваться (и действительно вмешивалась) неверно истолкованная людьми свобода, но и в том, что развивающееся явление далеко не сразу находит воплощение в своей высшей форме, в полной мере выражающей глубинную сущность данного явления.

Не исключение в этом смысле и развитие человеческого рода, его история. Ведь что такое “история”? Этот термин, в любом из своих значений, подразумевает достаточно длительный и извилистый путь: последовательное и связанное повествование, излагающее некие события, или же сам ход разнообразных событий, выстраивающихся в причинный и временной ряд и образующих те или иные этапы развития людей и прогресса общества.

Но что при этом развивается? Сами люди? Или только отдельные их способности? И справедливо ли говорить об общественно-историческом прогрессе, а не о безвыходном круговороте бытия людей и топтании на месте?

С какой бы точки зрения мы ни взглянули на историю человечества, определенный прогресс прослеживается в ней как будто бы с очевидностью. Филогенез человека (как и его онтогенез) демонстрирует гигантскую дистанцию от наивного дикаря до рафинированного интеллектуала, от каменного рубила до современного завода-автомата. Однако очевидное еще не значит понятное. Даже безоговорочно признав наличие прогресса в человеческой истории (а история, как явствует из самой ее сути, и есть прогресс), мы не можем обойти все тех же вопросов: прогрессом *чего* является история? в какой мере и форме? какие уровни и этапы должны служить координатами прогресса?

Следовательно, чтобы понять внутреннюю суть и характер истории в целом, надо разглядеть ее детально, фиксируя ее направление, ритм и возникающие в ней формообразования. Вот почему мыслители разных эпох так много внимания уделяли проблеме периодизации исторического процесса.

Согласно одной из таких периодизаций, в прошлом довольно распространенной, история представляет собой последовательную смену идей и, соответственно, их воплощение в реальность. С этой позиции исторический процесс оказывается постепенным восходящим движением человечества от неразумия к торжеству Разума.

Но такой подход к истории оставляет без ответа целый ряд вопросов, а потому не может быть

удовлетворительным.

Откуда возникает разум и зачем существует нравственность? И как они соотносятся? Если, например, нравственное начало не имеет отношения к разуму, то исторический прогресс есть прогресс только разума, но не “всего” человека. Если же нравственность входит в состав разума, то почему человечество, накапливая колоссальные знания, тем не менее пребывает в ужасающей нравственной дикости? Наконец, что лежит в основе самого исторического движения идей? Откуда берутся они сами и почему возникает необходимость в их изменении?

Достоверный ответ на последний вопрос был дан, как известно, К.Марксом. Немецкий мыслитель справедливо связал возникновение и развитие идей с естественно-природной, материальной основой жизни людей. Идеи, по Марксу, в конечном счете определяются экономическими потребностями общества. Поэтому историю надо рассматривать через призму борьбы экономических интересов - борьбы, влекущей за собой смену способа производства материальной жизни, а следовательно, и смену экономических общественных формаций, которые и являются ступеньками на лестнице социального прогресса и его показателями.

Что же удастся рассмотреть в истории под этим углом зрения? Господство частных материальных интересов до сих пор приводило к бесчеловечным отношениям в обществе - отношениям то личной, то вещной зависимости. Социальный прогресс разворачивался как бы за спиной индивидов и был, по сути дела, не историей людей, а историей вещей. А говоря точнее - и Маркс тут абсолютно прав, - вся прошедшая история человечества была не более чем предысторией. Действительного прогресса, действительной истории пока еще не было и в помине.

Когда же, по Марксу, начнется эта подлинная История? Только тогда, когда в ходе революционных преобразований средства производства материальной жизни перейдут из частных рук в руки всего общества, и материальные блага станут достоянием всех и каждого. С этого момента, согласно марксовской философии, зародится ассоциация свободных индивидуальностей, с этого момента человек ступит на тропу целостного и универсального развития.

Эта исполненная гуманистического пафоса теория, к сожалению, содержит в себе коренной недостаток, сводящий всю эту теорию на нет. Она не в силах объяснить, почему материальный интерес, который доселе разобщал людей и не позволял им развиваться целостно, однажды людей сплотит и даст им возможность универсально-целостного развития. Потому, что этот материальный интерес превратится из частного во всеобщий? Но очевидно, что подобного рода общество будет не содружеством вдохновенных творцов, а обществом массового потребления и породит прежние проблемы и конфликты. Ну а если, как это сознавал и сам Маркс, материальное благосостояние является лишь условием, но не причиной целостного развития человека, то эту причину надо искать во внутреннем мире самого человека. А тогда всю марксову концепцию следует перевернуть, так как она есть в конечном счете отражение той превратной логики, которая царствует в предыстории и которую Маркс тщетно пытался ниспровергнуть.

Бесплодны поэтому и всевозможные попытки усовершенствовать марксову периодизацию истории или превзойти ее, оставаясь на той же платформе - понимании исторического процесса как развития материальной основы жизни.

Видеть в истории такие этапы, как присваивающий, аграрный и индустриальный или, например, биогенный и техногенный, - значит двигаться по логике только природной необходимости, не видя, что сущность человека внеприродна. Не меняет сути дела и указание на переход от этих этапов к более высоким стадиям - “информационной”, “ноогенной” и т.п., поскольку информация и разум - продолжение все той же линии развертывания естественно-природных сил, не имеющих отношения к сути человека, его душе, его нравственному началу.

Действительно, какой бы мощи ни достигло в своем развитии производство и новейшие научные технологии, грош им цена, если при этом человек ни на шаг не продвигается вперед в смысле своей человечности.

А именно такова реальная история, которую теоретически воспроизводят приведенные периодизации. В качестве ее персонажей люди постоянно направляют активность на внешние условия своего бытия - экономические, социальные, политические, не замечая или не желая замечать, что никакие революционные преобразования в сфере техники, промышленности, финансовых отношений, политической системы не затрагивают человека, вернее, не меняют его к лучшему.

Не меняют они и корневой сути построенного людьми общества. Ибо революции и реформы, имея своим следствием внешние перемены и перестановки, не уничтожают отчуждения, не упраздняют эгоизма и культивирования силы.

В этой связи Виссарион проводит следующую образную аналогию.

“... Всевозможными концепциями, всевозможными идеологиями вы пробовали менять крону у дерева. И когда удавалось как-то сменить крону неожиданно, по-новому, - все говорили: “Ну, вот, нашли решение. Вот теперь мы победим.” А дерево-то - одно и то же, закон его - один и тот же.

Крона опять росла дальше, опять меняла очертания. Забывались старые очертания. Появлялись новые революционеры; они опять тут же брали ножницы, быстрее кроили эту крону. И им казалось, что они нашли новую систему развития, управления обществом. Но дерево-то - все то же самое. Все то же самое дерево” (октябрь 1998 года, Петропавловка).

Естественной реакцией на идеологизированные подходы к периодизации исторического процесса явились подходы прямо противоположные и, на первый взгляд, “объективные”. Так, формационной теории К.Маркса стала активно противостоять теория круговорота “культурно-исторических типов”, или “цивилизационный” подход к истории.

Согласно Н.Данилевскому, О.Шпенглеру, Л.Гумилеву и другим мыслителям, каждая культура есть обособленный мир, который развивается наподобие живого организма, проходя стадии роста, зрелости, старения и умирания. Всякая культура, с этой точки зрения, в конечном счете перерождается в цивилизацию, и эта последняя есть показатель того, что органическое, живое начало жизни уступило место механическому и искусственному. А это - смерть данной культуры и данного этноса, притом, смерть окончательная, ибо этой культуре и этому этносу уже нет возрождения: новая, молодая культура зарождается где-то в другом месте и в другом народе.

Этот подход объективен, так сказать, до чрезмерности. В нем ничего не остается от человеческой свободы и от человеческого целеполагания. Если, например, у К.Маркса история содержит в себе какой-то смысл и какую-то цель, то здесь история предстает как лишенная всякого смысла серия не связанных друг с другом, локальных, замкнутых историй. О всемирно-историческом процессе, т.е. о *единстве* человеческой истории, здесь нет и речи. Но даже если распространить идею циклической сменяемости культур на общую жизнь всего человечества, как в индийских учениях о “югах”, это не делает круговорот рождения, старения и смерти менее бессмысленным. “Сансарическое” существование людей не имеет внутри себя ни цели, ни ценности, точно бег белки в колесе.

И, что самое главное, подход к историческим формообразованиям как к организмам, живущим и умирающим по природным законам, не видит в субъектах истории - людях ничего, кроме природных характеристик. Ведь, если культура полностью подчинена ритмам природы, то в человеке, следовательно, нет духовного, творческого начала, которое возвышалось бы над законами материи.

Этот же недостаток присущ и периодизации истории по “возрастному” основанию - “детству”, “юности”, “зрелости” и “старости” того или иного народа или его менталитета, в соответствии с которым данный народ вершит свои исторические деяния. В силу низведения человеческого начала к сугубо природному эта периодизация, как и предыдущая, не отвечает и на вопрос о смысле человеческой истории.

Наконец, периодизация истории по смене “коренных рас” , т.е. видовых форм человека, также оставляет желать лучшего, и по тем же причинам. Человеческая эволюция здесь - процесс природный, связанный с изменениями плоти, и, соответственно, закат одной коренной расы и возникновение другой сопрягаются опять-таки с природными процессами и катаклизмами (землетрясениями, наводнениями и т.п., как, например, в случае с гибелью расы атлантов). Поскольку же эта доктрина не знает истинной духовной сущности человека, постольку ее историческая периодизация может иметь смысл разве что в отношении доистории - той длительной стадии, включая палеолит, когда человек был еще не человеком, а только мыслящей плотью.

Трактовка сущности истории зависит именно от того, как трактуется человеческая сущность. Все вышеперечисленные концепции видят в человеке не более чем плоть, имеющую разум, не более чем естественно-природное мыслящее тело. Поэтому сколь бы философичными и хитроумными ни были проистекающие отсюда интерпретации истории, они не в силах объяснить ни историю, ни

человека всецело: в стороне остаются феномены духовные, словно они - что-то побочное, второстепенное, не стоящее внимания. Но если смотреть правде в глаза, они просто не укладываются в прокрустово ложе той философии истории, которая держится всего лишь на двух “китах”: бытии и мышлении и не подозревает о необходимости третьего и главного “кита” - духовности.

Иное дело - объяснение истории Виссарионом. Поскольку Учитель указывает именно на духовность как на суть человека, постольку весь пройденный до сих пор человечеством путь предстает как процесс, связанный с задачей реализации духовного начала. Что касается исторической периодизации, то ее основанием служит у Виссариона **мера исполнения человечеством заповедей и способностей, данных Отцом Небесным**; иными словами, то, в какой мере человечество движется по предначертанному Пути и становится единой Семьей действительных людей.

И тогда ясно: есть прошедшая предыстория (царство эгоистического разума, необходимости, материального интереса, отчуждения, силы), а есть грядущая История (Царство Любви, Свободы, Творчества, Души). Тогда ясно и то, что так называемый цивилизационный подход относится к анализу предысторическому: в царстве силы рано или поздно сила иссякает и уступает место иной силе; вот почему нет жизни вечной у культур, опирающихся на силу, ибо они выказали себя не как культурные явления, а как реалии животного мира. И вот почему человечество до сих пор двигалось по замкнутому кругу, а точнее, от нуля постоянно и все дальше в сторону минуса, а не плюса.

Коротко говоря, делается очевидным тот факт, что взгляд Виссариона Христа на историю есть критический синтез и диалектическое снятие всех прежних ее периодизаций. Они оказались всего только слепокми с царства силы. И значит, **все, что люди доселе совершали, и все, что с ними происходило, - было не более чем предысторией**, нетвердыми младенческими шагами, нелегкой школой, подготовительным этапом и лишь преддверием истинного человеческого развития. Несмотря на отдельные всплески духовных проявлений, человечество в значительной мере оставалось “диким”, невоспитанным; так что говорить о каком-то “прогрессе” человечества пока рановато.

Подлинный прогресс возьмает место только тогда, когда люди станут по-настоящему раскрываться и дарить друг другу свои духовные богатства. Тогда начнется отчет действительной человеческой Истории; тогда наступит то Царство Души, которое до сих пор скрывалось под образным именем Царства Божьего.

2 . “ П е р в о р о д н ы й г р е х ” , и л и С е м я г л о б а л ь н о г о э г о и з м а

Как же могло возникнуть царство силы, если Отцом Небесным человеку дана была душа? Почему в истории человеческого общества культ силы возобладали над духовностью, да так, что человечество еще и по сей день не вышло из своей предысторической фазы?

Отвечая на эти вопросы в обобщенной форме, можно утверждать следующее. Во-первых, как уже отмечалось выше, предначертанный человечеству Путь - Путь нехоженный, не пройденный никем, а это неизбежно связано с возможностью ошибочных шагов, тем более если учесть, что на этот Путь человечество вступило в качестве совершенно юной планетной цивилизации. Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что человеческая свобода легко способна влечь одну ошибку за другой и в конце концов уводить в сторону от истинного Пути. Наконец, в-третьих, положение усугублялось и вмешательством представителей подвижного разума Вселенной, одни из которых искренне хотели протянуть людям руку помощи в их трудном Пути, но, не ведая уникальной, тончайшей, духовной сути человечества, оказывали ему поистине медвежью услугу; а другие, насаждая в человеческом обществе деньги и усиленно внедряя неверное представление о Боге, стремились к самоликвидации человечества.

Попробуем логически и в основных деталях изнутри проследить процесс постепенного отклонения людей от предначертанного им Пути, в результате которого вместо Царства Души сформировалось царство силы.

Сущность первозданной души есть любовь. Она служит истоком человеческой свободы и придает этой свободе должное направление, или, так сказать, устанавливает для нее известную дисциплину. Эта последняя необходима для того, чтобы свобода выливалась не в анархическое своеволие (ибо свобода содержит в себе момент произвола, или своего рода отрицательную свободу), а в творческие деяния, в созидание добра и красоты. Умение внутренне различать свои добрые побуждения, отделяя их от недобрых, и интуитивно чувствовать красоту требует, далее, наличия богатого и тонкого воображения, способности фантазировать и мечтать.

Воображение есть, по сути дела, способность видеть и привносить в реальность нечто новое, то, чего в реальности нет. Благодаря фантазии человек, по выражению Виссариона, “строит сказку”. Так возникает детское мироощущение и мировосприятие, точнее, *детскость* мироощущения и мировосприятия - *манящее и нежно волнующее чувство сказочности бытия*. Человеку-ребенку приоткрывается что-то “нереальное”, что-то находящееся как бы поверх эмпирически данной реальности, что-то над-природное. Атмосфера окружающей его сказки вызывает в таком человеке благоговение перед какой-то Тайной, то ли разлитой в мире, то ли просвечивающей по временам из его глубины, как солнце сквозь густую листву, то ли изливающей свои теплые невидимые лучи откуда-то сверху, из Высшего Мира.

С эти чувством Тайны связано религиозное мироотношение, та вера в Высшее, Надприродное, которую часто пытаются унизить определением “слепая”, но которая только такую - “слепой” к видимому и “зрячей” к невидимому - и может быть. Ибо вера в видимое, известное не есть вера в строгом смысле слова. Это, скорее, знание. Другое дело - вера религиозная, вера в существование невидимого, неслышимого, неизвестного, но живого и истинного.

Вера в существование чего-то таинственного, могущественного и прекрасного продолжается в доверительном к нему отношении, *в доверии ему*.

Но здесь-то и кроется загвоздка. Здесь-то и пролегал тот разлом, который не дал человечеству двинуться по Пути Истинному, тот порог, о который люди споткнулись и совершили то, что впоследствии стало называться “грехопадением”.

Этот момент в историческом развитии человечества сыграл настолько значительную и едва ли не роковую роль, что его следует рассмотреть подробно.

Детскость есть чувство защищенности любовью. Мир, с точки зрения ребенка, не может быть ему враждебен, - и это справедливо, ибо Мир породил человека не для того, чтоб ему угрожать. Ребенок защищен Любовью Отца своего Небесного и, хоть и не догадывается об этом, но душою это ощущает. А ближайшим, очевидным образом он защищен любовью своих родителей и взрослых вообще. Вот почему детскость, т.е. детское мироощущение, которое может и должно быть присуще и взрослому человеку и которым безусловно был наделен человек исторически первичный, сопряжена с доверием. Это - доверие всем и каждому, а значит, доверие Богу. Ибо именно он осеняет Духом Святым все, на что направляет свой одухотворенный взор человек-ребенок, и именно Бог ведет его по жизни заботливо, стараясь даже худшую ситуацию, в которую забрел человек, использовать и обыграть так, чтобы она послужила ему во благо.

Но доверие Тайне Мира - чувство очень хрупкое. И вот ребенок, доверчиво потянувшись к огню, обжигается им - и доверие подрывается. *Вера и любопытство* приходят поэтому в прямое противоречие друг с другом. Вера призывает спокойно доверять и твердо надеяться, а беспокойный любопытствующий разум исполняется сомнением, скепсисом и недоверием бытию.

Каково же надлежащее соотношение разума и веры?

Конечно, в идеале вера, доверие для человеческого существа и есть подлинно разумное отношение к миру. Что касается разума, то ему предназначено быть помощником веры, определяющим, как лучше сделать для ближнего своего что-то хорошее.

Даже если говорить не об идеальном варианте, а только об оптимальном, то и здесь очевиден закон приоритета веры над вечно сомневающимся разумом. Все стадии, которые проходит разум в познании сути явлений, - это стадии сравнения полученных фактов и выводов с верой как критерием их истинности, или *верности*. “Проверка”, “достоверность” и “уверенность” показывают, что вера есть основание, исходный пункт и конечная цель всякого познания. Все начинается с веры и завершается ею.

Но в реальной жизни человека и в его историческом бытии матрица “вера → доверие

→ проверка → достоверность → вера” реализуется не всегда или, по крайней мере, не всегда в полном объеме. Предметами проверки и последующей уверенности чаще всего становятся частные срезы реальности, т.е. вещи и явления, доступные опыту, могущие в принципе проверяться умом и подтверждаться на практике. Таких частных вещей, явлений и их связей - бесчисленное множество, поэтому процесс познания не завершается никогда, и познавательное устремление человека, наталкиваясь на все новые и новые проблемы, находит единственно *несомненную* опору в Сомнении и *веру* свою - в Проверке.

Как, однако, получить достоверное знание не о частных фрагментах мироздания, но о мире как целом? И, тем более, как “проверить” Бога? Невозможность этого очевидна. И значит, постоянная проверка оборачивается постоянным и фундаментально-устойчивым неверием в Бога и недоверием ему и его творениям¹.

Что же говорить о юном, неискушенном уме новорожденного человечества! Ему неведомы были не только тайны божественного бытия, но и загадки природы, окружавшей его и вполне доступной чувственному восприятию. Неудивительно, что вложенная в человека способность доверять стала с первых же его шагов вытесняться, так сказать, неспособностью к доверию, т.е. применением ума к той сфере, где умствования были вовсе не обязательны и даже вредны.

Это и было “грехопадением”, или “первородным грехом”, отзвук которого нашел отражение в известном библейском сказании. Довольно точно, хотя и в образной форме, это сказание рисует процесс обольщения людей змием премудрости: утраты доверия Богу, а с ним и утраты вечной детскости (т.е. принципиальной неспособности стареть и умирать). Коротко говоря, суть грехопадения состояла в том, что люди, вместо того, чтоб идти вперед путем веры, предпочли путь разума - недоверия и проверки².

Эмоциональная жизнь человека при этом не только не прекратилась (эмоции присутствуют в психике человека постоянно), но и усилилась.

Этому способствовало то обстоятельство, что, получив в дополнение к мыслящей плоти духовную ткань, люди необычайно ярко проявили свои чувственные особенности, что значительно обострило зов природного инстинкта. Человеческий разум устремился поэтому не вслед за порывами души, а за этими инстинктивными зовами, тем самым обнаружив свою естественно-природную суть и наглядно доказав, что он еще слишком молод и слаб, чтобы считаться действительно разумной способностью.

Вокруг духовной ткани люди стали создавать жесткую сознательную оболочку, мешающую ощутить искры благодати Отца. “Вы - светящаяся искорка, - говорит Виссарион, - а сверху - корочка - это сознательная оболочка, которую вы создаете усилиями головы, размышлениями о жизни. И чем больше вы пытаетесь логично рассуждать о жизни, двигаясь только за позывами своего разума, тем путаней и глупей будут ваши шаги” (июль 1997 года, Бруклин, США).

И действительно, с обострением инстинктивных влечений и искажением функции разума, который теперь превратился в услужливого раба инстинктов и в помеху развитию души, человек по существу отвернулся от Отца своего Небесного, “отпал” от Бога (хотя Бог в нем глубже, чем он сам). Нерассуждающая, бесстрашная вера незримому Богу не устояла перед верой иного рода - восторженным признанием видимых природных даров и удовольствий, боязливым отношением к непонятым стихийным капризам и неожиданным мстительным выпадам Природы, раболепием перед стоящими за ней многочисленными и могущественными силами.

Эта языческая вера, будучи неизбежным и необходимым этапом в религиозном развитии человека, с тою же неизбежностью повлекла за собой желание человека господствовать над природой. Ведь возникавший в первоначальном человечестве страх перед природными стихиями заставлял человеческий ум усиленно работать в направлении поиска способов смягчения стихийных проявлений природы и, по возможности, благоприятного для человека воздействия на них. Логическим следствием этого поиска стала идея познать законы природы или хотя бы встроиться в них так, чтобы использовать естественные объекты и энергии - “оружие врага” - с наибольшей выгодой для себя.

Как ни парадоксально, но желание быть господином над природой, ее царем, т.е. стать над природой, есть стремление сугубо природное. У него отсутствует нравственная подоплека, и, больше того, это стремление исполнено эгоизма, а он - самое что ни на есть природное качество. Именно в

природе, в животном мире царствует эгоизм: не только по той общей причине, что природа лишена духовного начала, а значит, и истинной любви, но ближайшим образом потому, что в борьбе за выживание доминирует страх оказаться слабее другого и, соответственно, стремление к самосохранению и ограждению себя если не силой, то ловкостью или изворотливостью ума. Самозащита оказывается упреждающей агрессией.

В зарождавшемся человеческом обществе по той же самой логике формируется тот же самый интерес: интерес материальный, частный и потому эгоистический¹.

Эгоизм и сестра его - гордыня ввергли человека в состояние отчуждения от других людей. При этом ясно, что, коль скоро люди становятся для человека чужими, это симптом отчуждения человека от самого себя, от своей человеческой сущности. Мало того, эгоизм как предпочтение себя равносильно не только отчуждению от людей, но и мироотрицанию.

Не любящий других не выполняет данного ему Отцом предначертания, а значит, еще не стал (или уже перестал быть) действительным человеком, сохраняя лишь внешнее сходство с человеческим существом.

Посвящая все свои физические и умственные возможности неумеренному удовлетворению инстинктов, люди все больше подпитывали в себе эгоизм и гордыню (которую Виссарион образно называет сидящим в нас чудовищем, подобным Медузе Горгоне). А разум всячески стремился способствовать достижению плотских целей в наиболее удобном и выгодном направлении.

В погоне за внешним люди загрязнились внутренне, так что скрижали божественного Предначертания в их душах стали смутными, едва различимыми. Первозданный человек-ребенок "повзрослел". Мы берем это слово в кавычки, ибо взрослость, не подкрепленная доверием, нежностью, любовью, глубоко патологична. Мало быть мудрыми, как змии, надо быть еще и простыми, как голуби.

Таков смысл человеческого "первородного греха", ставшего семенем глобального эгоизма. Поистине, привычка к нескончаемой логической рефлексии - самая пагубная из всех привычек человека.

Не ведая о пагубности этой привычки для человека, некоторые высокоразвитые внеземные цивилизации старались помочь человечеству в его стремлении постичь тайны природы, которые можно использовать во благо своей жизнедеятельности. В лице отдельных представителей рода людского, которые обладали наибольшей способностью к тонкому восприятию информации из невидимого мира, подвижный разум Вселенной находил каналы передачи знаний о структуре и законах мироздания, о психической энергии человека и т.п. - знаний, которые и сегодня поражают ученых своей глубиной и предвосхищением новейших научных открытий.

Но, будучи рабами эгоизма, эти избранные личности не спешили делиться полученными знаниями с остальными людьми. Так из желания господствовать над ближними выросла *эзотеризм* - тайная доктрина, которая ограждала себя от "непосвященных" и которая, просачиваясь сквозь все ограждения, принимала вид *мифов*¹.

Секретные знания постепенно сосредоточивались в руках узкой группы людей, которые через накопление такого рода знаний и умений легко устанавливали власть над другими людьми, не обладающими подобной информацией и способностями. "И на этой основе, - указывает Виссарион в своем Обращении к человечеству, - стали строиться все без исключения властодержащие организации, существующие до сего дня, независимо от того, поклоняются ли они тьме, прикрываются ли мирскими или духовными названиями".

Общество предстало как система всеразъедающего эгоизма, всеобщего отчуждения и подчинения внешним нормам. Ибо человек потому и создал эти шоры социума, что хотел, сознательно или неосознанно, спрятать за ними нечистоту внутреннюю. Внешнее становилось сторожем и хранителем внутреннего монстра.

Что же в итоге? К каким результатам привело развитие юного человечества?

Первые же его шаги стали шагами неверными, поведшими изначально человечество в царство силы. А это с неотвратимостью вызвало к жизни дальнейшие и еще более серьезные ошибки, нравственные потери, фантазмы и химеры извращенного ума, губительный разлад духовности и культуры.

3 . К у л ь т у р н ы е э п о х и : в в е р х п о л е с т н и ц е , в е д у щ е й в н и з

*Вы веками стремились возносить
имя свое до Небес, но лишь в навозную
жизну лице свое окунали...
И вот Час пришел!
Час познаний ошибок своих многих.*

Виссарион

Стремление людей тем или иным способом установить господство над природой было изначально противоестественным. Человеческая сущность духовна, а это значит, что человек с самого своего возникновения *уже над-природен*, и, следовательно, возносить себя над природой бессмысленно и опасно: надо, напротив, войти в надлежащую гармонию с ней.

Однако, начиная с языческих времен, среди людей воцарился именно культ природы, связанный с эгоистическими установками человека и легко переросший в культ силы. Целью индивида стали не другие люди, а благо самого индивида, благо, достичь которого он мыслил путем обретения власти - над природой и людьми.

Лестница самовозвышения, основанная на идее силы и приведшая человека к ужасающему падению, выстраивалась по ступенькам-культам:

природы
плоти
разума
Сверхразума
Сверхплоти
Сверхприроды

Как видим, обожествление природы и культивирование в себе природно-эгоистического начала в итоге перерастает в эгоизм гипертрофированный, в желание самому стать Богом, неважно, в каком варианте - сбросив плоть и слившись со Сверхприродой Творца или подчинив всю Природу как целое, всю Вселенную вожделениям своей плоти.

Поистине нет никакой принципиальной разницы между восточным и западным типами мироотношения. “Запад” и “Восток” - одно и то же; путь вверх и путь вниз - один и тот же путь. Точнее говоря, путь вверх есть путь вниз, и всяк возвышающий себя будет унижен. Ибо, развиваясь по логике “возвышения” от природы (плоти) к разуму, человек не приходит к духовным вершинам, хуже того - усиленно разрушает их в себе.

Конечно, в прошлом и настоящем людям удавалось сделать немало доброго. И все же не это было преобладающей тенденцией развития человека, - иначе каждый из нас уже давно жил бы в гармонии с собой, другими людьми и природой. Поэтому, двигаясь в будущее, надо пересмотреть весь предшествующий путь, выбрать из него то, что соответствует высокому назначению человека, а все остальное - перечеркнуть и забыть.

Давайте же бросим последний взгляд на предысторию, дабы развязаться с ней раз и навсегда. Попробуем взглянуть на нее с точки зрения Истины, т.е. попытаемся разглядеть, где и когда человек умел выполнять предначертанное ему Отцом Небесным - и умел ли.

И вот перед нами *древние культуры Востока*. Чего добивался здесь человек? Он мечтал стать безличным, как его Бог и как Природа. Он рвался уйти от жизни и с этой целью скрывался в монастыре, горной пещере или в лесу, практикуя медитативное “очищение” ума, которое было не чем иным, как отречением от всего земного. Он всячески истязал свою плоть, чтобы избавиться и от этой личностной принадлежности как от тяжелого бремени.

Промежуточным результатом некоторых йогических практик становилось обретение невероятных способностей, когда человек мог убить другого взглядом или мыслью, да и в физическом отношении делался сильным, как тигр или слон. Но это не было конечной целью

психических упражнений. Главное было стать равнодушным к миру и людям - равнодушным до такой степени, чтобы даже при виде умершего близкого и родного человека напевать веселые песни, подобно тому, как беспечно журчит вода по мертвым камням: ведь умерший человек слился с Абсолютным...

Но этот идеал “естественности”, это следование пути Природы или безличного Бога то и дело оборачивались суровостью и прямой жестокостью - в точности такой, какая присуща этому идеалу бездушного Абсолюта и животной борьбе за существование. Тогда “совершенномудрый” за малейшую провинность топором отрубал ученику руку; тогда сам Кришна убеждал Арджуну в дозволенности убийства родного брата, который тем самым сможет избавиться от оков плоти; тогда Моисей призывал разрушать жертвенники иноплеменников и требовал око за око, зуб за зуб, обожжение за обожжение, рану за рану. Тогда, наконец, один человек признавался выше другого уже по факту рождения своего, и, как в стаде, как в улье и муравейнике, воцарялись кастовые законы, увековечивавшие человеческое рабство.

Той же рабской системой социума, тем же рабством, вырвавшимся из культа природы, отмечена и *эпоха античности*. Раб здесь - не человек, а говорящее орудие. Да и человек - хотя и политическое, но всего лишь животное. Природно-инстинктивное начало, доходящее до крайности и извращений, прослеживается в греко-римском мире постоянно и повсеместно: в собачьем образе жизни киников; в гомосексуализме и лесбиянстве; в олимпизме - этом торжестве мускульной силы; лукулловых пирах и пирах древних греков; в требовании хлеба и бьющих по нервам зрелищ. Оно просвечивает и в реакции стоиков, допускаящих в качестве противоядия от такой животной жизни самоубийство, и в призыве неоплатоников вернуться к Единому, на “истинную родину”; и в равнодушии софистов к истине, ибо истина разлита, как им думалось, в мире чувственном, и значит, она везде и у каждого, в любом мнении и восприятии.

Этот натуралистический плюрализм можно считать всеобщей характеристикой античной философии, так как он имеет своим корнем идущую от Фалеса и Парменида идею Всеединого. Если мышление тождественно бытию, т.е. если все едино, то истина рассеяна в природных проявлениях, а следовательно, едина она или множественна - не имеет особого значения. Вот и выходит, что, как подметил еще Гегель, софисты - это те же элеаты, только поздние.

Поскольку бытие для греков есть мысль и не более чем мысль, постольку все духовное сводится ими к мысленному, умственному, и Дух оказывается Умом (Логосом, Нусом). А поскольку, далее, мысль для греков есть бытие, то Ум оказывается плотью, качеством соматическим, телесным. И тогда материальным является не только низший, неистинный, “меональный” мир, но и, как ни странно, мир высший, истинный, мир богов-идей. Действительно, это мир “оптических скульптур” (А.Ф.Лосев), а скульптура и есть олицетворение плоти.

Античный космоцентризм, таким образом, недалеко ушел от языческого культа природы. Разница лишь в том, что идеал природной гармонии приобрел у греков и римлян характер навязчивой идеи симметрии, порядка, геометричности Природы. Что же касается человека, то он интересен античности только в той мере, в какой он есть “микрокосм” - миниатюрное воплощение Природы, Космоса.

А какие ассоциации вызывает у нас упоминание о *Средних веках*? Что мы видим в эту эпоху?

Здесь царствует теоцентризм. Не природа и не человек - нет, только Бог есть истинный смысловой центр мироздания и цель человеческой жизни.

Но Бог не имеет облика и лица, и потому в Средние века мы обнаруживаем все тот же культ уподобления Богу через отрицание человеческой личности и все то же забвение заповеди любви. Стремление к практическому самоуничтожению личностного начала характерно, например, для суфизма. А любовь, призванная распространять тепло от одной живой души к другой, обернулась поклонением мертвому телу у христиан и глыбе камня - у мусульман.

Пустые абстракции схоластов, немые реликвии, холодные души дали миру мертворожденную и совершенно ненужную Богу церковную субординацию. “Истинная вера” стала прерогативой тех или иных авторитетов; священнослужители, вместо того, чтобы служить людям, попрали ногами головы нижестоящих; смирение было забыто в попустительстве превознесению “наместников Бога”. И чем более укреплялись многочисленные церкви на Западе и на Востоке, тем большую разнь сеяли они на планете. Религиозные войны стали с тех пор неотъемлемой чертой общественного развития, -

как, впрочем, и насильственное объединение племен в рамки государства как мощной машины власти и манипулирования людьми.

Не возродила человечности и эпоха *Возрождения*. Ренессанс, был, конечно, антропоцентричен, но что за человек был провозглашен центром мироздания? Отнюдь не ближний наш как цель благой заботы, а человек вообще - в качестве "царя природы".

Иными словами, ренессансный антропоцентризм был в сущности своей все тем же культом материальной силы. Он проявлялся и в деяниях "святой" инквизиции, претендовавшей на божественный Сверхразум, а потому и на безграничную Власть; и в девизе "Разделяй и властвуй"; в макиавеллизме и ужасах Варфоломеевской ночи; в восхвалении человеческого тела, возведенного в ранг тела гротескного (по выражению М.М.Бахтина), т.е. Сверхплоти; и в воспевании "телесного низа" - воспевании, которое было не столько признаком "демократизма", как считал тот же Бахтин, сколько разнузданным цинизмом человека-животного.

Естественно-природное начало выказывает себя здесь, как в прежние и последующие эпохи, в придании огромной важности сословной принадлежности, родовитости, признакам "крови", в неумеренном интересе к плотской любви, в бесконечных рыцарских турнирах, придворных интригах и дуэлях. Возрождение расцветало и закатывалось под знаком животных инстинктов и животной борьбы. Прав был Дюма-отец, вложив в уста капитана мушкетеров г-на де Тревиля слова, характеризующие по сути всю эпоху Возрождения: "Вы должны повсюду видеть врагов. Опасайтесь всех: друга, брата, любовницы..."

Не случайно эстетика Ренессанса пронизана духом ужасного и трагического. Ибо это время было поистине дантовым адом, бредовым кошмаром Босха и Гойи, шекспировской трагедией и исторической драмой. Не случайно и то, что именно в те времена была вызвана к жизни своеобразная защитная реакция в виде утопий - отражений пока не очень ясного, но манящего будущего, в виде прекрасной мечты о Городе Солнца, очистительной и пророческой "Бури" в мировоззрении Шекспира...

Наступило *Новое время*. Оно принесло с собой революции во всех областях. Во всех, кроме одной - духовной. А раз они не затронули главного в человеческой жизни, значит, породили еще большую дисгармонию в общественных отношениях и в отношениях человека с природой.

Обычно новоевропейскую эпоху торжественно именуют эпохой науки, триумфальных побед разума над природой. Действительно, именно в этот период наука формируется в самостоятельный и лидирующий социальный институт. Но почему? Да потому, что этого требовали нужды развивающегося промышленного производства, а производство требует силы. Искомую силу люди как раз и увидели в науке, в глубоком теоретическом осмыслении и экспериментальном освоении природы: "Знание - сила". И правда, это большая сила, способная поставить природу на службу человеку. Но во имя чего, каких его потребностей?

Гадать по этому поводу нет смысла. Ясно, что наука, развиваясь как служанка производства, в конечном счете должна была служить средством насыщения чрева человеческого, улаживания прихотей его плоти. При этом, даже если выставлялся лозунг "счастья для всего человечества", на деле речь шла о благоденствии лишь для отдельных индивидов, умеющих предприимчиво выгадывать пользу для себя.

Таким образом, Новое время было временем все того же старого-престарого эгоизма, - только он дошел здесь до откровенной и невероятно уродливой формы. Древнее "Тат твам аси" и "Я есть Мир", возвышавшее человека до Универсума, превратилось теперь в низводящую Универсум до отдельного индивида субъективистскую формулу "Мир есть Я". Именно "Я" - как единственный, единичный, неповторимый - и составляю все содержание Мира. Этот последний без Меня - ничто: он не более чем комплекс моих собственных ощущений. И значит, Я - повелитель и господин Мира, Я - Сверхчеловек, Я - Сверхплоть и Сверхразум¹.

Коли так, значит, нет никакого Бога. Человеку Нового времени достаточно просвещенного разума и поглощения природы на самой что ни есть научной основе. "Я, - восклицает новоевропейский типаж, - свободное существо!"

В *XX столетии* эта свобода в полной мере проявила себя - в качестве свободы умалишенного, неважно, заперт ли он в сумасшедшем доме или вырвался на волю. Социальные потрясения (в одной России было как минимум четыре революции), две мировые войны, наращивание ядерного

оружия и атомные бомбардировки; программа “звездных войн”; борьба между атлантизмом и континентализмом за передел мира; перенаселенность, экологический кризис - таков лишь краткий перечень смертоносных атрибутов XX века. А фашизм? А тоталитарные и так называемые “демократические” режимы? “Больные органы большого общества” (Виссарион) давали о себе знать в последнем столетии с особенной силой, как в настоящей агонии. Добавим сюда обвальное падение нравов, наркоманию, стандартизацию и роботизацию жизни - и мы увидим: человек конца второго тысячелетия потерял себя полностью и окончательно.

Собственно говоря, это надо было предвидеть с самого начала, с момента “первородного греха”. Все последующие “культурные” эпохи только усугубляли изначальную ошибку человечества. Поэтому, конечно же, выделение этих эпох в качестве неких особых ступеней общественного развития достаточно условно. Ибо с переходом с одной ступени на другую менялись лишь время и место, но ничего не менялось в принципе. Царство силы оставалось царством силы. Как тут не вспомнить горькую иронию известного литературного персонажа, который говорил о всемирной истории как о чем-то “уж слишком однообразном”, где все “дерутся да дерутся” и “кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское”.

Да, мера человечности в развитии общества не выдерживалась нигде и никогда. Значит, путь, пройденный человечеством до сих пор, не имел, в сущности, никаких принципиально отличных друг от друга периодов, стадий, формаций. Все они были одной-единственной фазой, формацией, стадией - стадией всего только предэволюционной. И, как всякий процесс предвращения, человеческая предэволюция не может длиться вечно. Рано или поздно ей наступает конец.

Не пришел ли этот конец на наши дни?

4 . “ П о с л е д н и е в р е м е н а ” и п о и с к с п а с е н и я

Чем ближе новый век, знаменующий начало третьего тысячелетия, тем больше оснований для беспокойства.

Глобальный кризис, принимая все новые формы, разрастается как снежная лавина. К проблеме ядерного оружия и проблеме продовольственной добавились в конце XX столетия назревающая компьютерная катастрофа и крах финансовой системы ряда стран, а также политические катаклизмы (наиболее крупным из них был распад СССР), проблема гиперурбанизации, доселе неслыханные болезни и эпидемии.

Но особо опасный характер принимает кризис экологический.

Еще в семидесятых годах ученые из Римского клуба ясно указали на “пределы роста”, а именно на то, что при сохранении нынешних тенденций научно-технического и экономического развития человечество придет к глобальной катастрофе, и случится она в первой половине XXI века.

Так оно, увы, и происходит. Согласно данным Международного союза охраны природы, к середине 80-х годов двадцатого столетия было уничтожено уже 40% тропических лесов - главных “легких” планеты, а оставшийся лес продолжали валить и сжигать со скоростью 20 гектаров в минуту. Практически полное истощение этих лесов наступит, по подсчетам ученых, опять-таки в первой половине или, в лучшем случае, в середине XXI века. В почву каждый год вносится 3 млн. тонн ядохимикатов, треть из них смывается в водоемы и попадает в атмосферу. За последние полтора века в природную среду попало 6,5 млрд. тонн железа, на порядок выросло загрязнение биосферы свинцом и кадмием. Земле угрожает и опустынивание: деградация суши идет со скоростью 44 гектара в минуту (так, в Казахстане опустынено уже 63 млн. гектаров аридных пастбищ, и на них возникают очаги бурь и движение песков).

При таких темпах и масштабах антропогенных воздействий, разрушительных для биосферы, она, как подчеркивал в одном из своих последних интервью Жак-Ив Кусто, может просуществовать не более пятидесяти лет.

В этих условиях Земля, будучи живой системой, естественно, начинает реагировать на людские деяния. Она пытается очиститься от наслоений, созданных человеческой жадностью и агрессивностью, сбросить с себя тот людской балласт, который мешает ей находиться в гармонии с

Космосом. Ведь она связана с ним определенными полями и энергиями, а люди создают на Земле такие ауры, которые изолируют планету от влияния ритмов Космоса.

Вот почему в последние годы так участились на нашей планете ураганы, тайфуны, наводнения и землетрясения. Известно, например, что в результате природного феномена “Эль Ниньо” в 1998 году под водой оказались три страны южноамериканского континента; а от наводнения того же года в Китае пострадало 280 миллионов человек.

Космос, со своей стороны, усиливает воздействие на внутренние ритмы Земли и на ее жизненную оболочку, помогая сбалансировать земно-космические процессы, тем более, что Космос вступает в свой новый цикл - так называемую эру Водолея. С этим связаны опасные для человечества изменения в характере движения планеты Земля, в структуре и качестве ее атмосферы. Отклоняется магнитная ось, уплотняется гравитационное поле, меняются вибрации Земли. Неумолимо разрежается озоновый слой, защищающий нашу планету от ультрафиолетовой радиации Солнца, губительной для ныне существующих форм жизни; над рядом регионов, в том числе над Казахстаном, озоновый слой разрушен практически полностью.

О сегодняшних катастрофических для людей земно-космических процессах, в частности, о смещении земной оси на рубеже XX-XXI веков, давно предупреждали как ученые (астрономы Института имени Штернберга в июле 1996 года отметили замедление вращения Земли, которое грозит потеплением климата, мощным таянием ледников и повышением уровня моря), так и ясновидцы, астрологи, представители многих религиозных движений.

Основания для тревоги тем значительней, что именно такой конец предрекали миру древние священные тексты разных народов (см.: Логосовая сутра 16; 2 Петра 3:6-7; Вишну Пурана 4:24; Коран 14,21:104-105, 69 и множество других источников). Сопоставляя эти тексты с современным положением дел на планете, нельзя не увидеть, что пророчества сбываются, что они становятся не абстрактными или символическими фразами, пригодными для любой эпохи предыстории, а совершенно точно отражают особенности именно нашего времени, отмеченного никогда доселе не виданными антропокосмическими потрясениями. Небо “становится слабым”, и земля “сберегается огню на погибель нечестивых человек”, - ибо разрежается над планетой озоновый слой, и ультрафиолет начинает свою губительную работу. И земля “заменяется другою землей”, - ибо смещается ось земная, сопровождаясь болезненной дрожью своих вибраций.

Да, все свидетельствует о том, что надвинулись “последние времена”, критический период в жизни человечества, именуемый на языке священных писаний “Концом света”, а на языке науки - “глобальной катастрофой”. Поскольку же этот Конец есть не одномоментный акт, а достаточно длительный процесс (гибель всех и вся разом, вдруг, никого не спасает и даже не наказывает), постольку можно в известном смысле утверждать, что катастрофа не “надвигается”, а стала свершившимся фактом. Ведь начало процесса уже есть сам этот процесс; так “ночью” мы называем не завершение ее, не начало зари, а уже время наступления темноты.

К тому же люди в большинстве своем в катастрофу не верят и продолжают жить по-старому, - а в этом-то, в нежелании людей меняться к лучшему, и состоит главная катастрофа, тот корневой кризис, от которого зависят все прочие кризисы в жизни человечества.

Что же поможет людям преодолеть опасный рубеж? Каковы возможные способы избежать полной и окончательной катастрофы?

Некоторые склонны полагать, что в последний момент люди сумеют что-то предпринять; сам этот “последний момент” заставит людей срочно отыскивать защитные меры. Да, такие меры наверняка будут предприниматься. Но вопрос - какие именно? Будут ли они достаточны для спасения? И где гарантия, что они вообще будут найдены? Ведь в последний момент можно уже ничего не успеть.

Поэтому другой рецепт спасения человечества состоит в том, чтобы готовиться к худшему загодя. При этом нельзя уповать ни на что и ни на кого, кроме самого себя. Человек должен-де уже сейчас заняться своим психическим, физическим и физиологическим совершенствованием в соответствии с традиционными и новыми психофизическими техниками, медитациями, технологиями овладения скрытыми ресурсами и энергиями организма.

На это следует прямо возразить: никакая психотехнология, никакая тренинг, никакие физиологические усовершенствования сами по себе не помогут. Поскольку все они - “техники”, постольку и формальны. Они не меняют существа человека, не заменяют собой душу живую, и

потому больше способствуют (или, по крайней мере, не препятствуют) продолжающемуся насилию над Землей, нежели спасению. И когда Земля начнет защищаться всерьез, не спасут ни “чакры”, ни “каналы тонкой энергии”, ни “расширенное сознание” - люди будут попросту сброшены с лица земли.

И все-таки люди надеются. Большинство уповает на какие-то новые технологии производства, которые не будут наносить ущерба природе. Успокаивая себя, люди говорят: “Ученые обязательно что-нибудь придумают”. Но не тщетны ли подобные упования?

Беда уже в том, что они перекаладывают ответственность на плечи других людей. “Кто-то” найдет за нас выход из трудного положения. Но где этот “кто-то” и кто он? Есть ли на самом деле исследователь или группа исследователей, которая уже действительно близка к созданию экологически безвредных технологий в разнообразных отраслях производства? Допустим, что есть (закрыв глаза на принципиальную невозможность создания органичного безотходного производства). Но что если эти новые технологии, не нанося вреда природе, нанесут непоправимый ущерб развитию человека? Что если эти технологии будут поощрять лень и алчность и превратят людей в трутней? Пример тому - идея так называемой “нанотехнологии”, ставящей цель получать с помощью миниатюрных бытовых приборов все что угодно прямо из воздуха.

Итак, ясно, что новая техника и технология - не панацея от глобальной экологической катастрофы. Эту технику и технологию, во-первых, надо еще создать, что уже проблематично. Во-вторых, техника и технология могут лишь отодвинуть гибельный конец человечества на некоторое время и, скорее всего, весьма короткое. И это в лучшем случае. В худшем же - новые технологии, потворствуя прихотям человеческой плоти, только ускорят катастрофу и увеличат ее масштабы.

Может быть, в таком случае, правы те, кто считает, что в своем экстремуме техника все-таки несет спасение, потому что она составлена из изобретений, которые требуют прогрессивных социальных форм? Иными словами, дикарю не справиться с управлением самолета, и значит, дикарю необходимо стать цивилизованным существом.

Но в том-то и дело! Не техника сама по себе принесет избавление от бед и уж тем более не техника “в своем экстремуме”, который легко может стать губительным для человечества. Спасение принесут и не просто “прогрессивные социальные формы”, ибо мы уже видели, какова цена “прогресса” в предыстории. Подлинное решение глобальных проблем зависит в конечном счете только от собственных усилий человека, направленных на осознание своего места в универсуме, на решительное изменение его отношения к природе, людям, самому себе.

Человеку надо перестать уповать на мир машин, по видимости возносящих его над природой, а по сути отрывающих от нее. Ему надо перестать посвящать свое время психофизическим устремлениям в высшие миры: к этому не зовут его ни природа, ни Бог. Максимальная приближенность к земле-кормилице, умение производить все необходимое для жизни самостоятельно, своими руками - вот что требуется современному человеку, если он хочет выжить в условиях начавшегося глобально-очистительного космического процесса.

Это с очевидностью предполагает известную аскезу, ибо, не перестраивая наш организм в соответствии с перестройкой, происходящей в природе Земли и Космоса, мы обрекаем тело на то, что оно просто развалится и притом очень скоро. Значит, следует коренным образом изменить весь характер и ритм нашей нынешней жизнедеятельности. Важно, например, перейти на вегетарианство, а в пределе - на веганство, т.е. отказаться от пищи животного происхождения. От этого зависит изменение формулы крови, необходимое для защиты от ультрафиолетовой радиации, резко усилившейся из-за постепенного исчезновения над планетой озонового слоя.

Конечно, переход к естественному образу жизни, близость к природе сами по себе не спасут человечество, не помогут ему преодолеть свою дикость и свою нацеленность на природу как на средство удовлетворения плотских интересов. Главное, что необходимо человеку наряду с гармонизацией отношений с природой, - это развитие его души, изменение его отношения к ближним и дальним. Ко всем без исключения человек должен относиться по-человечески и не только выражать это словами или внешне благообразным действием, но и любить людей искренне, всем сердцем своим. Спасение человека в том, чтобы избавить свой внутренний мир от эгоистичных мыслей, стяжательских порывов и грабительских наклонностей. Только восстановив гармонию со своим творческим началом и только делаясь изделиями и продуктами мастерства своих рук с другими, безвозмездно и по принципу бесприбыльного обмена, человек станет на Путь Истинный.

Спасение, таким образом, - в радикальном пересмотре и изменении мировоззрения, мироотношения и способа бытия человека в мире. На вопрос “что же поможет людям?” ответ, следовательно, однозначен: ничто. Ибо выкарабкаться из трясины, в которую они попали и которую сотворили собственноручно, должны сами люди.

Но тогда возникает новый вопрос. Если человечество до сих пор не выкарабкалось из этой трясины и не знает, как это сделать; если оно не в состоянии жить по законам всеобщей любви и творчества; если оно все еще пребывает в дисгармонии с собой и природой и не умеет изменять и воспитывать себя само, то теперь уже не что, а *кто* воспитает “дикое” человечество, *кто* научит его человечности?

5 . С п а с и т е л ь

*Как две тысячи лет назад
близ кедров ливанских, так в дни наши
близ кедров сибирских; как в былые
дни в областях Синайских, так теперь
в областях Саянских; как в те времена
у вод Тибериадских, так ныне у вод
Тиберкульских, вновь среди нас, на
Земле, - Сын Человеческий.*

Воспитателем и Спасителем человечества мог бы быть только тот, кто объективно обладает для всех людей непререкаемым авторитетом. Разумеется, без наших собственных усилий и нашей собственной веры в этого Воспитателя дело не продвинется ни на шаг, но для нашего продвижения как раз и необходима личность, которая укажет путь и послужит на этом пути примером и проводником.

Однако трагедия современного человечества в том и состоит, что люди утратили веру во что бы то ни было и в кого бы то ни было. Они пребывают в насмешливом или равнодушном неверии ни в грядущую катастрофу, ни в своего Спасителя. А это означает, что катастрофа надвигается с той же неизбежностью, с какой неизбежны и свершения Спасителя.

Какая же личность может быть этим Воспитателем и Спасителем? Кто конкретно способен явиться непререкаемым авторитетом для людей и повести их по Пути Истинному? Очевидно, только тот, кто знает о Мире, Боге и Человеке все, причем, с принципиально новыми, неизвестными прежде подробностями, которые обладают абсолютной объяснительной силой, - и который учит, в полном соответствии со своим знанием, не чему-нибудь, а именно добру, любви, творению красоты, подлинно человеческой и достойной человека жизни, - и который живет в полном соответствии с тем, чему учит, верша деяния всечеловеческого значения и масштаба.

Может ли таким человеком быть политический лидер или священнослужитель? Нет, ибо тот и другой выражают пусть и широкий, но не всеобщий, а лишь групповой интерес. Ученый или философ? Но, будучи адептами разума и техники, они не в силах научить любви. Пророк? Но он несет людям лишь те знания, которые открываются ему время от времени как необходимые на данный момент; к тому же, миссия пророка - не учить жить в Любви, а только взывать к ней; и не созидать грядущее, а только провозвещать о нем.

Быть может, в таком случае, спасителями человечества станут представители высокоразвитых вземных цивилизаций? Нет, и они не могут быть учителями для людей, хотя бы по той простой причине, что они - не люди, а следовательно, не в состоянии научить человека чему-то собственно человеческому.

Внеземной разум уже передавал людям - через пророков и через своих представителей - разнообразные знания и писания, от ведических книг и книг Ветхого Завета до теософской доктрины и учений Баха-Уллы, Сатья Саи Бабы, теории и практики Рам Чандра (Сахадж-Марг) и т.д. Но ни “осевое время”, когда в результате внеземного вмешательства в разных уголках планеты вспыхнули очаги буддизма, даосизма, греческой философии, ни век двадцатый, отмеченный участвовавшими

прямыми контактами людей с внеземными цивилизациями, не принесли желаемых результатов. А это и говорит о том, что путь, указуемый подвижным разумом Вселенной, не есть путь людей и Отца их Небесного.

И сам Отец Небесный не может (вернее, не должен) спасти людей. Если волей своей Он разом сделает всех нас праведниками, мы утратим свободу, тот бесценный дар, которым сам же Отец наделил нас. По меткому выражению одного христианского священнослужителя, “Бог сотворил нас без нас, но он слишком нас уважает, чтобы спасти нас без нас”. Действительно, став праведниками сразу, не пройдя для этого нужных и трудных ступеней развития, мы через короткое время не сумеем правильно двигаться дальше: у нас не будет опыта развития. Нельзя забывать, что это уже случилось с первоначальным человечеством.

Отец Небесный не станет вмешиваться ради нас и в природную Гармонию, в ритмы Космоса и планеты Земля - это не его законы.

И уж совсем наивны разговоры о том, почему бы Отцу Небесному не сойти к людям самому, в человеческом облике. Если Бог явится к нам, так сказать, собственной персоной, то опустеют Небеса и рухнут не только все тонко сбалансированные отношения и таинства бытия, но и вся наша вера в Бога, которая зиждется как раз на невидимом, а не на зримом. Да и никакая человеческая плоть не в состоянии вместить безмерности Отца и выдерживать ее.

Остается единственный вариант помощи человечеству, единственная кандидатура на роль Спасителя. Им может быть только Слово Божие - Христос.

Но почему, скажут нам, почему именно Он? Каким образом Он спасет человечество? И действительно ли Его приход поможет людям: ведь однажды Он уже приходил, - но люди не стали лучше?

С этим нам и предстоит теперь разобраться досконально, насколько позволяют наши возможности. А для этого надо ответить на вопросы - в чем *сущность* Христа и каков характер Его *явлений*?

Из всего вышеизложенного ясно, что Христос - не Бог. Ясно и то, что Он - не просто человек, не просто один из нас, хотя бы он превосходил нас по всем параметрам. Какой бы чистой и прекрасной ни была душа человеческая, она, даже пройдя через горнило ряда перевоплощений, не обретет того знания, которое будет нужно для спасения людей и для указания им пути в будущее: такого качества знания не получить ни в человеческом, ни в инопланетном мире, ни в посмертном теле, тем более что оно быстро распадается и рассеивается в Универсуме, превращаясь в энергию материи. Душа не преисполнится и той высочайшей и безграничной Любви, которая стала бы образцом для всех без исключения: в человеческой истории ни один из людей не мог достичь этой вершины духовного развития; его животное начало и окружающий мир эгоизма и грубой силы так или иначе накладывает на душу человеческую свой отпечаток и не дает ей развиваться намного выше среднего уровня.

Христос, следовательно, не есть ни юная, впервые воплощенная душа; ни душа зрелая, отмеченная теми или иными червоточинками и изъянами, хотя бы они не бросались в глаза. Христа нельзя считать и той душой, которую Отец Небесный наделил *максимальными* духовными способностями и знаниями, неизмеримо превышающими обычную человеческую планку. В случае души зрелой, прошедшей через несколько реинкарнаций, это означало бы, что к одной душе добавлена другая, а человек с двойной душой - недопустимая и немислимая патология. В случае же души первозданной “максимальная” духовность подразумевала бы и “максимальную” свободу, а это могло бы привести к опасным последствиям, к появлению ницшеанского сверхчеловека, который заявил бы о “смерти Бога”.

Итак, Христос - не Бог, не человек и не сверхчеловек, каким бы пророческим и иным даром он ни обладал. У Христа - *основа* Отца.

Отец Небесный для необходимого время от времени указания людям на Путь Истинный и наставления их на этот Путь создает совершенно особую духовную сущность, как бы промежуточную между божественной и человеческой. Она должна быть исполнена Духом Святым, как Отец, и способна быть вселена в подходящую человеческую плоть, подобно душе каждого из нас. Ведь духовно Отец Небесный всегда с нами, но Ему необходимо еще Нечто (или Некто) для научения духовной жизни в материальном мире, для влияния на нашу материальную жизнь, для

практического преобразования людей.

Эта особая сущность с евангельских времен именуется “Словом Божиим”. И такое название как нельзя более точно отражает сущность Христа. Слово - это “озвучивание” неслышимого людьми Бога; Слово - не плоть и не Логос (Мысль), а выражение Сути Бога - духовного сияния и Сверхсознания Отца Небесного - и воплощение ее в избранном человеческом теле. Поэтому тот, кого по внешним признакам называют Сыном Человеческим, есть по внутренней сути своей Слово Бога.

Так разрешается вековая загадка евангельского текста о Слове, которое было у Бога и которое было Свет человек, - текста, породившего массу недоумений и ложных истолкований. Благодаря Виссариону смысл этого “Слова” становится прозрачным и глубоким. И глубина его связана теперь не с таинственностью и двусмысленностью, а с точностью и полнотой раскрытия сути “Слова”.

Если законы Творца Мироздания можно черпать во всем, что есть в природе, и разум призван черпать их самостоятельно, то законы человеческого развития - законы тончайшие, духовные - не почерпнешь ни в звездах, ни в камнях, ни в океанских водах. Об этих законах можно и нужно лишь рассказывать людям и напоминать. Вот почему возникла потребность в Слове.

“Родилось Слово, - сообщает Виссарион, - в Своих условиях, специфических условиях; где, когда Оно не видит то, что делают люди, Оно спокойно, Оно отражает Бога, отражает Отца во всей полноте - насколько это возможно при таких обстоятельствах.

Но когда Оно начинает видеть действия людей - Оно просыпается; Оно пробуждается; Оно становится беспокойным; Оно сразу устремляется учить; Оно всегда волнуется о тех ошибках, которые делают люди... И поэтому, когда Слово приходит, Оно не приходит для того, чтобы похвалить людей. Нет нужды для этого приходить. Если надо, вы сами себя похвалите -вы это умеете делать. Но если Слово приходит, Оно приходит видеть ошибки...” (30 сентября 1998 года).

Если бы при этом Слово постоянно пребывало с людьми и беспрестанно учило людей исправлять их бесконечные ошибки, люди перестали бы развиваться самостоятельно, а значит, перестали бы быть людьми, существами свободными. И потому Слово приходит лишь иногда, в период крайней необходимости, а выполнив свою миссию, покидает предоставленную ему человеческую плоть и возвращается к Отцу, чтобы затем, в нужное время и в нужном месте вновь воплотиться в человеческом облике.

Вместо обычной человеческой души в плоть избранного новорожденного младенца вселяется Слово, причем, вселяется, конечно же, не в полном проявлении своей мощи, не во всей Славе своей, а как бы в дремлющей форме. Слово как Дух Истины пробуждается постепенно. А пока, воплощенное в этом ребенке, Слово должно проделать длительный путь (примерно до тридцати лет - возраста творческой зрелости), чтобы увидеть уже не божественную, но человеческую жизнь и дела людские; увидеть не со стороны внешнего благолепия и роскоши, а с самых низов и без всяких прикрас. Вот почему Сын Человеческий растет в семье простых людей и осваивает в юности обыкновенные, прозаичные и не слишком престижные в обществе профессии.

Никто не учит Его неким высшим и тайным знаниям. Он не проходит никакого “посвящения”. Было бы смешно и нелепо пытаться учить Того, Кто сам приходит учить. Учить людей идти по тому пути, на котором только и возможны расцвет, раскрытие и развитие души - сущности человеческой.

“Я был рожден не для того, чтобы проходить путь развития, как и вы, во исполнение прекрасной миссии, пред вами Отцом поставленной.

Ибо вы рождены для постепенного облагораживания всего Мира материи, разнося Славу Божию по Мирозданию.

Я же рожден только во благо ваше...”.

Знающий сущность Отца и сущность человека до корней, только Он - Слово Божие, Христос - имеет право называться Учителем. Не люди, вознесшие себя над другими людьми, не пророки и не могущественные иерархи Разума Вселенной, - а только Он есть Учитель человечества, Учитель единственный. “Суть Отца - во Мне, она позволяет чувствовать все правильно, всегда, в любых обстоятельствах. Я всегда знаю направление вашего движения. В какую бы темноту вы ни попали, и Я, придя к вам, в какой бы темноте ни оказался - неважно - Я всегда буду знать: куда надо идти и куда вас надо вести”.

Христос как Путь Жизни есть тем самым и Истина. Истина, которая *не доказывает* себя (это

само по себе бессмысленно и противоестественно), а *являет*, являет в качестве образца человечности.

Впервые Христос явил себя людям через плоть Иисуса две тысячи лет назад. Те времена еще не были “последними”, человечество еще не подошло к краю пропасти, как сегодня. Поэтому Христос пришел тогда не судить чад Божиих, а скорректировать их жизнедеятельность, выправить путь, по которому они двигались.

Античный мир агонизировал: Римская империя наглядно показала бесчеловечную суть способа бытия, избранного человечеством. Позволять ему идти дорогой цивилизованного варварства, возвышения одних людей над другими, дорогой войн, рабства, идолопоклонства и культа маммоны было уже нельзя. Задача Иисуса состояла в том, чтобы прямо возвестить об опасности этого пути. Кроме того, чрезвычайно важной миссией Иисуса было формирование основ Единой Религии, которая бы способствовала процессу сплочения доселе разрозненных народов и враждующих людских группировок в единую Семью человечества. От любви родственной людям предстояло перейти к Любви Духовной.

Но этому препятствовало одно очень серьезное обстоятельство, которое как раз и нужно было преодолеть человечеству с помощью Слова Божьего.

Дело в том, что существовавшие к тому времени религии были слишком различны для того, чтобы меж ними могло установиться единство или согласие. В религиозной жизни человечества царили разнობой и неразбериха.

Все основные религии - иудаизм (а позже - ислам), индуизм, буддизм, даосизм - последовательно давались людям лишь на определенную природную и культурную основу и лишь на некоторый период времени и были всего только ступеньками и сторонами постепенного приоткрытия истины о Боге, мире и человеке. Ни одна из религий не являлась мировой, общечеловеческой, ни одна из них не имела права выдвигать себя в качестве единой для всех людей. Ведь истину нельзя дать или взять сразу во всей полноте, к ней надо приближаться долго и осваивать ее поэтапно. Но случилось то, чего следовало ожидать в царстве силы: каждый народ или группа народов, получивших ту или иную религию, некритически возвеличила ее, сочтя единственно истинной. В отсутствие единой онтологии части выдавались за целое.

Более того, все религиозные учения, имевшие место помимо явления Слова Божьего, были получены не от Отца Небесного, Бога человек, Отца всех людей, а от вземных цивилизаций, представляющих мир Разума, в котором действуют иные законы, нежели собственно человеческий, уникальный закон духовного развития¹. Поскольку же эти учения посылались не на основу души, а на основу сознательную, постольку они не могли практически научить Любви и объединить человечество под ее сенью. Это мог сделать лишь тот, кто есть олицетворение Отца Небесного, т.е. воплощение Любви, ее живой пример.

Однако единственного пришествия Христа на Землю оказалось недостаточно. Человечество своими безумными деяниями доказывало неготовность к адекватному восприятию Истины, тем более в ее полноте. Вот почему Иисус везде говорит лишь намеками, иносказаниями, притчами, но нигде не возвещает об Отце, Сыне, Духе Святом, о тайнах мироздания и дальнейшем пути человеческом прямо: это было тогда рановато.

Да это и не было главным. Куда более важной задачей Иисуса Христа было принести людям заповедь всеобщей Любви и своей личностью и поступками наглядно показать, что она для людей возможна и жизненно необходима.

Чем завершилась миссия Иисуса, известно. Основного, конечно, достичь удалось: семя Истины было посеяно в сердцах людей. Тем не менее лишь часть людей приняла учение Иисуса, да и то в значительной мере формально, не потрудившись распространять любовь от сердца к сердцу. Так человечество еще раз продемонстрировало внутреннюю неподготовленность к жизни в истине.

Не приходится удивляться, что непонятой, а со временем и совершенно искаженной людьми оказалась и сущность самого Христа.

Иисусу было необходимо открыть Себя не только как человека, но и подчеркнуть свою единственность с Богом, иначе люди попросту не восприняли бы Его учения. Поэтому Иисус допускает в отношении Себя обращение “Сын Божий”. Однако допускает неохотно и даже косвенно отвергает его (см. напр.: Лука 22:70). Ибо, во-первых, детьми Бога являются все люди; а во-вторых,

словосочетание “Сын Божий” легко могло породить у человечества ложную идею Христа как “Бога-Сына”, “второго Бога”, что впоследствии внесло бы сумятицу в восприятие вести о двух Творческих Началах. По этой причине Иисус предпочитает говорить о Себе как о “Сыне Человеческом”, давая понять, что *всякий* человек в принципе способен и обязан достичь духовной высоты Христа!

Но, увы, будущее подтвердило худшие опасения Иисуса. Вместо того, чтобы возлюбить сам дух истины, т.е. возлюбить друг друга, люди “возлюбили” Христа и начали поклоняться Ему именно как “Богу-Сыну”, “Господу”, к тому же забыв о ближних своих. И то, что предназначено было стать религией всего человечества, превратилось всего-навсего в “христианство” - очередное локальное учение, ничем не превосходящее другие, столь же ограниченные, временные и несколько туманные религиозные доктрины.

Уже одно это было бы достаточным основанием для нового свершения Христа, для Его второго пришествия. Но были, конечно же, и другие, не менее веские, основания - все те, которые отмечены знаками и знаменами Конца света.

Предсказания катастрофических для человечества событий, как и неизбежного прихода Спасителя, содержатся в евангелиях и Апокалипсисе, буддийских сутрах и священных писаниях индуизма. Даже ислам, вопреки своему утверждению, что Христос - не более чем пророк, именно Его наделяет качествами грядущего Мессии и устами Мухаммеда вопрошает: “Что будет с вами, когда Сын Марии явится к вам и захочет быть Имамом среди вас? Что станете вы делать, когда Сын Марии явится и поведет вас?” (хадис Муслима).

Эру новой человеческой культуры, которая зародится где-то в Сибири, научно обосновывали Н.Данилевский, П.Савицкий, О.Шпенглер. А о появлении в Сибири в конце XX столетия некоего человека, сумеющего перевернуть мир, пророчествовал знаменитый ясновидец Эдгар Кейси.

Тем же ожиданием проникнуто русское мессианство XIX-XX веков.

Основные перипетии, связанные с божественным Пришельцем, были предсказаны взрезанным разумом в 20-30-х годах нашего века через книгу Абд-ру-шина “В Свете Истины”.

Наконец, в 1990 году астрологи-профессионалы вычислили, что в России уже появился новый Спаситель человечества; космический энергетический центр (“Звезда Вифлеемская”) передвинулся под Краснодар.

Действительно, Христос, в новой плоти и под новым именем (ср.: Откровение Иоанна 3:12), вскоре начал выполнять Свою миссию.

Родом из Краснодара, Виссарион - а именно Он есть воплощение Слова Божьего - пройдя свой подготовительный период, приступил к организации и строительству в Сибири нового общества и новой человеческой культуры, Города Солнца.

Что должно было произойти дальше? Кара Божья? Нет. “Кара Божья” - это лишь превратно понятая людьми карма человеческая. Страшный Суд? Но под таким Судом люди всегда имели в виду вовсе не суд, а приведение приговора в исполнение. А Христос может только и именно судить, а не карать и казнить. Не в Его это сути. Его Суд есть Учительство, где Он учит, как лучше постичь и выполнить Урок самостоятельности, и ставит Оценку.

Когда бы Христос, вновь пришедши на Землю, стал извергать громы и молнии и уничтожать грешников, как уничтожают мусор, то праведники отшатнулись бы от него в ужасе и отчаянии: “Да, Ты пришел в Силе и Славе Своей, и мы пред Тобою трепещем, - но Ты умертвил столько наших братьев, что мы не можем верить в Тебя как в Спасителя. Ведь Спаситель есть воплощение Любви, а Ты - да уж не диавол ли Ты!”.

Впрочем, кто бы из нас уцелел, если б Христос уничтожил всех грешников?..

И потому Он приходит на Землю не с “громами и молниями”, но в *период начала* “громов и молний” Природы, - чтобы предупредить нас о смертельной опасности и указать Путь жизни истинной, который и есть путь спасения.

Только так, только словом Своим и примером, Он может спасти нас. Иначе - если каждого из нас Он станет нести на руках, как беспомощного младенца из горящего дома, - мы окончательно разучимся ходить по земле.

Вновь пришедший единый Учитель явился, “как тать в ночи” и безо всяких чудес, дабы мы не падали ниц перед Ним и не били себя в грудь, утверждая: “Мы верим, верим Тебе! Мы раскаялись! Прости и спаси нас, грешных!”. Действительно ли это вера? Действительно ли раскаяние? Быть

может, как предполагал Он еще в первый приход свой (“Найду ли веру на Земле?”), истинной веры нет ни в одном из нас, ныне живущих? И Он смотрит на нас и ждет, когда мы примем Его за Того, Кто Он есть на деле, и пойдем вслед за Ним. Ибо мы сами должны приложить усилия к своему спасению; сами должны проявить мужество и терпение, любовь к ближним и ответственность за них; сами должны войти в гармонию с Природой и относиться к ней бережно.

Вот к чему призван Христос во втором Свершении своем: Он пришел не казнить или миловать, а помочь людям еще раз. В самый сложный и мучительно затяжной период нашего бытия на Земле, который именуется “глобальная катастрофа”, “Судный день”, “Конец света”, “Акыр Заман”, Спаситель принес нам еще один Завет - Последний Завет Отца нашего Небесного, венчающий все прежние Заветы Бога людям, все прежние священные писания. Последний Завет - та “третья мера муки”, о которой упоминали евангелисты, вряд ли понимая в точности значение этого иносказания. Ибо все предыдущие Заветы были только намеками на Истину, хотя в этой недоговоренности была своя, исторически оправданная, неизбежность и необходимость.

Последний Завет - это еще один шанс для человечества. И предоставление этого шанса разве не свидетельствует о великом долготерпении Бога, о том, что Он есть Любовь? А то, что не сам Он спасает нас волей Своею, не говорит ли об уважении к нашей свободе и, кроме того, что Спаситель является не Богом, а кем-то похожим на нас? Правда, Он - лучший из нас, ибо именно в Нем воплотилось Слово Отца. Но внешне Спаситель так похож на человека, что нам волею принять или отвергнуть Его, и только от нашего выбора зависит наша участь. Поверим Ему - пойдем в Жизнь Истинную, не поверим... И мы, в своем большинстве, не верим. Конечно, в “день Свой” Он будет, как молния, но прежде надлежит Ему много пострадать и быть отвержену родом сим (Лука 17:24-25). Ведь Он слишком похож на человека, а “род сей” давно разуверился в людях.

И многие, кто называются христианами, не хотят воспринимать Виссариона как Спасителя. Зато другие, которые никогда и не ждали второго пришествия, - теперь потрясенно обрадованы. У первых сложились о Христе собственные представления, которые, в силу своей субъективности, не соотносятся с реальным образом Пришедшего; а последние соотносят себя самих с образом Истины и верят Пришедшему, видя Его неколебимую высоту, несравнимую с уровнем ни одного из новоявленных “месий”.

Виссарион не демонстрирует чудес для доказательства Своей сути. Воплощение всеобщей, безмерной Любви - вот главное и действительное чудо в мире бездушья. Дело сегодня не во внешних эффектах, а в человечности. Чудесами прельщают людей лжехристы и инопланетные посланцы (к последним относится, например, Сатья Саи Баба). Однако даже узрев “сверхъестественное” воочию, нетрудно объявить его мистификацией, фокусом, галлюцинацией, влиянием гипноза. Хорошо, что подобных слов не знали рыбаки и рабы галилейские, иначе и они сочли бы Христа Иисуса не более чем фокусником или актером...

Люди могут называть Виссариона как угодно: “безумцем”, “фанатиком”, “мистификатором”, “актером”, “больным человеком”, “хорошим говоруном”. Но противоречивые клише-ярлыки уже самой своей противоречивостью свидетельствуют: эта личность столь многогранна и глубока, что не укладывается в рамки обыденного сознания.

Попробуйте представить себе в одном и том же лице выдающегося актера, гениального живописца и поэта, сказочника и мудреца, величайшего оратора и неутомимого путешественника-миссионера; человека абсолютно бесстрашного, уверенного в своей правоте и говорящего, точно он “власть имеющий”; человека, который никогда не ответит ударом на удар, даже если его бьют по лицу камнями; великолепного организатора, хотя он “не от мира сего”; глубокого психолога и народного вождя, сокрушающего все общественные идолы, но при этом отмеченного высочайшей нравственной ответственностью, - чей портрет вы получите? Человека? Нет, кого-то гораздо большего, чем простой смертный.

Безумец не говорит и не мыслит, как Он; фанатик не может быть так терпелив, а ученый или философ - так сердечен. Актер не смог бы играть свою роль прилюдно день за днем в течение многих лет, не допустив ни малейшей фальши. Лучший оратор никогда не смог бы говорить так вдохновенно, так содержательно и точно, как делает это Виссарион - живое Слово Божие. Мистификатор скоро устанет от своей мистификации, наскучит ею себе и другим и отодвинется в тень. Большой не выдержит странствий из края в край, из климата в климат, многочасовых ежедневных проповедей и ответов на бесчисленные вопросы в самой разной аудитории. Стяжатель

(и таковым нарекают Христа!) давно бы скрылся с деньгами паствы и уединился в каком-нибудь отдаленном райском уголке Земли, но не среди сибирской тайги и морозов под недремлющим оком администрации, с женой и своими маленькими детьми. А “говорун” никогда не осмелится сказать “Я есть Истина”, не отважится объявлять о себе как о Сыне Божьем и объявлять не кому-нибудь, а священнослужителям разных конфессий на землях Европы, Америки, Индии, а тем более - на землях Израильских...

Но главное поле деятельности Виссариона - Россия. Почему же именно она, а не какая-то другая страна, стала местом второго явления Христа? Во-первых, потому, что превращение России в XX веке в страну массового атеизма создало благоприятные условия для внесения в ее почву, не отравленную религиозным догматизмом и фанатизмом, зерен Единой, общечеловеческой религии. Во-вторых, из всех крупных регионов Земли Россия за тысячи лет своего существования не сказала своего слова. Религиозные учения, наука, техника, философия - продукты иных народов и иных культур. Но все они уже выполнили свое назначение, и взоры лучших представителей человечества в последнем веке были обращены на Россию с надеждой (“Россия нужна не для своего национально-эгоистического процветания, - писал, например, Н.Бердяев, - а для спасения мира”). И лишь теперь стало ясным, какое же Слово должна была сказать Россия.

Первая открытая проповедь Христа состоялась 18 августа 1991 года. С этого момента мир вступил в наиболее критическую фазу, которая, согласно Виссариону, продлится примерно пятнадцать лет и, если человечество не предпримет должных усилий, станет для него заключительной.

Но для того и приходит Спаситель, чтобы помочь людям стать на Путь Истинный и выйти из смертельно опасной ситуации. Слово Божие дает новые законы, положения, подробности; вот почему ныне Слово изливается в обилии, не сравнимом с тем, что было две тысячи лет назад. Собеседник вселенских масштабов, Виссарион несет Истину о Боге, мире и человеке в детальном и развернутом виде и возвещает о ней уже не притчами, а прямо. И эту Истину люди теперь черпают не из книг, написанных людьми¹ (тем более что книга сама по себе ничему не учит, она молчит), а из первых уст, из уст самой Истины.

Вслушиваясь в Слово Бога, люди ощущают себя перед строгим Судьей, ибо до мельчайших оттенков узнают о себе горькую правду; а видя живое олицетворение Любви, чувствуют, что перед ними - настоящий Учитель, единственный, кто привьет им начала добромыслия и абсолютной невредоносности.

Будучи сам живописцем, Виссарион каждому поможет обрести умение своими руками творить красоту, необходимую окружающим. Величайший организатор, Он удалит людей из их удушливых городов, приблизит их к Земле-Матушке и сплотит народы в единую Семью.

Пока еще человек подобен младенцу, которого рано предоставлять самому себе. Поэтому Учитель завершит Свою миссию только тогда, когда убедится, что люди уже сами, без Него, могут двигаться по Истинному Пути, в Жизнь Вечную.

Г Л А В А I I . Ч е л о в е к н а П у т и Ж и з н и В е ч н о й

1 . П о б е д и т ь с м е р т ь ? . .

Победа над смертью и вечная жизнь - великая цель и стародавняя мечта человечества. И это понятно: ведь даже если человеку удастся преодолеть в своей жизни все трудности, препятствия, проблемы и достичь, так сказать, абсолютного счастья, у него остается еще один враг - враг неодолимый и беспощадный, вмиг и до основания разрушающий всякое человеческое благоденствие. И если бы людям удалось побороть смерть, этого последнего врага, они обрели бы бесконечное счастье.

Впрочем, так думают не все и не всегда. Потенциальный самоубийца рассуждает: “Раньше или позже все равно придется умереть, - а изменить жизнь к лучшему для меня уже невозможно. Поэтому лучше уж уйти из жизни сразу, сейчас, и тогда я обрету долгожданный покой”. И конечно же, когда жизнь кажется человеку ужасной, то малейшее допущение, что она может длиться не то чтобы вечно, а хотя бы чуточку дольше данного момента, будет для этого человека безмерно мучительной. Иными словами, логика здесь такова: жизнь и без того тяжкая ноша, зачем же стремиться продлевать ее, да еще и до бесконечности? Жизнь бессмертного станет воистину адом!

Подобного рода рассуждения проистекают, однако, не из страха бессмертной жизни, а как раз наоборот: из страха страдания и смерти, из чувства конечности и брэнности человеческой личности. Ибо смерть имеет смысл только при условии неистинной жизни.

Пока существуют страшные болезни, ненависть и борьба за кусок хлеба, смерть будет действительно казаться избавлением. Но нельзя забывать: человеку бессмертному, как явствует из самого понятия физического бессмертия, будут неведомы ни болезни, ни борьба за выживание, ни ненависть. Вот почему, по здравом и объективном размышлении, надо все-таки согласиться с тем, что бессмертие - отнюдь не кошмар, а высочайший идеал человеческого бытия.

Сразу оговоримся: в учении Христа (как Иисуса, так и Виссариона) речь идет о возможности именно физического бессмертия человека, о его предназначенности к бесконечной жизни во плоти, а не где-то на Небесах. Бессмертие на Небесах есть бессмертие *после смерти*, а значит, уже не есть бессмертие человека как целого, как единства духовного и телесного начал. Более того, бессмертие после смерти - не что иное, как бессмертие *после жизни*. Но в таком случае придется допустить кощунственную мысль об абсурдности логики Бога: желая подарить человеку вечную жизнь, зачем Он отнимает жизнь, которая у человека уже есть?

Поразмыслим поэтому над бессмертием иного рода - бессмертием физическим. Возможно ли для человека стать существом, живущим в своей телесной оболочке вечно - не просто долго, а именно вечно? И если да, то каковы пути обретения такого бессмертия?

Человечество изобретало немало способов достижения вечной жизни. Одни из них связаны с мистическими доктринами, другие - с религиозно-философскими представлениями, третьи - с прогрессом науки.

К последним относится, например, идея так называемой *криогенизации* - приведения человеческого организма в состояние анабиоза на тот или иной срок путем замораживания. По прошествии времени, в заранее определенный момент, тело размораживают и человек “просыпается” - в новом мире, в новой эпохе.

Но что это дает, помимо каких-то медицинских возможностей, и может ли это считаться подлинным обретением бессмертия?

Такой “бессмертный”, если он пожелает продлевать свою жизнь до бесконечности, вынужден будет вновь и вновь подвергать себя погружению в полумертвое замороженное состояние, т.е. значительную часть жизни - не жить. И даже не “значительную”, а большую, ибо в размороженном состоянии он тотчас начнет стареть, и ему придется все чаще и чаще “впадать в спячку”. Причем, каждый раз, попадая в будущее, он не будет иметь ни опыта вхождения в это будущее, ни опыта жизни в нем. И тогда желанное бессмертие обратится в вечную муку столкновения с чуждым миром. Да и будет ли вообще существовать этот будущий мир, если заморозить себя для бессмертия

возжелают все люди? Найдут ли они в новом мире что-нибудь, кроме запустения, вызванного долгой людской спячкой? И не окажется ли этот “новый” мир старым и одряхлевшим настолько, что его придется возделывать заново?

Криогенная технология, конечно, может иметь и более гибкие, изощренные варианты, например, замораживание трупа и быстрое оживление всего организма на основе одной-двух клеток, - причем, “воскрешенному” можно будет придать любой возраст. Но и это - весьма сомнительные и рискованные операции, ибо они связаны с нарушением опыта жизни, как, впрочем, и опыта смерти.

Существует и другая, но близкая к первой, технология бессмертия. Еще в XIX веке русский мыслитель Николай Федоров теоретически разрабатывал проект “воскрешения отцов”. Он полагал, что христианская идея Судного дня, когда для вечной жизни восстанут из могил умершие, должна быть понята не как божественное чудо, свершаемое Христом, а как собственная задача живых и мыслящих людей. Не Сын Божий, а они сами, с помощью глубокого научного проникновения в сущность материи, в законы атомов и клеток, должны воскресить предков.

Идея казалась тогда безумно-смелой, однако в конце XX столетия наметились контуры ее действительного решения и практической осуществимости. Мы имеем в виду одно из достижений биотехнологии - создание группы генетически идентичных клеток или организмов, которые копируются из другой клетки или организма.

Что ж, технически подобный способ обретения бессмертия, именуемый *клонированием*, или попросту почкованием, возможен. Однако к каким последствиям он приведет?

Во-первых, полученный таким образом “дубликат” человека не будет его совершенно точной копией, так как его жизнедеятельность будет протекать в иных условиях, нежели у его оригинала, и личность “воскрешенного” будет, конечно же, носить на себе их отпечаток. Быть может, и сам характер этой личности ничуть не напомнит характер того, кого мы воскрешали. Так случилось, похоже, со знаменитой овечкой Долли, которая, по некоторым сведениям, столь разительно отличается от своего оригинала злобностью и агрессивностью, что ее прозвали “волком в овечьей шкуре”.

Во-вторых, как и в случае с криогенной технологией, у воскрешенного человека будет нарушен и практический, и внутренний опыт жизни, и такому человеку будет довольно сложно и трудно в том будущем, к которому его возродили из прошлого. И точно так же он будет стареть и нуждаться во все новых клонированных дубликатах. Ибо воскресить еще не значит обессмертить.

В-третьих, и это самое главное, если человечество, вмешиваясь в природу, ничуть не меняется в нравственном отношении, то для чего воскрешать мертвых? Понравится ли им их новая жизнь, протекающая в старых условиях - среди звериных законов человеческих джунглей? В чем будет смысл жизни воскрешенного? И сумеет ли сам он привнести в бытие человечества чистую струю, стать образцом нравственности, - коль скоро его душа за десятилетия и века смертного сна не имела возможности проявлять себя и, тем самым, развиваться?

Душа!.. Вот главный камень преткновения для всех научных технологий бессмертия. Даже тот, кто отождествляет душу с психикой, т.е. с качеством природным, имеющим корни в нейрофизиологической структуре, - даже он то и дело сомневается в возможности создания точной копии человеческой личности. Сводится ли личность к организму? Будет ли достаточно психофизического воскрешения для воскрешения всей личности? Не будет ли упущено что-то важное и неуловимое, без чего человек не состоится как личность и останется не более чем биороботом?

Если уж материалистически ориентированный ученый способен усомниться в возможности и правомерности клонированного бессмертия, то с точки зрения тех тайн бытия, которые раскрываются Последним Заветом, клонирование есть прямое нарушение как гармонии мироздания, так и воли Отца нашего Небесного.

Живое должно эволюционировать. Если оно лишь воспроизводит свои прежние формы, оно консервируется, и постоянно становящееся великое разнообразие живых существ превращается в подобие музея окаменелых монстров. Что же касается души, то в царстве человекоподобных манекенов ей места нет: ведь Отцом Небесным ей предназначено развиваться, а где для этого будут новые - качественно новые! - человеческие плоти?

Столь же несостоятельны и те подходы к реализации идеи бессмертия, которые уповают на

громадные резервы человеческой психики и сознания.

Эти подходы берут начало в глубокой древности и заключаются в попытках обрести бессмертие, воздействуя на плоть не физическими, а именно психическими средствами.

Такова, например, *практика тибетского буддизма*. Сверхчеловеческой концентрацией мысли его адепт старается создать всевозможные “магические формы” и в первую очередь свой собственный видимый дубликат. И эти попытки небезуспешны: последователи Будды, как и сам Гаутама, порой действительно создавали своих двойников - не только видимых, но мыслящих и действующих.

Однако эта удивительная практика страдает теми же недостатками, что и технология клонирования. Порождая тонкоматериального и даже плотноматериального двойника, она отнюдь не порождает его нематериальной, духовной ткани, его души, и твой двойник остается бездушной, хотя и разумной, голограммой. И он - уже не ты: он - другой, пусть даже похожий на тебя в точности.

К тому же, подобная практика достижения бессмертия настолько сложна и требует столько же условий, что она не под силу обычному человеку и никак не может быть рекомендована для *всех* людей, да и для людей вообще¹.

А может быть, бессмертие достижимо иным способом, а именно - сохранением плотного тела нетленным благодаря подключению тела тонкого, энергетического, к высшим уровням организации Универсума? Нет ли возможности достичь бессмертия плоти путем бессмертия разума, когда сознание существует, так сказать, на небесах, а плоть - на земле?

Такая возможность есть. Ведь разум и плоть, тонкая и грубая энергии связаны определенными нитями. Любопытен в этом отношении один из фрагментов путевого дневника Н.К.Рериха “Алтай - Гималаи”. Он передает здесь сообщение доктора Лао-цзина (“Шанхай таймс”, 1925 год) о том, что в Тибете тот видел тело ученого монаха, умершего 350 лет назад. Этот ученый монах имел вид не мертвого, но уснувшего: тело пожелтело, но в остальном сохранилось поразительно. Лао-цзина даже уверяли, будто тело уже трижды меняло положение: один раз исчезло и вернулось, а лежавший перед ним манускрипт однажды был закончен.

Подобное бессмертие малопривлекательно. Конечно, оно в известной мере побеждает смерть, но вот назвать его *жизнью* не поворачивается язык. Состояние тибетского монаха - скорее промежуточное между жизнью и смертью, нежели подлинное бессмертие. Кроме того, если верить в бессмертие сознания, то зачем цепляться за сохранение тела? Не лучше ли дать ему спокойно разлагаться под землей или быть сожженным, а не создавать видимость его полноценной жизни?

Вероятно, эту связь с телом заставляет сохранять интуитивное - и вполне справедливое - подозрение о том, что без тела не будет и никакого сознания, ибо утратится чувство самотождества человеческой личности.

Бессмысленность попыток обрести бессмертие вне плотного тела прекрасно сознавал, например, Шри Ауробиндо. Этот индийский подвижник в своей *супраментальной йоге как технологии бессмертия* придерживался принципа раскрытия тонкоэнергетических центров человека (чакр) сверху вниз, с тем, чтобы высшее (супраментальный Свет) освещало, очищало и преображало низшее (наше физическое тело) в лучистую структуру, не подверженную смерти.

Но и эта практика не имела и не могла иметь серьезного успеха. Она требует постоянной и интенсивной медитации, внутреннего сосредоточения, установления полного безмолвия чувств и ума, а значит, ухода от реальной жизни. В результате эта технология обретения бессмертия, задуманная как средство для жизни, оказывается самоцелью и изолирует человека от общения с другими людьми. А ведь общение и есть одна из важнейших составляющих жизни. Поэтому-то “супраментальное бессмертие” в лучшем случае - удел немногих избранных.

Главный же недостаток йоги Ауробиндо состоит в том, что обретение светоносного тела не только не поможет человеку жить на земле, но и помешает этому, ибо невозможна полноценная жизнедеятельность в плотноматериальном мире при отсутствии у человека физических органов. И вся идея “вливания Небес” в земную жизнь превращается в прах и оборачивается “растворением в Небесах” - старой бессмыслицей, которую Ауробиндо пытался ниспровергнуть.

В чем же корень всех неудач в борьбе человечества со смертью? Несмотря на разнообразие попыток обретения бессмертия - от внутренней, психической “алхимии” до “алхимии” научно-

технологической, - максимум, чего они могут достичь, это несколько продлить срок человеческой жизни. Но в реализации главной цели они заведомо обречены на провал.

Дело в том, что все они суть попытки воздействовать на *природные* законы *природными* средствами. А природа есть природа; прирожденное есть прирожденное. Что дано - то будет взято; чем больше берешь, тем больше будешь вынужден отдать. Такова установленная природой Гармония, закон Воздаяния, обмена веществ и энергий. Природа не может бесконечно отдавать свою энергию, бесконечно продлевая жизнь организма, ибо энергия должна быть восполнена. Вот почему все материальные тела и объекты конечны.

А раз природный закон непреложен, его надо не нарушать и не пытаться искусственно изменить. Его надо чтить и соблюдать. Ему необходимо подчиниться: Гармония требует соответствующего, гармоничного, к ней отношения.

Итак, тело человеческое смертно. Можно ли счесть такой вывод полным поражением человека в борьбе с конечностью его существования?

Не будем спешить отвечать на этот вопрос утвердительно. Ведь мы рассмотрели только *природные* средства достижения бессмертия. Да, все они оказались непригодными - даже энергетические возможности человеческого разума, что лишний раз доказывает его естественно-природную суть. Но значит ли это, что непригодными окажутся и средства вне-природные? Быть может, если в тело человека привносится нечто нематериальное, над-природное, то оно-то и есть залог его бессмертия?

А если это так, **бессмертие для человека не только возможно, но и прямо предназначено ему**. Ибо искомое над-природное, нематериальное, а следовательно, бессмертное, начало, т.е. душа, составляет, по предначертанию, саму сущность человека. И задача заключается в том, чтобы установить постоянство присутствия и развития человеческого *духовного* начала в его *материальном* субстрате.

2 . “ В о с к р е с е н и е м е р т в ы х ”

Специальные доказательства бессмертия души в нашей книге, думается, излишни: все мироучение Последнего Завета, от начала до конца, и есть полное, подробное и, если позволено будет так выразиться, концептуальное обоснование бессмертия духовной ткани.

Действительно, если есть Отец Небесный, т.е. Духовное Начало Мироздания, то существует и бессмертие души. Если душа - не грубоматериальная и не психо-ментальная энергия, подверженная рассеянию в Универсуме, а неизмеримо более тонкая (насколько солнечный луч тоньше чугуновой болванки), особая реальность, то, следовательно, душа создана Отцом Небесным не для того, чтобы она подчинялась законам тления и распада. Она создана для бесконечного развития каждого человека - развития, предполагающего творчество.

Да, человеку предначертано быть творцом. Однако его творческие способности, и подчас на самом их пике, пресекаются смертью, и Пушкин не становится “бесконечным Пушкиным”, а Моцарт - “бесконечным Моцартом”. Телесное, конечное начало отпадает от начала духовного, бесконечного; закон Природы расходится с законом Духа. А этим подтверждается не только наличие двух противоположных законов мироздания, но и необходимость существования так называемых *реинкарнаций, перевоплощений души*. Иными словами, если тело смертно, а душа - бессмертна, то душе через некоторое время после смерти тела требуется вселение в новую плоть.

Но почему, спросят нас, не допустить, что душа вполне может обойтись без всякого тела? Почему нельзя считать, что душа, свободная от бремени плоти, существует в своей родной стихии и чувствует себя там как рыба в воде, вовсе не нуждаясь в каких-то воплощениях и перевоплощениях? Разве потустороннее бытие не есть вотчина души и ее цель?

По трезвом размышлении все эти вопросы снимаются.

Для чего были созданы души человеческие? Для того ли, чтобы пребывать подле Отца Небесного, купаясь в теплых потоках Его любви и света? Нет, для Бога это было бы бессмысленно: душа-то ведь есть частица Отца. Зачем же Богу дублировать себя самого, зачем Ему купаться в собственных лучах, зачем отдавать любовь, тепло и свет себе самому? Или Ему недостаточно той

любви, которой Он переполнен и которой Он живет и дышит и без того?

Отец Небесный творит души не для себя, а для людей, с тем чтобы Его духовной благодати могли приобщиться материальные существа. Следовательно, душа создана для телесного ее воплощения.

Более того. В чем сущность и назначение души? Отнюдь не в том, чтобы *брать*, как это характерно для плоти, существование и развитие которой немислимо без постоянной подпитки, без питания, без черпания нужной энергии и вещества из окружающей среды. Душа развивается по противоположному закону, т.е. только тогда, когда *отдает*. Кому же она может отдавать свой свет и тепло, свою любовь и веру, когда по смерти тела оказывается в мире таких же бесплотных душ? В потустороннем мире в ее изливаниях не нуждаются ни Отец Небесный, ни другие души, которые, как и она, преисполнены духовной благодати. Если же есть души темные, отягченные мрачными следами своей былой земной жизни. т.е. души как будто нуждающиеся в добром участии другой души, то, во-первых, они существуют в совершенно иной области загробного царства, а во-вторых, приобрели свои тяжкие впечатления опять-таки в земной, телесной жизни, и, значит, именно в ней им следовало развиваться должным образом и только в ней им можно было помочь.

Итак, душа не может развиваться без тела, а поскольку она, в отличие от тела, бессмертна, постольку нуждается во все новых и новых воплощениях.

Существует, впрочем, еще одно возражение в адрес идеи реинкарнации: “Да, душа безусловно бессмертна и она действительно воплощается в тело, - но отнюдь не многократно, а лишь один-единственный раз. Этого одного раза вполне достаточно для того, чтобы душа развилась до надлежащего ей уровня. А если она этого не сделала - горе ей! Она навеки пребудет в аду”.

Такая точка зрения полна противоречий. Во-первых, люди в этом случае наделяются совершенно неравными возможностями: один рождается и живет в обстановке весьма благоприятной для его духовного развития, другой - в условиях ужасающих; одному дается прожить сотню лет, другому - лет пятнадцать, а третий и вовсе умирает во младенчестве. Во-вторых, и после смерти человеческие души оказываются по разные стороны: одна навеки в раю, другая - навеки в аду, в необъяснимо безответном взывании к Отцу с мольбой о пощаде и любви. В-третьих, с этой позиции абсолютно неясен вопрос о “воскрешении мертвых в Последний День”. Зачем, к примеру, “воскрешать” души, блаженно пребывающие в раю? Ради их воплощения в тело? Но, значит, лишь в теле, а не в Небесах, душа обретает истинное блаженство? А если так, то Христово воскрешение мертвых подразумевает воскрешение телесное и неестественность бессмертия души вне плоти. В конечном же счете это подразумевает то, что до времени Последнего Суда душе необходимы реинкарнации.

Переходы души из одного тела после его смерти в другое, новорожденное, предполагаются и самой миссией Христа, как в первом, так и во втором, нынешнем, Его свершении. Ибо, если нет реинкарнаций, то придется отказать в праве называться людьми всем, кто жил до Христа: они-то ведь не были приобщены к Истине. Возможное возражение, что-де Суд будет вершиться не по признаку знакомства с Истиной, а по уровню развития в людях человечности, умаляет миссию Христа, который как раз и приходит научить человечности и оставить соответствующее Учение. Другое возражение - “Иисус своей смертью на кресте искупил грехи всех людей” - страдает полной логичностью: если все благодаря смерти Христа очистились, зачем вершить над ними Суд?

На фоне всех подобных попыток отвергнуть идею реинкарнации веско и основательно звучат слова Виссариона о том, что требовались неоднократные возвращения души в плоть, “чтоб увеличить период, за который вы хоть что-то сможете понять, наиболее приготовить основу для принятия Истины” (26 сентября 1998 года).

Развитие души предполагает ее перевоплощения, но эти перевоплощения были бы нелепы и ненужны, если бы человеку не была предназначена жизнь вечная, т.е. физическое бессмертие, соответствующее и необходимое бессмертной душе. Иначе говоря, реинкарнации души бессмысленны, если их количество бесконечно, если они никогда не прекратятся, если однажды они наконец не уступят места окончательному вселению души в тело¹.

Таким образом, проблема “воскресения мертвых” теоретически решается только путем **синтеза идеи реинкарнаций человеческой души с идеей вечной жизни человеческого тела.**

Возможность и необходимость вечной жизни, реального, а не символического, бессмертия

человека как единства его души и плоти прямо вытекают из того, что сущность человека - духовна.

Телесно ограниченному существу бессмертие не может быть подарено Богом просто так, без всякой цели и по одной лишь милости Божией. Оно может предназначаться только для того, чтобы это пространственно конечное существо облагораживало и обогащало бесконечное, т.е. все мироздание. А это возможно при единственном условии: если этот маленький живой организм, заключенный в узкие пространственные границы, имел бы в себе нечто безграничное и притом такое, которого нет в природе как таковой.

Этим “нечто” является в человеке духовное начало. Поскольку же душа не развивается без тела, постольку духовная бесконечность человека подразумевает и требует, чтобы и тело его было спроецировано в бесконечное время.

Смысл порождения духовного начала в мироздании заключался именно в том, чтобы Дух Святой посредством подвижных человеческих плотей постоянно распространялся по Вселенной и ширился в бесконечность.

Для существа неразумного, не сознающего себя, не имеет значения, какой срок жизни ему отведен. Представителю высокоразвитой внеземной цивилизации, в силу того, что он обладает разумом и почитает законы Гармонии, предназначено жить долго - сотни и тысячи лет. Но так как он не привносит в Гармонию чего-то принципиально нового, а лишь движется по ее логике, бесконечная жизнь ему не суждена. А вот тот, кто обладает помимо сознания еще и душой, - т.е. человек - должен жить вечно.

Так предначертано было человеку с самого начала, с момента его “второго рождения”, когда из антропоида он превратился в собственно человека. Не воспользовавшись этим даром, люди сами обрекли себя на круговорот смертей и рождений. Отец Небесный, видя, как они творят недоброе, на некоторое время лишил их возможности жить бесконечно, ибо это грозило тем, что люди станут во Вселенной опаснейшим, вечно дестабилизирующим фактором. Однако, безмерно любя своих чад, Он дал им еще один шанс, распределив жизнь каждого из них на ряд перевоплощений души.

А люди опять и опять творили недоброе. Что должен был сделать в этих обстоятельствах Отец Небесный? Уничтожить людей? Нет - ведь все-таки своими духовными качествами они для Вселенной бесценны. Дать им перевоплощаться до бесконечности? Бессмысленно.

Оставалось одно: довести людей до того времени их бытия на Земле, когда их дальнейшие деструктивные действия станут невозможными, так как сама Земля начнет от них защищаться. Тогда-то к людям вновь придет Христос и поведет по Пути истинному пускай небольшую, зато лучшую часть человечества. Души других, тех, кто ушел из земной жизни, будут пребывать в промежуточных “инстанциях” ада и рая до тех пор, пока на Земле не будет окончательно повержен дьявол - та темная аура, образованная дурными человеческими эмоциями и мыслями, что, сливаясь с ноосферой (сферой разума), ныне сетью опутала планету. Тогда, постепенно, на Землю-Матушку станут приходить остальные и, в атмосфере высочайшей духовности, будут воспитываться для жизни вечной.

Так, за редким исключением тех душ, которые загрязнились настолько, что им уже нет смысла давать новую плоть, неизбежно “воскреснут все мертвые” и обретут бессмертие.

Но ясно, что каждый человек должен по мере своих нынешних сил *подготовить* себя к вхождению в Жизнь Вечную, хотя бы на один шаг продвинуться в искреннем желании любить и творить добро. Ибо как смерть существует лишь при условии *неистинной* жизни, так бессмертие становится возможным при условии жизни *истинной*. И чем скорее человек станет на Истинный Путь, тем скорее и органичнее он впишется в грядущую расу бессмертных.

Как видим, бессмертие - не просто мечта; оно - не абсурдная идея, не мистическая тайна, не наукообразное чудовище. Человеческое бессмертие, дважды возведенное Христом, есть (и теперь это уже не прозвучит странно) нечто весьма простое - простое потому, что естественное. Духовность как созидание добра и красоты составляет весь смысл бессмертия. Душа, вкладываемая человеком в дела его рук во имя ближних, есть единственный путь к обретению вечной жизни. И если попытаться выразить суть бессмертия и путь к нему в какой-то единой формуле, то формула эта будет примерно такой: **“Бессмертие есть Духовная Любовь - бескорыстное, бережное, действенное и творческое отношение человека ко всему и ко всем”**.

Конкретно это означает следующее. При условии, что человек постоянно возрастает в Любви

Духовной (т.е. душа его по-настоящему развивается), тело его, наполняясь благодатным Духом с его удивительными свойствами (чем больше отдаешь, тем больше получаешь), продлевает свою жизнь все более. Соответственно меняются и законы природного бытия: Земля и Космос становятся к человеку благосклоннее, ведь и сам он теперь - благосклонен к природе и людям. Земля и Космос перестают быть нетерпимы к нему, ибо отныне он не мешает им взаимодействовать гармонично и, более того, вносит в их гармонию новые, согревающие оттенки.

И когда душа каждого из нас в своих добрых устремлениях будет скоррелирована с телом полностью, мы станем жить не просто долго, но действительно вечно.

3 . Ц а р с т в о Д у ш и : н о в ы й Ч е л о в е к , н о в а я З е м л я , н о в ы е Н е б е с а

Жизнь Вечная, подлинная История выявит и подлинную природу человека. Доселе раздвоенный на бесконечную и конечную ипостаси - бессмертие души и смертность плоти - и, как казалось в предыстории, приговоренный нести этот крест и быть распятым на нем во веки веков, человек будущего обнаружит, что он - существо бесконечное и только бесконечное. И душа его уже не будет ускользать из тела и обращаться в святящуюся точку-индивидуальность. Проницая всего человека, духовная ткань будет облекать человеческую плоть как чудесная аура, как легкая удобная одежда, как воздух, которым дышит человек, как свет, исходящий от личности. И тело станет не оковами души, а средством ее развития и воздействия на мир материи: ведь тело подарено нам как инструмент, которым мы будем трудиться во Вселенной.

В человеческом бытии и мировосприятии изменится все. И прежде всего отношение ко времени и характер включенности в него.

У нас пока еще неверное, конечное, дискретное отношение ко времени, и потому мы имеем особенность быстро стареть. А между тем время в философском понимании есть *единство преходящего и вечного*, т.е. время и вечность предполагают друг друга. Поэтому человеку надо жить в вечном времени, или, образно говоря, вообще выпасть из времени; и это будет детерминация вечностью.

И время предстанет перед будущим человеком не в образе монотонно-прерывистой безликой линии и даже не в образе спирали (скелета). Оно раскроется во всей красоте - как полноцветный цветок со стеблем, листьями, бутонами или как пышно разрастающееся цветущее дерево. В этом виде время перестает быть страшным. Оно - прекрасно в любой своей точке, а прекрасное несовместимо с разрушением и смертью. "Что кругом за прелесть! Умирать не надо".

В душе, в сознании, в бытии человека время должно и будет восприниматься и реализовываться как вечный расцвет, как вечная красота, в которой не может быть ничего дурного, страшного, злого. Время "расцветает" - а это значит также, что нет и пресловутой "тоски бессмертного".

Исследователи выделяют особенность долгожителей - преобладание добрых чувств и положительных эмоций. Долгожители не исходят злостью, досадой или ненавистью. Они не завидуют. Их сердца всегда исполнены радости бытия, благодарности за каждый новый день жизни. Они радуются счастью и успеху другого так же, как если бы это были их собственные счастье и успех.

В неизмеримо большей степени эти качества относятся к человеку будущего, обретшему бессмертие. Вечный человек, живущий Любовью, будет способен не только светло воспринимать жизнь, но видеть очень далеко, прозревая грядущее и давно прошедшее. Ведь Любовь сопряжена с духовной интуицией. Любовь - та высота, с которой видно все: просторы Земли и Неба, заботы ближних и дальних; видно, что предстоит, а что перестает быть актуальным; что надо делать, а чего делать не следует; видно, кто куда движется и чего достиг. И только находясь на такой высоте, человек увидит все свои предыдущие жизни. Человеку ветхому этого не дано, ибо в прошлых воплощениях слишком много негативного, а положительный опыт незначителен. Но духовно крепкий человек будущего воспримет прошлые жизни как должно - как неизбежный и уже

преодоленный извилистый путь своей личностной предыстории.

Новый человек обретет и другие способности, которые ныне практически закрыты для нас по причине нашей неготовности к ним. Будучи конечны во времени, мы пока воплощаем в жизнь лишь одну-две из бесчисленного множества творческих способностей, предначертанных человеку в принципе. У бессмертного же его конкретное предначертание будет с течением времени меняться, и гениальный поэт будет становиться гениальным садовником, плотником, живописцем...

Но главное - в новом человеке никогда не будет скудеть Дух Святой, благодатный, Дух детскости. Поддерживаемое внутренней безмятежностью, спокойной совестью, душевной гармонией и не нарушаемое никакой внешней сумятицей, вечное детство будет неотъемлемой чертой мудрой взрослости.

Не столько смешными, сколько странными до нелепости показались бы новому человеку бессмертные, как они изображались в прежней художественной литературе - вечные старики, страдающие вечными болезнями. Создателям подобных персонажей не приходило в голову, что плоть бессмертного человека не будет иметь раз навсегда установившегося облика, а будет плотью изменяющейся, причем, изменяющейся не так, как ныне. Органы и свойства бессмертного тела будут по мере необходимости трансформироваться и заменяться новыми, и человек, хотя и будет жить по закону взросления, не состарится никогда.

Вдохновенная творческая жизнь нового человека требует уже сегодня совершенно иной педагогики. Основой обучения и воспитания должен стать *принцип другодоминантности* ко всему универсуму и, соответственно, прекрасные - только и именно прекрасные, светлые - образы и идеалы. Ни тени эгоизма, агрессивности, корыстолюбия, жестокости, всех пороков, запечатленных в памятниках предыстории, не должно проникнуть в душу и разум человека, формируемого для будущего. Высокой красотой должно быть отмечено все: подход педагогов к детям, выбор предмета и материала изучения, каждый аспект и момент образовательного процесса.

Прекрасного, как подчеркивает Виссарион, должно быть очень много. Да! Как можно больше прекрасных творений, событий, людей - тогда перестаешь жить только *прошлыми* и редкими и краткими *нынешними* радостями. Тогда научаешься жить вкушением радостей *настоящих* и предвкушением все новых и новых прекрасных ликов жизни. Тогда живешь не старея, ибо ты постоянно открыт будущему.

В этом свете не просто как благое пожелание или красивая фраза, а как конструктивное руководство к грядущей жизни прочитывается призыв Учителя: "Будьте легкими, будьте воздушными, будьте крылатыми, любвеобильными. Пусть сердце ваше смеется... Вы стараетесь построить новое общество, а оно строится на улыбках" (Повествование 6. 13:35,37).

Возрастая в Любви, человек возрастает в умении правильно организовывать взаимоотношения с другими людьми и созидать общество, отвечающее подлинной сущности человека. Вне общения люди не развиваются. Поэтому, проходя три вершины Любви, люди проходят тем самым и три ступени, три уровня своей общности, своего совместного жития. К ним относятся семья, община и человечество как единая Семья.

Объединяясь в малые семьи, мы до сих пор не хотим замечать, что устанавливаем границы каждой такой семьи искусственно. А ведь в сущности этих границ нет. У моей матери, отца, жены есть матери, отцы, сестры и братья, а у тех - свои жены, дети, внуки... И так до бесконечности, как в пространстве, так и во времени. Каждый из нас - потомок и предок всех народов Земли. И, следовательно, человечеству поистине предначертано быть не абстракцией, а единой огромной Семейей.

В эту Семью людей связует Любовь. Значит, чтобы со всей ответственностью полюбить одного человека, надо стать человеческим, т.е. со всей ответственностью полюбить всех. В противном случае я люблю "случайного" индивида, образу с ним "случайную" семью, потом встречаю другого, столь же "случайного" индивида, бросаю первого и образу новую "случайную" семью. Если же я люблю всех, то любой человек для меня становится не случаен, а необходим, и семья, которую я создаю с ним, - семья нерушимая.

Из этих прочных союзов и начинают складываться общины нового типа и единая Семья человечества.

До сих пор мы были, в сущности, лишь социальными животными. Человек в предыстории

преследовал главным образом “биологические” цели и ценности. И наши связи строились преимущественно на принципах механической и органической целостностей и, соответственно, информационной коммуникативности. Но единая Семья человечества должна представлять собой другое качество. Это должна быть целостность духовная - та своеобразная Коллективность, которую позволительно назвать Мета-Личностью. Благодаря этому, раз возникнув, хотя бы в локальном масштабе и параллельно традиционному социальному процессу, единая Семья будет неуязвима, устойчива и совершенно вне конкуренции с иными людскими объединениями. И будущность обретут только члены этой Семьи.

Обладающая духовной целостностью, единая Семья будет принципиально отличаться от всех предыдущих форм жизни людей - и именно тем, что они станут жить в гармонии с Первым и Вторым Творческими Началами, с Творцом Мироздания и Отцом Небесным, без традиционных организационных усилий. Управление обществом нужно, пока люди - чужие друг для друга. Но в единой Семье все будет гармонично и естественно в человеческих отношениях, и не надо будет никакого государства, никакого управления.

И если от первого до второго пришествия Христа человечество совершило эволюцию лишь до уровня информационной цивилизации, то новая общность будет совершенно иной. Это будет общность на уровне духовных целей и мотиваций, духовной связи, а с нею и синхронизации на уровне душ и сознаний. При этом в только начинающей складываться единой Семье вырабатывается новое внутреннее отношение ее членов к фактам и внешним событиям, а механизм этих событий регулируется Виссарионом Христом.

В единой Семье, где воцарятся доброжелательность и забота друг о друге и где денежная единица постепенно исчезнет навсегда, человек должен в том или ином ремесле обрести такое мастерство, плоды которого будут жизненно необходимы для ближних. Новое общество будет развиваться только благодаря тому, что каждый, став мастером и подлинным художником в своем деле, будет творить не для себя, а для людей - для всех, кто будет нуждаться именно в его изделиях и творениях.

Практическая духовность, основанная на принципах деятельной любви и бесприбыльного обмена, должна осуществляться человеком везде. Волно Бога можно и нужно всеми силами исполнять повсюду и при любых обстоятельствах. Ясно, однако, что в условиях современной цивилизации, в рамках насковзь больного, но сросшегося со своей болезнью, урбанистического социума реализовать заповедь Духовной Любви крайне сложно. Во всяком случае, здесь не приходится рассчитывать на ее подлинное понимание и полноценное воплощение. Поэтому Виссарион шаг за шагом выводит людей - представителей разных стран и народов - из обветшалого общественного здания.

Эти люди - союз спутников по бытию на перепутьях, единение искателей своих путей, собрание странствующих по миру культуры в надежде на радикальные перемены судеб и открытия неведомого. Виссарион помогает им совершить переход за пределы наличной системы, он выводит их на воздух, к новой жизни, на тот островок природы, где они смогут жить, трудиться и развиваться по-человечески и воспитывать своих детей в духе Истины. Виссарион подобен проводнику, выводящему усталых людей с бездорожья темных ущелий на единственную тропу к залитой солнцем вершине.

“Я создаю сейчас условия, где будут формироваться те, кто Мне нужны, как основа будущего человечества...И Я поведу их дальше... Эти люди поменяются за короткое время очень серьезно, видоизменится все их внутреннее существо” (5 ноября 1998 года).

Вырвавшись из-под металлического панциря цивилизации, члены формирующейся единой Семьи, “закваска” будущего, преодолевая внешние препятствия и учась побеждать свои внутренние несовершенства, добровольно и вдохновенно создают в таежном крае новый тип человеческого общежития, новую форму взаимоотношений человека с природой - эконоосферное сообщество. Оно предполагает разумное отношение к окружающей среде, а разумное для человека значит бережное и любовное.

Человек должен любить не только людей, но и природу. Нельзя допускать, чтобы, любя людей, человек ради них безжалостно грабил природные богатства. Поэтому в качестве одного из главных принципов эконоосферного сообщества выступает то отношение к земле, воде, лесу, воздуху, которое не нарушает гармонии в природе. Здесь не должно быть места машинам и механизмам,

здесь применяется только ручной труд и простейшие орудия. И если ты что-то берешь у природы, ты должен это вернуть, восполнить своей творческой деятельностью.

Новое мироотношение и новое общество возникают, конечно же, не по мановению волшебной палочки. Как и всякое новое, они появляются как исключение из правила (таким “правилом” является вся предыдущая жизнь человечества). А это подразумевает чрезвычайно трудную, самую трудную для современного человека работу- превозмочь в себе эгоизм. Ведь эта работа требует развивать волю к преодолению трудностей, а люди обычно предпочитают от трудностей уклоняться. Но в этой колоссальной работе, ведущей в будущее, опорой составляет вера Отцу и Сыну, ибо она дает человеку дополнительную духовную силу.

Так зарождается Сказка, ради которой хочется жить,- новый, удивительный мир будущего. А на горе, у прекрасного озера, вырастает гармоничное человеческое поселение, которое называют Новым Иерусалимом, Обителью Рассвета, Городом Мастеров и Городом Солнца. Это Истина, это Духовность, это Любовь создают культуру грядущего - принципиально отличную от технической цивилизации, построенной холодным разумом.

Техника потому и восторжествовала в предыстории, что человек со времени грехопадения сделал свою плоть смертной и, как следствие, непрерывно жаждущей восполнить свою неполноценность вспомогательными и все более мощными силовыми методами и орудиями. Но для бессмертного техника будет далеко не главным средством его жизнедеятельности; она перестанет быть порабощающим человека идолом, и человек духовно овладеет техникой.

Важную роль, по всей вероятности, технические средства будут играть в освоении космического пространства, - но это будет не та громоздкая и опасная для людей и природы машинерия, которую мы имеем сегодня. Это будет техника легкая и высокоскоростная, маневренная и безопасная, органически взращенная, использующая естественные энергии природы и достижения одухотворенного, светлого разума нового человечества.

И тогда, благодаря духовному расцвету, способности нести в мироздание самобытные ценности; благодаря абсолютной невредоносности и неведомым прежде способностям ума и качествам плоти; благодаря новой культуре и технике, человечество возымеет полное право выйти в Космос. И не просто выйти, а вступить в дружеский контакт с обитателями иных планет, осваивать и обживать те миры, которых во Вселенной великое множество, те галактики, до которых, по слову Виссариона, нужны всего лишь секунды, но которые прежде казались недостижимы. И эти бесчисленные миры во Вселенной, согретыe человеческим теплом, станут для людей их новыми домами, чьи огоньки в космической тьме замерцают уютно.

Мать-Земля будет счастлива видеть своих детей крылатыми и светоносными. И человек не раз благодарно вспомнит о ней и будет рад возвращаться к своему очагу на родную планету. А улетаая к далеким звездам, будет снова мечтать о Земле, - как ныне мечтает о Небесах.

В М Е С Т О   З А К Л Ю Ч Е Н И Я . Ф и л о с о ф и я :   з а к а т   н а Р а с с в е т е

Как бледнеют и меркнут звезды по мере восхода Солнца, так по мере постижения Последнего Завета бледнеют и меркнут все без исключения философии и религии, все прежние доктрины и домыслы о мире и человеке. В каждом пункте, начиная с вопроса о Боге и кончая проблемой будущности человечества, Учение, являемое Виссарионом, отличается ошеломляющей новизной. Цельное, логически безупречное и красивое, проникнутое высочайшим нравственным идеалом и сердечной заботой о людях, оно творчески обобщает все, чего достигло человечество, критически снимает все людские размышления о смысле бытия и пресекает все наши блуждания и заблуждения.

Последний Завет предоставляет ключи к решению любой теоретической и практической проблемы. Это учение бесценно, и впитать его нужно до конца: подобная Истина дается раз в тысячи лет. Точнее говоря, подобной Истины человечество не знало никогда, и теперь она дается на тысячи лет вперед. И эту Истину чуть раньше или чуть позже обязательно увидят все и придут к ней неизбежно - нельзя не заметить эту вершину и нельзя обойти ее громаду.

Но если на Землю пришла Истина, то что станет в ближайшем и отдаленном будущем с философией? Будет ли в ней необходимость?

Здесь мы вступаем в область предположений.

Последний Завет и все сказанное человечеству Виссарионом Христом по сути своей и есть Философия Грядущего. Поэтому уже сейчас философия как профессиональное занятие во многом утрачивает смысл. И если у нее все-таки остается право на существование, то лишь временно, в качестве метода максимально глубокого, скрупулезного и детального осмысления и преподавания Последнего Завета.

Что касается более отдаленной перспективы, то философия станет не только и не столько образовательной дисциплиной, сколько привычным делом каждого человека - не профессией, а жизнью, гармонией души и тела, прочной основой здоровья и работой творческой мысли, необходимой для созидания добра и красоты, для поступательного движения по пути к Свету.

Впрочем, не исключено, что в какие-то моменты развития, в каких-то особых обстоятельствах некоторые люди будут заняты по преимуществу именно этой работой мысли. Но, выполнив возложенную на них конкретную философскую задачу, они будут переходить к иным делам.

Сегодня ясно одно: философия претерпит в будущем крупные изменения. Это будет философия в новой форме и с новым содержанием. Единая Истина как единая духовность предполагает гармоничный союз души и разума. А это, в свою очередь, предполагает, что барьеры, которыми ныне разделены мироотношенческие модальности (религиозная, познавательная, художественная, предметно-практическая), рухнут, и философия будет интегрирована с искусством, религией, живой жизнью.

Главенствующее значение будут при этом иметь взаимоотношения философии (разума) и религии (веры).

Религия всегда была генетическим основанием всякой серьезной философии. И все большие философы и ученые были религиозными людьми. И вера всегда была основанием разума, как бы он ни стремился подчинить ее себе.

Отыскивая основания очевидного, т.е. принятого на веру, философский разум вовлекался в дурную бесконечность обоснований и в итоге должен был на чем-то остановиться... приняв его на веру. Терпя неудачу в попытках постичь Непостижимое, разум, если он хотел какой-то опоры, вынужден был уступать место вере. Признавая недостоверность всех философских учений, неудовлетворенный разум приходил к религиозной вере.

Так философия, будучи призванной при малейшем поводе сомневаться, в конце концов обращается к необходимости верить. Верить в то, что придает жизни человеческой смысл, чувство живой и подлинной жизни. А это - Любовь, которая в ядре своем есть опять-таки вера, доверие. Источником ее является объективно существующее - Отец Небесный. И значит, единственно несомненное для человека, единственное, что не обманывает его, это вера.

В грядущем это тем более так. Новый человек должен стать и непременно станет взрослым

ребенком. Философия не будет убивать в нем *поэзию*, как это происходило с Гете и многими другими и как это происходит с нами при нашем взрослении. Своецентричному разуму, разуму, который до сих пор работал на себя, будут указаны его надлежащие место и роль. Он начнет выполнять свою подлинную и великую миссию - быть помощником и сотрудником души. И единая Философия найдет свой источник и свои перспективы в единой Вере, единой Религии, основы которой запечатлены в Последнем Завете.

На этом пути философия сумеет осознать триединство Истины, Добра и Красоты не как прекрасную фразу, не как магическое и бессодержательное заклинание или головоломку. Человек будущего докажет практически, на деле, что Истина проста: Добро есть ее содержание; а форма ее - Красота.

Основанная на радостном доверии Неизвестному и Таинственному, способная удивляться и видеть прекрасное, философия будущих взрослых детей - простых и мудрых одновременно, - наверное, будет похожа своим образным строем и нравственной устремленностью на красивую и возвышенную Сказку.

А темы этой Сказки Истины? Какими будут они? Ими станут, скорее всего, бесконечность и будущее, точнее, вечность, способы вхождения в нее, существования и развития в ней. Оптимистически глядя в Грядущее, философия будет призвана не теоретизировать, не рассуждать о мире и человеке, а практически содействовать становлению настоящего Человека и заражать людей осознанием их уникального места и назначения в мире.

Конечно, осознать Истинный Путь еще не значит стать верующим и двигаться по нему. Осознание - это лишь преддверие Пути. Ведь Истину необходимо не только понять, но принять и исполнить. Первостепенной задачей наступающего Грядущего как раз и является приобретение прочных навыков реального воплощения Истины в жизнь, неутомимого творчества во имя людей.

И философия должна в будущем стать не столько "любовью к мудрости", сколько просто Любовью, - ибо это и есть настоящая мудрость.

3 мая 1999 г.

П Р И Л О Ж Е Н И Е
Ф р а г м е н т ы к н и г П о с л е д н е г о
З а в е т а , б е с е д и в ы с т у п л е н и й
У ч и т е л я *

...Великая трудность в бытии вашем сложилась на основе того, что вы более расположены *рассуждать* о жизни, нежели *жить*.

Великое множество философских трудов сложил род человеческий за долгое время бытия своего.

А двигаясь по сему пути, чада Божии однажды сумели достойно заключить, что чем более они узнают, тем более осознают свою удаленность от Истины.

Далее нетрудно заключить, что философия - это мудрость тех, кто ничего не знает.

...Всем хотелось говорить о большом, о чем-то глобальном: о структурах Вселенной, об орбитах, о разных всевозможных контурах, звездах, параллельных мирах; о чем угодно, но только не о том, как сказать слово друг другу, как войти в дом друг к другу, как пообщаться, как вместе соединиться что-то сделать; как договориться, чтобы это удалось сделать правильно...

...Если Отец Небесный каждому чаду своему скажет одинаково одну и ту же истину, то сколько есть на Земле-Матушке чад Божиих, столько будет и мнений по поводу воспринятой истины.

Пуганица будет величайшая!

Посему Истина всегда должна приходить в одном, зримом для всех Лице...

Знайте! Наступило время, когда продолжение распространения различных взглядов на одно Писание есть величайшее зло.

Ибо, зная о приходе великих времен, сила тьмы набирает активность и будет создавать благоприятные возможности для распространения разных взглядов.

А имея разные взгляды на Истинное Развитие, вы не зачнете его.

Теперь же Бог являет новую Волю Свою и заключает с вами Последний Завет.

“Почему сегодня многие называют Россию богоизбранной страной?” (спросил американец).

“Россия - это пепелище Веры.

А после пожара почва наиболее благодатна. Посему сюда и хлынули разноязыкие в сердце миссионеры. И посему Отец Небесный уложил Зерно великого Сверхшения именно в эту землю” (ответил Виссарион).

Отныне вы должны стать неспособными нести холод - никогда, ни при каких условиях и ни под чьим знаменем вы не имеете права даже подумать о ком-то плохо!

“Мне очень страшно из-за мыслей, которые появляются в моей голове. Как быть с этим?” - спросила девушка.

“Важна не мысль, которая приходит к вам в голову, а ваша реакция на эту мысль...” - ответил Учитель.

Пришло отрицательное - ваша голова, как антенна, уловила отрицательную волну. Это не ваше; она просто зафиксировала что-то, на что требуется ваша реакция. А вот уже реакция - это ваше, это уже закон развития человека.

Те стрелы мрака, кои в обилии ныне исторгаются из сердец ваших ко Мне, найдут только одну мишень: ваше же сердце.

В свое время Бог допустил, чтобы вы судили Истину.

Но теперь - помните! Истина пришла судить вас.

Скорпионы в критическую минуту жалят сами себя.

Так знайте, что наступило время, когда жала скорпионов будут в обилии поражать свою плоть.

Строй новое параллельно, старое рухнет само.

“Помощь - это не умение погладить по голове, вдавливая человека все дальше в болото.

Это умение создавать условия для развития души его!” - молвил Учитель.

Помощь - это умение создать для нуждающегося человека благоприятные условия, в которых он призван будет понять необходимость собственного труда.

Как мало творцов! Поэтому и возникают музеи, которых не должно быть.

Если человек живет во имя людей, то его не может мучить одиночество, оно не существует.

Главное для человека - научиться мыслить только положительными образами, выбирать только созидающие фразы. Речь активно перестраивает внутреннюю суть, формирует образы.

Надо научиться быть только созидающим началом.

Новая эпоха родится от нового человека, а не через новые формы, рожденные прежним человеком.

Настоящий человек не беспокоится, видят его или не видят, любят его или нет. Настоящий человек сам любит всех!

Не посмейте ставить деньги выше ценности человека.

Деньги - это то, что можно положить под ноги и наступить.

Но если то, на что наступаете вы, выше вас, то какова и вам цена?

Ребенок, увидев ангела, радостно закричит: “Ангел появился!” Взрослый скажет: “Ангел появился, к чему бы это?”

...Мыслители человечества - как мирские, так и религиозные - совершают великую ошибку, говоря о *Вере в Бога*...

Вера должна перерасти в *знание* о существовании того или иного объекта.

Посему в существование Бога не нужно веры.

Должно знать, что Он есть.

А вот *верить Богу* человеку еще предстоит научиться.

“Вы говорите, что явление духовности - только для Земли. Значит, Вы отрицаете преобладание духовного мира над материальным?” - был новый вопрос к Виссариону.

“Духовность не преобладает - она преобразует, она облагораживает, она приводит к гораздо более высокому порядку.

Считать, *что* выше - материя или духовность - ни в коем случае нельзя, это два равнозначных закона, которые есть в Гармонии, а не в стремлении преобладать”.

“Я думаю, что Истина находится в священном Писании и что Вы заблуждаетесь. Вы говорите против Писания”, - твердо и громко сказал крепкий чернобровый мужчина, обликом своим напоминавший иудея, отстаивающего веру свою.

“Истина находится в священном Писании, - сказал Учитель. - Но, тем не менее, однажды Ее распяли, опираясь на священное Писание”.

“Ваше впечатление от Америки?”

“Большинство людей не имеет возможности пойти в будущее. Мышление - очень ограниченное. Это - дети, увлекшиеся игрой запутавшихся родителей.

Но надеюсь, что будущие сложные события помогут поменять их мышление. Но пока многие из них уверены, что спаслись, не спросив: а как считает Истина”.

Не уходи от мира,

Ибо Благодать, которую ищешь, должна передаваться от человека к человеку, - только в сем и сила.

Благодать - что река - не должна останавливаться.

Она входит в тебя, дабы, облагородившись там, обязательно продолжить течение к другому человеку.

Помните!

Остановившееся течение реки подвержено цветению и перерождению в болото.

“Что Вы подразумеваете под слово Истина?” - спросил главный капеллан.

“Истина - это то, что помогает вам развиваться и существует независимо от ваших желаний”, - ответил Учитель.

“Скажите, компьютер убивает людей?” - спросила женщина.

“Компьютер приучает человека к искусственной деятельности, отучая его воображать, фантазировать, развивать свои настоящие качества, то есть компьютер делает его только оператором, но не творцом.

И если с течением времени человек все больше будет уходить в эту область, то, конечно, он потеряет вообще свои настоящие человеческие качества, он погибнет”.

“Надо любить и плохих, и хороших людей?” (спросил юноша).

“Надо любить в людях хорошее”, - ответил Учитель.

“Я из мусульманской семьи. Мои родители во многом согласны с Вами, но остаются верны исламу и не хотят, чтобы я уехал в общину. А мое сердце разрывается, я хочу быть здесь”, - сказал молодой человек.

“Почему они считают, что их воля выше Воли Аллаха? Ведь ты идешь по зову сердца исполнять Волю Его”, - ответил Христос.

Время приходит все более интересное: деньги у многих кончаются, и, естественно, это рождает те помыслы и деяния, которые составляют коренную систему общества, формировавшегося тысячами лет. В этой экстремальной ситуации вы не действуете согласно Истине, вы действуете интуитивно, исходя из того, кто вы есть. А ваш внутренний мир рождался веками, и действия ваши несут одну и ту же ошибку, которая держит вас очень плотно в клещах этого мира и вынуждает делать одни и те же шаги... Вы обязаны сейчас приложить все усилия к тому, чтобы научиться создавать, пусть пока еще в малом объеме, но именно то, в чем вы имеете крайнюю нужду. Время к этому пришло в этом (1997. - *Авт.*) году. И тогда, в конечном итоге, вы выйдете из зависимости окружающего мира и будете полноценно развиваться дальше...

Вы обязательно должны вырваться из зависимости, в которой теряет голову весь мир.

Когда вы пребываете рядом друг с другом, то попробуйте уловить себя на мысли: думаете ли вы о ближнем - в каком он состоянии, удобно ли ему, не вызывает ли что-то у него боль, тяжесть; может быть, в чем-то ему нужна помощь, поддержка с вашей стороны? И пусть эта мысль будет возникать лишней раз. И если она все-таки будет возникать, то, конечно же, очень многое у вас внутри расцветет...

- Учитель, я думаю, не секрет, что почти каждый второй из тех, кто идет сегодня за Тобой, пытается творить какие-то культурные произведения: писать стихи, картины, музыку. Скажи, **как взаимосвязаны эти два понятия: духовность и культура?**

- Разница между культурой и духовностью заключена в том, что **духовность есть красота внутренняя, а культура - красота внешняя...**

Это можно образно сравнить с понятием о появлении самородка, камня драгоценного, изначально имеющего грубые очертания, которые придала ему природа. И вот человек берет этот камень в руки свои и, придавая ему ювелирную огранку, приводя его к неким красивым формам, создает в этом камне дополнительный удивительный блеск, сверкание радугой - то, чем впоследствии любуется каждый. И ежели применить это к человеку, то тут надлежит прежде всего познать, что этот самородок есть душа, которая должна явить себя миру.

Человек имеет большую надежду, когда не имеет догмы в голове, ложной догмы религиозной. Тогда у него больше надежды, что натолкнувшись на Истину, он сумеет быстрее ее осознать. А когда догма завладевает головой - это уже опасный момент, тогда человек, как правило, слепнет надолго.

“Виссарион, где граница между фанатизмом и искренней верой? Ведь “Белое Братство” говорит об искренности веры своей, и говорит искренне. Но их проявления - это религиозный фанатизм...”

“Фанатизм - это безудержное, слепое отрицание всего иного, когда во имя веры переступаются заповеди самой веры”, - сказал Сын Человеческий.

Истина никогда не разъединяет. Она всегда соединяет. Всегда!

Верующие - это те, кто, услышав однажды что-то, максимально прикладывают усилия к этому исполнению. Вот простой закон определения верующего человека.

“Как правильно держать пальцы при возложении на себя крестного знамения во спасение?” - спросила женщина.

“Если у человека нет рук, разве он лишен спасения, не имея возможности правильно сложить пальцы для крестного знамения? Человек должен творить от сердца своего, желая блага окружающему миру”.

Истина тогда истинна, когда применима для всех.

...Для успокоения возможных сомнений в правильности выбранного истинного пути было введено ложное понятие о том, что путей, ведущих к Отцу Небесному, много...

Поверхностно смотрящим трудно узнавать о первоосновах, скрытых в глубинах.

Ибо на поверхности всегда разнообразие великое, но во глубинах сути того, что внешне разнообразно, как правило, лежит закономерность единая.

Нельзя грубо и бестолково путать законы развития и закономерности проявления.

Если вы видите бесконечное разнообразие всего произрастающего на поверхности Земли-Матушки, то это не означает, что все это развивается по законам разным...

И если внешне выраженным творчеством вы вольны проявляться в разнообразии беспредельно, то внутренний Закон развития души вашей един и единым останется вечно.

“Значит, Отец Небесный - Бог только Земли?” - спросила женщина в оранжевом одеянии.

“Отец распространяет Благодать Свою во Вселенную. Но Лучи, которые исходят от Отца, отражаются только от человека.

Когда люди начнут заселять Вселенную, Любовь Отца распространится во Вселенной, отразится в Ней”.

Вы - краски, которыми Я пытаюсь нарисовать картину, но вы - краски, которые движутся сами по себе.

Непросто нарисовать картину, когда замысел неожиданно изменяется расползающимися красками. Значит, замысел Мне надо много раз объяснять вам с разных сторон, чтобы ваши перемещения соответствовали великому полотну.

Я бы очень хотел, чтобы вы не поддавались на навязчивую идею всевозможных течений, которые пытаются доказать всем, что на Земле жить плохо, что это - грешный, развратный мир, что вы должны его покинуть и вам предстоит дорога куда-то, где греха не будет. Грех исходит из человека, он не может существовать сам по себе, вне человека. Поэтому, куда бы вы ни прибыли, вы принесете туда то, что имеете внутри.

Вы имеете право построить мир удивительный и чудный - как Мир великого Отца - там, где вам дана эта возможность. И не надо отсюда никуда рваться, вы все должны сделать сами, своими собственными руками на этой чудной, прекрасной Земле. Когда вы поймете Ее Гармонию, пред вами откроется закон Вечности, и тогда, пожалуйста, вы можете двигаться по Вселенной, заполняя Ее бесконечно. Это - ваш дом.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Ч Е С К И Е О Р И Е Н Т И Р Ы

Слово Виссариона. М., 1993.

- Последний Завет. 2-е изд. Спб., 1996.
- Последний Завет. Спб., 1997. Дополнение ко второму изданию.
- Последний Завет. Том II. Книга I. Спб., 38 год Эпохи Рассвета.
- Благая весть. Спб., 37 год Эпохи Рассвета.
- “Земля Обетованная”. №№ за 1996-1999 гг.
- Последняя надежда. Обращение к современному человечеству. Спб., 39 год Эпохи Рассвета.
-
- Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989.
- Абдильдин Ж. Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата, 1967.
- Августин. Исповедь. М., 1992.
- Агни Йога. В 6-ти т. М., 1992.
- Антология даосской философии. М., 1994.
- Антомонов Ю.Г. Размышления об эволюции материи. М., 1976.
- Апокрифы древних христиан. М., 1989.
- Аристотель. Сочинения. В 4-х т. М., 1975-1983.
- Арсеньев А.С. Глобальный кризис современности и Россия//Континент, 1992, № 3/73/.
- Арсеньев А.С. Десять лет спустя. О творческой судьбе С.Л.Рубинштейна//Вопросы философии, 1998, №11.
- Арсеньев А.С. Парадоксальная универсальность человека и некоторые вопросы психологии и педагогики//Мир психологии. М., 1999, № 1.
- Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Дух. Душа. Тело. М., 1993.
- Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967.
- Бальзак О. Луи Ламбер//Бальзак О. Собрание сочинений в 24 т. Т.19. М., 1960.
- Батищев Г.С. Корни и плоды. Размышление об истоках и условии человеческой плодотворности//Наше наследие. 1991, V /23/.
- Баха-Улла. Сокровенные слова. Нью-Дели, 1989.
- Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1909.
- Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912.
- Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939.
- Бердяев Н.А. Философия свободного Духа. Париж, 1927.
- Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.
- Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М., 1990.
- Библия, или Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1956.
- Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Синтез науки, религии и философии. Рига, 1937.
- Блохинцев Д.И. Размышления о проблемах познания и творчества и закономерностях процессов

- развития//Теория познания и современная физика. М., 1984.
- Боннар А. Греческая цивилизация. В 3-х т. М., 1958.
- Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
- Бумбиерс Е. Перевоплощение и карма. Неизбежное. Синтез западной и восточной духовной мысли. Нью-Йорк, 1971.
- Бхагаван Шри Раджниш (Ошо). Оранжевая книга. М., 1993.
- Бхагаватгита. Ашхабад, 1956.
- Вайнберг С. Первые три минуты: Современный взгляд на происхождение Вселенной. М., 1981.
- Варшавский А.С. В поисках предков. Происхождение человека: миф и действительность. М., 1982.
- Васильев Л.С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М., 1983.
- Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.
- Вивекананда С. Практическая веданта. Избранные труды. М., 1993.
- Викрамасингхе Ч. Размышления астронома о биологии//Курьер ЮНЕСКО, 1982, №6.
- Волошин М.А. Пути Каина: Трагедия материальной культуры//Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1991.
- Всемирное писание: Сравнительная антология священных текстов. М., 1995.
- Вышеславцев Б.П., Зеньковский В.В., Концевич И.М., Лосский Н.О., Франк С.Л. Христианство и индуизм. Сб. статей. М., 1994.
- Гадамер Х. - Г. Истина и метод. М., 1988.
- Гегель Г. Сочинения. Т. 1-14. М.-Л., 1929-1959.
- Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.
- Гермес Трижды Величайший. Изумрудная скрижаль//Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979.
- Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.
- Горбовский А. Иные миры. М., 1991.
- Григорьева Т.П. Дао и Логос (встреча культур). М., 1992.
- Гроф С. За пределами мозга. М., 1993.
- Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- Давид-Неэль А. Мистики и маги Тибета. М., 1991.
- Далай-лама XIV. Буддизм Тибета. М. -Рига, 1991.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
- Дао и даосизм в Китае. М., 1982.
- Девис П. Суперсила: Поиски единой теории природы. М., 1989.
- Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.
- Джемс В. Многообразие религиозного опыта. М., 1910.
- Джохансон Д., Иди М. Люси: Истоки рода человеческого. М., 1984.
- Дзэн-буддизм. Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма. Кацуки С. Практика Дзэн. Бишкек, 1993.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 1-23. Л., 1972-1980.

- Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. М., 1972-1973.
- Дугин А. Пути абсолюта. М., 1991.
- Дхаммапада. Рига, 1991.
- Жизнь после смерти. М., 1990.
- Идрис Шах. Суфизм. М., 1994.
- Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
- Интегральная йога Шри Ауробиндо. М., 1992.
- Йог Рамачарака. Религии и тайные учения Востока. Спб., 1914.
- Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека: Проблемы комплексного изучения. Новосибирск, 1991.
- Кант И. Сочинения. В 6-ти т. М., 1964-1966.
- Капра Ф. Дао физики. Спб., 1994.
- Караваев В.В. Руководство по профилактике и оздоровлению организма (Нормализация трех обменных процессов: веществ, энергии и информации - основа здоровья, долголетия и творческих способностей). М., 1976.
- Катастрофы в предсказаниях и пророчествах: от Мишеля Нострадамуса до наших дней. Минск, 1996.
- Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Коран. М., 1986.
- Космическое сознание. М., 1995.
- Кришнамурти Дж. Подумайте об этом. М., 1993.
- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
- Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.
- Лилли Дж. Центр циклона. Автобиография внутреннего пространства. Нью-Йорк, 1972.
- Лодыженский М.В. Сверхсознание и пути к его достижению. Индусская Раджа-йога и Христианское Подвижничество. Спб., 1912.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. В 6-ти т. М., 1963-1980.
- Лосский Н.О. Учение о перевоплощении; Интуитивизм. М., 1992.
- Лу Куань Юй. Даосская йога. Алхимия и бессмертие. Спб., 1993.
- Любищев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М., 1982.
- Малявин В.В. Чжуан-цзы. М., 1985.
- Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990.
- Мантэк Чиа. Цигун. Дао пробуждения Света. В 2-х т. Киев, 1995.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1-50. М., 1955-1981.
- Махабхарата. VII, часть 2. Книга о Бхишме. Ашхабад, 1981.
- Махариши Патанжеле. Йога-Сутра//Утро богов. М., 1992.
- Мегре В. Звонящий Кедр. Анастасия. М., 1996.
- Мень А. Ветхозаветные пророки. Л., 1991.

- Мигдал А.Б. Поиски истины. М., 1987.
- Миндель Н. Философия Хабада. Вильнюс, 1990.
- Мистическое богословие. Киев, 1991.
- Муди Р., младший. Жизнь после жизни. Л., 1991.
- Налимов В.В. Спонтанность сознания. М., 1989.
- Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983.
- Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.
- Паскаль Б. Мысли//Ларошфуко Ф. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. Характеры. М., 1974.
- Письма Махатм. Самара, 1993.
- Платов Ю.В., Рубцов В.В. НЛО и современная наука. М., 1991.
- Платон. Сочинения. В 4-х т. М., 1990-1994.
- Плотин. Эннеады. Киев, 1996.
- Плыкин В.Д. “В начале было слово...” или След на Воде. Ижевск, 1995.
- Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 1974.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.
- Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- Прокл. Первоосновы теологии. Тбилиси, 1972.
- Радхакришнан С. Индийская философия. В 2-х т. М., 1956-1957.
- Рам Чандр. Реальность на рассвете. Минск, 1994.
- Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1991.
- Ригведа. Мандалы I-IV. М., 1989.
- Розанов В.В. Уединенное. В 2-х т. М., 1990.
- Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991.
- Роллан Р. Жизнь Рамакришны; Жизнь Вивекананды. М., 1991.
- Рубинштейн С.Л. Человек и Мир. М., 1997.
- Саган К. Контакт. М., 1994.
- Саентология. Копенгаген, 1998.
- Сатпрем. Разум клеток; Бунт Земли. Киев, 1992.
- Сатпрем. Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. Бишкек, 1992.
- Сент-Экзюпери А. де. Планета людей. Маленький принц. Фрунзе, 1982.
- Симонов П.В., Ершов П.М., Вяземский Ю.П. Происхождение духовности. М., 1989.
- Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М. 1989.
- Сумерки богов. М., 1989.
- Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
- Тейлор Э.Ф., Уилер Дж.А. Физика пространства-времени. М., 1969.
- Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М., 1992.

- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
- Тибетская книга мертвых. Спб., 1992.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991.
- Толстой Л.Н. Избранные философские произведения. М., 1992.
- Тростников В. Мысли перед рассветом. Париж, 1980.
- Упанишады. В 3-х книгах. М., 1992.
- Ухтомский А.А. Письма//Пути в неизвестное. Сборник десятый. М., 1973.
- Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.
- Форд А. Жизнь после смерти (рассказанная Джерому Эллиоту). Нью-Йорк, 1979.
- Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.
- Фрейд З. Избранное. Лондон, 1969.
- Фридман А. Мир как пространство и время. М., 1965.
- Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
- Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
- Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. М., 1991.
- Хамидов А.А. Восток и Запад: специфика соотношения мировоззрения и методологии//Методология науки в контексте взаимодействия восточной и западной культур. Алматы, 1998.
- Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1993.
- Цветаева А.И., Сараджев Н.К. Мастер волшебного звона. М., 1988.
- Циолковский К.Э. Грезы о земле и небе. Тула, 1986.
- Честертон Г.К. Вечный Человек. М., 1991.
- Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
- Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.
- Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. Л., 1991.
- Шипов Г.И. Теория физического вакуума. М., 1993.
- Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.
- Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики. М., 1947.
- Шри Ауробиндо. Беседы с Павитрой. Киев, 1992.
- Шри Ауробиндо и Мать. Духовная эволюция человека. Пондичерри, 1975.
- Шри Ауробиндо. Супраментальное проявление на Земле. Перерождение и карма. Киев, 1993.
- Шри Чинмой. Медитация. М., 1993.
- Шри Шримад А.Ч.Бхактиведанта Свами Прабхупада. Бхагавадгита как она есть. Вильнюс, 1990.
- Штайнер Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991.
- Штейнер Р. Акаша Хроника. История происхождения мира и человека. М., 1912.
- Шюре Э. Великие Посвященные. Очерк эзотеризма религий. М., 1990.

Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.

Эволюция *Homo sapiens*: традиционные механизмы и новые факторы//Человек, 1998, №1.

Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М., 1987.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

О Г Л А В Л Е Н И Е

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ.....	3
ВВЕДЕНИЕ. Последнее Слово философии.....	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Азбука Мироздания: освоение заново	
ГЛАВА I. Первоначала.....	14
1. Открытие Единого.....	14
2. Ложные представления о Боге.....	19
3. Второе Творческое Начало.....	26
4. Что же такое “Дух”?.....	34
ГЛАВА II. Реконструкция Мироздания.....	39
1. Тело сверкающей сферы.....	39
2. Мыслящая Вселенная.....	45
3. Жизнь как творческая эволюция.....	51
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Переоткрытие человека	
ГЛАВА I. Горизонты антропогенеза.....	57
1. Происхождение рода Ното: лабиринты доктрин.....	57
2. Человек в его существе.....	63
3. Генезис Бога, или Второе Начало человека.....	70
4. Уникальное явление во Вселенной.....	76
ГЛАВА II. Назначение человека.....	84
1. Проблема Пути.....	84
2. Духовность - истинный смысл.....	90
3. Три вершины Любви.....	99
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. От царства силы к Царству Души	
ГЛАВА I. Ниспровержение предыстории.....	106
1. Периодизация исторического процесса.....	106
2. “Первородный грех”, или Семя глобального эгоизма.....	112
3. Культурные эпохи: вверх по лестнице, ведущей вниз.....	119
4. “Последние времена” и поиск спасения.....	125
5. Спаситель.....	130
ГЛАВА II. Человек на Пути Жизни Вечной.....	143
1. Победить смерть?.....	143
2. “Воскресение мертвых”.....	149
3. Царство Души: новый Человек, новая Земля, новые Небеса.....	154
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. Философия: закат на Рассвете.....	161
ПРИЛОЖЕНИЕ. Фрагменты книг Последнего Завета,	

бесед и выступлений Учителя	164
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ.....	172
ОГЛАВЛЕНИЕ	180
SUMMARY	182

Kapyshev A., Kolchigin S.
The Philosophy of the Coming (the True Way of Man)
Almaty, 1999

S U M M A R Y

The well known Kazakhstani philosophers make the radical revision of world outlook' foundations of all last and present philosophical, religious and scientific doctrines. It is shown in the book their deep internal contradictions and dead ends. All paths of human development brought in nowhere. But today the missing links in the world outlook' tasks are filled up by the texts of the Last Testament that manifests the wholeness of Truth. In the light of the Last Testament, which is still little known for the reading public and has not received the proper understanding, the "eternal" questions are finding their adequate decision, and philosophy, world outlook and human existence itself came to the absolutely new horizons and wonderful prospects.

The Last Testament, manifested by Vissarion the Teacher, reveals the mystery of the two Creative Sources in the Universe: Absolute and Celestial Father. Absolute (the One) creates material being (including the life and the mind); but Celestial Father is the Source of spiritual being, the Creator of the human soul. He is the objectively real origin of the human morals.

The book shows that such news brought by Vissarion, made the radical changes in the all spheres of human knowledge and world outlook, in all philosophical tasks - beginning with the cosmogenesis and finishing by the essence of the extraterrestrial worlds and the purpose of mankind. Thanks to the availability of the special Source, the unique Entity in the Universe, a man is spiritual creature in the material world. He has got to spread his spiritual beginning in the Universe and to be physically immortal.